ВАДИМ ЧАЙКИН

Chaikin, Vadim Afanasevic
K istorii rossiiskoi
revoliutsii

К ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Выпуск I

Казнь 26 бакинских комиссаров

ИЗДАТЕЛЬСТВО З. И. ГРЖЕБИНА
Москва — 1922

Р. П. № 117. Москва. 10,000 экз.
... бывш. Мамонтова, Филипповский пер., д. 11.

Оглавление I-го выпуска

„Казнь 26 бакинских комиссаров“.

Содержание приложений I-го выпуска:

А. Копии заявлений, газетных статей, отчетов и телеграмм.

Б. Подлинные документы (факсимиле).

ОТ АВТОРА.

Труд, об'единенный под общим заголовком — «К истории российской революции» (1904—1921 годов), ставит своей задачей сохранить для будущего в об'ективном и точном освещении все те исторические события, факты, материалы и документы, которые иначе могли бы затеряться среди великих потрясений переживаемой нами эпохи или подвергнуться искажению. Беспредельности этой задачи, непосильной и для десятков профессиональных историков, автором труда будут противопоставлены два ограничительных требования: описывать лишь те события, участником которых он был, и безусловно воздерживаться от суждений и выводов, не основанных на непосредственных наблюдениях или бесспорных документальных данных.

Отдельные выпуски, числом до десяти, будут окончательно оформливаться и поступать в печать по мере сосредоточения у автора необходимых материалов и в зависимости от технических возможностей.

В исключительных случаях, требующих особой доказательности, предположено воспроизведение в тексте и в «приложениях» фотографических снимков с подлинных документов.

Казнь 26 бакинских комиссаров.

В начале 1919 года я, с чужим паспортом, на имя В. А. Захарова, и широко известный мусульманскому Востоку по работе в Туркестане и Казакстане (Киргизии) Мустафа Чокаев—прибыли через Каспийское море из Форта-Александровского в Баку.

(Все это чрезвычайно сложное и утомительное путешествие, из Челябинска на городок Троицк—башкирскую столицу Таналыков—Баймак—Оренбург—Уральск—киргизскую Джамбейту — Соколок — порт Гурьев—остров Долгий и Форт-Александровский, совершалось в условиях непрерывного политического риска, на уральских тройках, по открытым и строящимся железным дорогам, в автомобиле—в бездорожную степную стужу, на башкирских и казачьих перекладных и даже на адайских верблюдах.

Начатое в ночь на 24 ноября 1918 года у станции Полетаево, Кустанайской ж. д., путешествие это завершилось девятидневным переходом по льдам Каспийского моря—до Мертвого Култука (залив Цесаревича) и Мангышлакского полуострова, а отсюда—паровой шхуной до Баку).

Политическое положение того периода отличалось крайней напряженностью и запутанностью. В очень большой степени его особенности относились ко мне, как покинувшему незадолго до этого с официальным протестом Уфимское государственное совещание *) (22/IX—18 г.) и центральный комитет партии социалистов-революционеров *) (10/XI — 18 г.), а позднее, в Оренбурге, принявшему руководящее участие в подготовке восстания против атамана Дутова **).

Неудивительно, что имея в тылу «победоносного» Колчака, генерала Дутова и уральского диктатора Толстова **), а впереди английских оккупаторов Закаспия и Закавказья—я и мой спутник не могли чувствовать себя в безопасности ни в Форте-Александровском, ни по приезде в Баку.

Поэтому, воспользовавшись замешательством азербейджанской портовой стражи, мы спрятали у себя под платьем оружие и важнейшие конспиративные документы и спустились на берег, прежде чем были начаты таможенный досмотр и проверка паспортов.

Около двух суток ушло затем в Баку на общеполитическую ориентировку и на разрешение вопроса о том, продолжать ли мне оставаться в

---

*) Смотрите выпуск IV этого труда—«Материалы по истории революционного народничества (1904—1920 годы)»— (Готовится к печати).

**) См. «приложения» к этому выпуску № 1.

территории Азербайджанской республики под чужой фамилией или *легализироваться.* На совещании с местными политическими единомышленниками была признана необходимость *легализации;* я тщательно упаковал в тайник дорожного зеркала паспорт В. А. Захарова и превратился снова в самого себя.

С этого момента начинается драматический период тех событий и переживаний, описанию которых, с присоединением сохранившихся документов и некоторых подлинных записей, посвящен первый выпуск моей работы —о «казни 26 бакинских комиссаров».

I.

Когда я думал об этом кратком периоде своей жизни, мне вспоминается одно удивительное по ясности и глубине место из «Войны и мира» Л. Н. Толстого:

> «Есть две стороны жизни в каждом человеке: жизнь личная, которая тем более свободна, чем отвлеченнее ее интересы, и жизнь стихийная, боевая, где человек неизбежно выполняет предписанные ему законы. Человек сознательно живет для себя, но служит бессознательным орудием для достижения исторических, общечеловеческих целей. Совершенный поступок невозвратим, и действие его, совпадая во времени с миллионами действий других людей, получает историческое значение».

Наш приезд с Мустафою Чокаевым в Закавказье и Баку был соткан из бесчисленного количества политических, общественных и личных случайностей, хотя и управлялся в основе *отвлеченным интересом* — помочь Туркестану вырваться из крепких империалистических тенёт, которыми, как стальной паутиной, его успели окутать агенты союзных держав и, прежде всего,—всесильной уже тогда на Юго-Западе Азии Великобритании.

Наша задача до бесконечности осложнялась тем, что мы не могли в предстоящих выступлениях солидаризироваться с советской властью Туркестана, многие действия которой мы считали вредными для переустройства его жизни на новых, трудовых основаниях и как раз толкающими отсталое туземное население в цепкие об'ятия империалистов. И это, на первый взгляд, делало еще более безнадежными наши будущие усилия—без союзников и организованных единомышленников, среди темных и измученных, сбитых с толку заманчивыми обещаниями и тяжелой действительностью тюркских народов Туркмении, Бухары, Хивы и Афганистана. Но наши изолированные, управляемые *отвлеченным интересом* и потому свободные действия совпали по времени и направлению с бесчисленными действиями других людей и получили, в результате, историческое значение.

Одно важное решение, казалось, могло помешать мне достигнуть какой бы то ни было конкретной цели, так как оно диктовалось не внешними, а внутренними условиями и потому в огромном большинстве случаев не со-

впадало *по направлению* с теми бесчисленными действиями, которые только и способны были в сумме помочь достижению раз поставленной задачи. Но и это решение—не допускать в своих действиях ничего, что противоречило бы этической оценке фактов внешней действительности, — несмотря на свою кажущуюся *нежизненность* и даже «надуманность», как открыто говорили мне знакомые, нашло себе немногочисленных, но верных союзников и, совпав *по внутреннему направлению* с их решениями, не только не помешало достижению намеченных целей, а напротив—углубило их и сделало их влияние среди задач и намерений других людей неизмеримо большим, чем если бы они были осуществлены иными, не прошедшими этический контроль или даже безнравственными средствами.

Можно было опасаться, что «надуманность», как говорили одни, и «изысканность» (в дурном смысле неестественности)—по мнению других—той тончайшей по своей сложности алгебраической формулы, в которую вылились *общие задачи* нашей закаспийской поездки, поставят нас и, в особенности, меня в безвыходное положение при первом же столкновении с живой действительностью.

И, однако, как раз *из практики* я и Чокаев могли убедиться, что эта *внешняя сложность* расчета, диктуемого этическим единством воли и не связанного *личными соображениями,* дала мне в Закаспийской области исключительную свободу действий—с полным презрением бесчисленных условностей и препятствий, которые до этого мешали очень многим, аналогичным моей, попыткам и даже на протяжении полугода не дали никому из общественных работников возможнсств проникнуть в занятую британскими войсками юго-западную часть Туркестана *).

Предпринятые в Туркмении, а позднее—в Закавказье и Западной Европе действия, взятые сами по себе, конечно, были бы бессильны сдвинуть на малейшую «иоту» громаду торжествующего английского империализма. Но эти действия, заключавшиеся в установлении ясности и правды там, где до того всё было темно и неверно, в открытом нападении безоружных на закованную в сталь и железо, всесильную пересекающимися интересами своих врагов, беспощадную и бесстрастную «колониальную машину» Великобритании,—во много тысяч раз углубились и усились негодующим сочувствием миллионов людей и *общим направлением* событий того периода.

В результате—«гордые» британские генералы, жертвуя многолетними традициями, принуждены были *унизиться* «до оправданий пред социалистами», вместо *логики оружия* испытать *оружие логики,* конечно, потерпели, подавляемые силой улик и всеобщего презрения, в этой непривычной для них борьбе жестокое поражение.

Позор *открытого* союза с уголовными преступниками и политическими провокаторами; *загрудиения «с друзьями»*, радостно приветствовавшими

*) См. ниже—конец III главы и главу V.

дую строку и каждое слово о преступлениях союзника **); наконец, растущая неловкость пред собственным пролетарским общественным мнением II) ***)—вот те результаты, давление которых, в соединении с другими факторами, ускорило очищение Туркмении британскими войсками I) ****) и надолго ослабило в Туркестане и Закавказьи натиск воинствующей английской дипломатии.

Основной причиной, приведшей меня и Тустафу Чокаева—чрез необозримые пустынные пространства и бесчисленные опасности — с Северного Урала на берега Каспийского моря, являлось тяжелое положение Туркестана, с которым мы оба были связаны годами напряженной общественно-политической работы.

В описываемый период обширный, цветущий Туркестан, равный по территории трем Франциям, подвергался внешним нападениям с нескольких сторон и был особенно угрожаем на юго-востоке, откуда вглубь страны наступали об'единенные с частью туркмен, рабочих Кизил-Арвата и пришлых деникинцев английские военные силы Индии.

Кроме того, и внутреннее положение Туркестана было в высшей степени тревожным. В хлопковой Фергане шли непрерывные восстания сартских «басмачей» *); у реакционных мусульманских церковников («Улейма») определенно намечался деятельный союз с бухарской теократической деспотией, а население кочевых областей было потрясено ужасным голодом, во время которого за зимние месяцы 1917-го и первое полугодие 1918 года погибло до 800.000 туземцев.

При таких условиях потеря для российской революции всего Туркестана, одного из четырех мировых хлопковых районов, сказочно богатого, населенного даровитыми племенами тысячелетней арабско-персидской культуры, представлялось не только вполне вероятною, но и чрезвычайно опасною по своим мировым последствиям.

Ознакомление со многими документами эпохи Европейской войны, относящимися к Туркестану и Закавказью, а также исследование тайных сношений европейских и американских империалистов с туркестанскими, афганскими и турецкими реакционерами, привело нас еще задолго до этого к выводу о готовящемся (политическом или экономическом) захвате Туркестана **) и о предстоящем создании из него своеобразного индо-среднеазиатского барьера.

**) См. в выпуске V—«Туркестан и империалисты» (готовится к печати), беседу Мустафы Чокаева с французским посланником графом де-Нонанкур и др. материалы.

***) См. выпуск V—«Туркестан и империалисты».

****) Значками «I» и «II» и т. д., без указания на сноску, обозначаются примечания (см. в конце выпуска).

*) Басмачи собственно «разбойники»,—приобрели за время существования в Туркестане Советской власти, значение своеобразной туземной «махновщины»—с политическими задачами и лозунгами.

**) См. вып. V—«Туркестан и империалисты».

Конечно, форма империалистических покушений и самое назначение этого барьера резко видоизменялись в зависимости от того, кто считал себя очередным претендентом на сказочные богатства Туркестана: турецкий принц крови, намеченный по соглашению Берлина и Блистательной Порты на туранский трон; связанное индо-афганскими и персидскими интересами лондонское правительство или консорциум американских банков. Но сущность этих покушений сводилась к одному и тому же, и удайся они—результатом было бы многолетнее хозяйственное и духовное закабаление страны и превращение ее в одну из крупнейших капиталистических колоний мира.

В начале 1919 года, после того, как рухнул германский империализм, а крушение сибирской реакции было лишь вопросом месяцев, единственной смертельной угрозой для дела туркестанского освобождения являлся Лондон с широкими ответвлениями его военных щупальцев на границах Афганистана, в Туркмении, Персии и Закавказьи.

—Пред лицом такой опасности делались блёклыми и отходили на второй план все наши, по существу непримиримые разногласия с туркестанским *поместным* большевизмом, который в своем предельном развитии или упадке открывал пред трудовым туземным населением страны определенные перспективы, тогда как владычество империалистической Англии не сулило ему ничего, кроме экономического рабства и подавления национальных творческих сил.

При разрешении этой альтернативы не могло быть споров в среде тех, кто знал истинное положение Британской Индии...

«Английское правительство, так кичащееся своим демократизмом, не позволяет нам, индусам, держать при себе даже карандаши...»—с горечью говорит в своей известной речи профессор из Дэли Джаббар. В Пенджабе, в крупных культурных центрах, к разговаривающим туземцам *открыто подходят* с записной книжкой в руках, *для записи разговора* британские шпионы *). А беспримерный национальный гнет в Бенгалии вызвал такую страстную реплику одного из бенгальских делегатов на с'езде, ставящем своей целью освобождение его родины от гнета капиталистической Англии: «Я слышал, как башкиры, сарты и другие народы Советской России поют свои национальные песни. А нам, в Бенгалии, английское правительство запрещает петь бессмертное творение нашего великого Банкима Шандры—«Привет тебе, о родина-мать», в котором нет ни воинственных нот, ни тени ненависти к кому бы то ни было, а воспеваются вечные несравненные красоты, могучие реки, зеленеющие поля, дивные ночи и сладостный шум улыбающихся дней *нашей родины-матери...»* **)

В описываемый период, когда в Туркестане кипела особенно напряженная междуусобная борьба III), взоры империалистов всего мира [illegible]

*) Из моих личных сведений-материалов.

**) Перевод с прокламации, на персидском языке. См. выпуск [illegible] и империалисты».

чески прикованы к богатствам и «судьбе» этой страны ***). При таких условиях посещение Туркестана во что бы то ни стало и как раз в наиболее угрожаемой его части—Закаспийской области, являлось для меня и Мустафы Чокаева делом неотложной общественной необходимости.

Но поездка туда должна была неизбежно пройти через контроль британского командования, которое владело большею частью Каспийского моря и единственным туркестанским портом—Красноводском. Приходилось поэтому выбирать только между двумя возможностями: или попытаться полуконспиративно проникнуть в Туркмению, не раскрывая предварительно своих политических планов и тем до поры, до времени отсрочить прямое противодействие нашей поездки со стороны агентов Антанты, или же изложить открыто политическую платформу туркестанского Комитета *), широко оповестив о преследуемых нами задачах закавказскую прессу и западно-европейское общественное мнение. По ряду веских причин **) мы избрали второй путь, и это решение, казавшееся многим из наших товарищей опасным и бесцельным пред лицом вероломного, беспощадного противника, оказалось впоследствии единственно правильным.

Первое же ознакомление с положением дел в Баку и Красноводске показало нам, какого грозного противника всех намеченных планов имеем мы в лице всесильного английского командования. Опираясь на небольшие гарнизоны из сипаев, гурков и шотландцев, оно зажало в военный кулак все проявления местной общественности, опутало сетью шпионажа и интриг большинство политических деятелей и зорко следило за всеми проявлениями «враждебной интересам Великобритании» оппозиционности.

Приезд в столицу Азербейджана—Баку двух туркестанских депутатов Всероссийского Учредительного собрания, не мог в то время оставаться здесь безразличным фактом, особенно для великобританского командования, проводившего на Переднем Востоке чрез свою бесчисленную агентуру в Туркестане и Закавказьи *особые интересы метрополий.*

Предпринятые нами открытые шаги (обширные интервью, данные Мустафою Чокаевым всей закавказской прессе о характере колчаковщины и ее близкой гибели и радио комитета по созыву Туркестанского учредительного собрания на име президента Вильсона и статс-секретаря Лансинга **) усугубили этот повышенный *интерес.* Вторым последствием такого образа действий была своеобразная и неожиданная *легитимация* нашего положения, что, в связи с предположенной ставкой *на разность действующих в Туркестане империалистических сил,* увеличивало шансы на благоприятный исход поездки.

***) См. выпуск V—о «предложениях помощи» Туркестану французского посланника графа де-Пошанкур и о поведении северо-американской дипломатической миссии Закавказья.

*) См. выпуск V—«Туркестан и империалисты».

*) См. в выпуске V—«Туркестан и империалисты» текст этого радиообращения и ответ на него Вильсону, Лансингу и Версальской конференции VII чрезвычайного Съезда Советов Туркестанской социалистической республики.

Но в этот самый момент, когда, казалось, окончательно определились задачи нашей дипломатической экспедиции вглубь Туркестана, предо мной во весь рост встал новый вопрос, разрешения которого требовали уже не «ставка на разность империалистических сил» и не ближайшие интересы туркестанского населения, а *отвлеченный интерес*, свободный от условностей политической борьбы и идейных расхождений.

Вопросом этим было таинственное исчезновение из красноводской тюрьмы, почти за полгода до нашего выезда в Закаспий, 26 пленных бакинских комиссаров, являвшихся, по общему отзыву их друзей и недругов, *цветом восточного большевизма*, его подлинным идейным и интеллектуальным центром. Уже один личный состав 26 комиссаров *) делал их исчезновение событием исключительной политической важности для всего Кавказа и далеко за его пределами.

С первого беглого взгляда на весь этот смутный и мрачный зигзаг российской окраинной революции становилось очевидным, что он не мог быть случайностью. Удар был нанесен по верному, беспощадному плану, а последствия его заставляли предполагать в организаторах «исчезновения» тонких аналитиков *восточной проблемы*, заинтересованных в деморализации и распылении революционного движения среди народов Кавказа, Персии и Туркестана.

Действительно, не рискуя впасть в преувеличение, можно сказать, что внезапное пленение и гибель всего Московского Совета народных комиссаров с Лениным, Троцким, Луначарским и Чичериным—во главе, не могли бы произвести большего впечатления на пролетариат Петербурга и Москвы, чем загадочный увоз из Красноводска в *Британскую Индию* **) Степана Шаумяна, Александра Джапаридзе, Ивана Фиолетова и др. на бакинские и закавказские рабочие круги.

Центральной фигурой, отсутствие которой на арене восточной революции будет неизменно сказываться в течение целых десятилетий, был Степан Шаумян. Влияние этого человека среди бакинского пролетариата казалось почти беспредельным. Так, тотчас после Февральской революции, находясь еще в саратовской ссылке, он был единогласно, несмотря на многолетнюю принадлежность к большевистскому крылу Р. С.-Д. Р. П. и ярко выраженную *коммунистическую* индивидуальность, избран председателем бакинского совета, хотя здесь в то время на 150 делегатов приходилось всего 14 его партийных единомышленников ***). Большим авторитетом в Баку, Закавказья и даже Персии пользовались также—организатор нефтепромышленных рабочих (еще с 1904 года) Алексей-Прокофий Джапаридзе, его давнишний товарищ

*) Это общее, суммарное наименование, как может видеть [illegible] лагаемого снимка первой страницы траурного сборника «Памяти [illegible] мунаров», не вполне отвечает действительности: среди 26 бакин[illegible] много неадминистративных политических работников.

**) Этот слух был в Баку наиболее распространенной [illegible]

***) См. в траурном сборнике «Памяти Бакинск[illegible] К[illegible] сонивили: «Из истории Советской власти в Баку».

помощник по профессиональному движению Иван Фиолетов, публицист Арсен Амирян и ряд других исчезнувших политических работников.

Из нескольких целей, ради которых намечалась поездка в Туркестан, главною с известного момента стала для меня разрешение вопроса о судьбе 26 комиссаров. И это не было исключительным последствием моего основного взгляда на соотношение «между этикой и политикой», но также результатом определенного общественного расчета.

Загадочные международные условия, при которых бесследно исчезла с бакинского горизонта целая плеяда известнейших людей, должны были быть выяснены во что бы то ни стало и прежде всего ради мотивов общественно-этического характера. А поразительная *бесстрастность* и практическая бездеятельность, проявленные в этом вопросе всей закавказской общественностью, не исключая самих большевистских кругов, полное их неуменье взяться за дело и, наконец, опасения, что время сотрет последние следы преступления, вынуждали действовать с максимальной настойчивостью, быстротой и предусмотрительностью. Последнее было особенно необходимо в виду общей напряженности политической атмосферы в Закавказьи и Туркестане и тех новых, исключительных опасностей, которые возникали пред нами с момента изменения прежних целей поездки.

Об этом я предупредил своего спутника и соратника по делам Востока Мустафу Чокаева. С обычным для него фаталистическим спокойствием, он сказал, что будет жалеть, если новая *случайная задача* приведет к катастрофическому результату задуманную нами экспедицию; но, что зная мои мотивы, он ради них разделит со мною и последствия, и ответственность...

II.

Когда решение было принято, оставалось накануне от'езда сделать последние шаги.

Переместив для себя центр тяжести всего начинания с определения международных условий жизни Туркестана в сторону выяснения общих причин и обстоятельств исчезновения 26 комиссаров, я в тот же вечер посетил открыто действовавшие в Баку городские комитеты П. С.-Р. и Р. С.-Д. Р. П. и сделал их президиумам конспиративное предложение делегировать меня в Туркестан, а если понадобится—в Персию и Индию, для исследования на месте во всей полноте событий, происходивших по ту сторону Каспийского моря с момента высадки исчезнувших бакинских комиссаров на красноводский берег. В противоположность бесчисленным слухам и предположениям, к сожалению, находившим себе место даже на столбцах официальных советских изданий, оба комитета с удовлетворением приветствовали мою инициативу, хотя и опасались за благоприятный исход всего дела.

Как ни странно думать теперь об этом, но в то время кровавый террор, казалось, сковал энергию и волю закавказской социалистической общественности. Возможно, что не одни прямые опасности, а в еще большей степени—

постоянная неопределенность положения, таинственные увозы из Красноводска в Энзели и Мешед десятков политических узников, на ряду с провозглашенной тем же английским командованием в Баку «свободой» печати и даже стачек, наложили тогда на всё *происходившее* мрачный колорит грядущего грандиозного предательства. И потому я не мог удивляться, когда официальный представитель бакинского меньшевистского комитета, высказывая свое глубокое удовлетворение по поводу новой попытки «выяснить это ужасное дело», заявил мне: «Мы, как, конечно, и ваши товарищи по партии, от души желаем вам успеха и счастливого возвращения, но, говоря искренно, я не знаю, не окажетесь ли вы двадцать седьмым».

Вторым, тесно связанным с первым вопросом, было продолжающееся с сентября 1918 года содержание в закаспийских тюрьмах семейств исчезнувших комиссаров и бакинского большевика Микояна. Их судьба, живых и погребенных в плену у закаспийского «комитета общественного спасения», волновала не только политических единомышленников, но и *широкие демократические круги* Закавказья. И хотя это были, за исключением Микояна, преимущественно частные люди, далекие от прямой политической борьбы, но факт их бессрочного и бессудного заточения, вместе с малолетними детьми, в асхабадских казематах ранил общественное правосознание, даже партийных большевистских кругов, не меньше, чем предполагаемая гибель или увоз в Индию 26 активных советских работников.

Для меня казалось ясным с самого начала, что не только ради сурового общественного «принципа наименьшей траты сил» необходимо об'единить оба эти вопроса. Не говоря уже об этической недопустимости рисковать жизнью для мертвых *) и спокойно оставлять умирать близких им живых, можно было надеяться, что именно семьи погибших, вместе с ними схваченные в Красноводске, будут в состоянии дать мне основную нить для общественного освещения всего происшедшего.

Поэтому к первому своему решению добиться всей правды по делу 26-ти я, с согласия Мустафы Чокаева, присоединил второе: во чтобы то ни стало, всеми имеющимися в нашем распоряжении силами и средствами, не останавливаясь ни пред каким риском, способствовать спасению жен и детей бакинских комиссаров—Степана Шаумяна, Александра Джапаридзе, Ивана Фиолетова, Татевоса Амирова и др.

К этой второй стороне нашего начинания оба социалистических комитета Баку, естественно, проявили не меньшее сочувствие, чем к первой; мне были переданы необходимые красноводские, кизил-арватские и асхабадские адреса, а также различные относящиеся к делу справки. Кроме того, от отдельных большевиков, соприкосновение с которыми представляло в то время серьезную опасность в виду британского контроля на Каспийском море и в Закаспии, мне пред самым от'ездом удалось получить некоторые сведения

*) Большинство и тогда склонялось к мысли, что все 26 [illegible]

личном составе заключенных и о сносящихся с ними в Асхабаде друзьях и единомышленниках.

Получение на оба начинания политических полномочий от бакинских организаций с.-р. и с.-д., это своеобразное *общественное перестрахование* всего дела казалось мне необходимым по ряду причин. Главною из них было сознание исключительной трудности и опасности предстоящей борьбы и даже вероятности нашей гибели. При таких условиях «обеспечить тыл», не дать политическим врагам легкой возможности извратить в будущем самый характер предпринимаемых конспиративных шагов и даже оклеветать нашу память в случае неблагоприятного конца, было делом элементарной общественной предосторожности.

Во-вторых, мне и Мустафе Чокаеву с первых же дней нашего появления в Баку стало известно, что по всему Закавказью, в России и даже за границей, неизвестными лицами упорно муссируется слух, будто увоз из Баку и таинственное *исчезновение* в Красноводске пленных большевистских комиссаров было актом политической мести, *к которому в каком-то, в высшей степени тонком и неуловимом, отношении находятся бакинские социалистические организации.* Расценивая этот слух с самого начала, как чудовищную клевету или добросовестное заблуждение лиц ,потерявших голову среди жестокостей и неистовств гражданской войны, я считал долгом своей политической корректности предупредить бакинские организации с.-р. и с.-д. о намеченных мною шагах и тем политически связать их с делом освобождения семейств погибших комиссаров и выяснения подлинных виновников их гибели.

Теперь, когда все это становится достоянием истории, я не хотел бы также умолчать, что, приехав в Баку, был с первых-же шагов удручен этическим уровнем некоторых закавказских общественных работников и, допуская смутную прикосновенность кого-либо из них к этому кошмарному делу считал необходимым, фактом предуведомления *организаций,* обеспечить себе на будущее абсолютную нравственную свободу относительно их отдельных *преступных членов.* Нечего и говорить, что с ужасом отвергая в теории самую мысль о возможности участия *«социалистов»* в вероломном истреблении своих идейных противников, я решил проявить на практике по отношению к подобным «социалистам», если бы действительность подтвердила слухи, самую крайнюю беспощадность, не останавливаясь ни перед какими сторонними соображениями и последствиями. Как увидят читатели ниже, судьбе было угодно именно в этой плоскости поставить предо мной впоследствии — жестокую нравственную альтернативу, для разрешения которой мне пришлось, уже по возвращении из Закаспия, в течение долгих месяцев, затрачивать огромное количество энергии и оставаться буквально на краю политической бездны.

На другой день после окончания всех этих переговоров, сдав верным друзьям на хранение привезенные с Урала конспиративные документы и исто-

рические материалы, мы с Мустафою Чокаевым двинулись из Баку в Красноводск.

III.

Как уже упоминалось прежде, между политическими условиями в столице Азербейджана и по ту сторону Каспийского моря существовало глубокое и неслучайное различие. Изменение *либерального* бакинского режима начинало чувствоваться тотчас, как пассажир вступал на борт энзелийского или красноводского парохода. Предоставляя до поры-до времени промысловому пролетариату Баку некоторые очень сомнительные вольности и держа зато в железном кулаке правительство *независимой Азербейджанской республики,* британское командование резко меняло методы управления уже на Каспийском море, не говоря о фактически оккупированных портах персидского Энзели и Красноводска *). Поэтому, несмотря на все принятые меры предосторожности у нас не могло быть, по общему мнению, никакой уверенности в том, как встретят непрошенных туркестанских представителей морская британская полиция и власти Закаспийского побережья.

Я помню ясное февральское утро, когда мы взошли по мосткам на палубу маленького двухбортного пароходика. День обещал быть солнечным, на море переливалась сверкающая мельчайшая рябь. Налево рисовался Черный Город, с сумрачными обелискообразными нефтяными вышками. Прямо перед выходом из бухты дымился прозрачным туманом остров Нарген. Даже прозаические бакинские набережные, без всяких признаков растительности, с кривыми вливающимися в них неопрятными улицами—казались на солнце наряднее обычного и были обвеяны спокойствием крепкого морского утра.

Во всей этой ясной, отчетливой картине и в глубокой ее противоположности тому трудному, неопределенному плану, ради осуществления которого мы безоружные входили в «клетку» с британским львом, было какое-то щемящее противоречие. Мне показалось, что мой спутник, при всей его культурной уравновешенности, соединенной с удивительного спокойствия восточным фатализмом, разделял то же настроение.

Мы неподвижно стояли у легких перил палубы и молча смотрели на расстилающуюся полукругом амфиладу бакинских улиц. Между тем, стали прибывать пассажиры; поднялась та обычная вялая и бесцельная суета, которая по морской традиции сопровождает каждый предотходный гудок парохода. Через несколько минут сняли мостки, заработала машина и Баку начал медленно уплывать от нас, делаясь все меньше и игрушечней. С смутным чувством не зная, увидим ли мы снова этот чуждый и сразу ставший нам близким город, я отозвал в сторону Чокаева для совещания о дальнейшей «морской» тактике. Дело в том, что вместе с нами село на пароход несколько человек, явно или неявно прикосновенных к Асхабадском[у] «Комитет[у] общественного спасения», или, как его громко именовали неко[торые] [illegible] каспийской «директории».

*) См. главу II «Заключения» этого выпуска

Среди этих пассажиров, несомненно находились люди, малейшая наша оплошность относительно которых, случайная фраза или даже обмолвка могла сразу скомпрометировать *легальный титул* всей поездки. С другой стороны, именно, проникающий ее внешний *легитимизм* и наше звание членов Учредительного Собрания обязывали меня и Чокаева не уклоняться от неизбежных дорожных расспросов и разговоров, особенно при том повышенном интересе какой сразу вызвали к себе на пароходе наши явно не-местные фигуры. Действительно, не прошло и часа, как мы уже оказались в капитанской рубке, за длинным покрытым клеенкою столом, и внимательно слушали, кратко отвечая на отдельные вопросы, пространные повествования закаспийцев об их правительстве, англичанах, наступающих на Мервский оазис большевиках и т. д. Из этих беспорядочных рассказов, противоречивых и характерных, отражающих неожиданные подчас особенности средне-азиатской «государственности», мы узнали гораздо больше, чем в результате всех своих подготовительных сношений в Баку — с партийными организациями, официальными представителями закаспийского «комитета общественного спасения» и частными лицами.

Так, только здесь, скорее по боязливым уклончивым недомолвкам, чем из сообщаемых фактов, нам стала понятна роль в этом комитете незаметного с бакинского берега «диктатора»—С. Л. Дружкина. Языки некоторых рассказчиков как будто готовы были развязаться и дальше, но предстоявший в Красноводске «английский контроль» и совмещение «директором» Дружкиным функций председателя закаспийского розыскного бюро, или начальника политической полиции, умеряли общую словоохотливость.

Как бы то ни было, все эти рассказы имели для успеха нашей экспедиции очень большое, уясняющее значение, и когда на другой день в полдень пароход оказался в виду Красноводска, мы знали уже, с чего нам предстояло начинать на этом сумрачном неприветливом берегу.

Красноводск, расположенный на бурых холмах закаспийского побережья—со стороны моря только жалкая деревушка, с которой как-то не вяжется представление о важном портовом городе, замыкающем собою железнодорожные пути Средней Азии. Но британский «деловой гений» сумел различить в этом неприветливом уголке бесплодных закаспийских степей ключ к военному и экономическому преобладанию над целой страной, и результатом явилось «добровольное» хотя и подписанное асхабадским правительство *без обсуждения* мешедское соглашение 1918 года *).

Уже с другим чувством, чем при от'езде из Баку, строго официальные и «в полной боевой готовности», вступили мы на Красноводскую набережную. Сомнения и колебания были оставлены *на том берегу*. Весь сложный механизм планов и *решений*, сосредоточенный в нас одних и в то же время тысячами невидимых нитей соединенный с жестокой закаспийской действи-

---

*) См. в вып. V—«Туркестан и империалисты»—подлинный текст этого тайного договора и комментарии к нему.

тельностью, механизм—со всеми его туго натянутыми пружинами, точными расчетами и условными построениями—был безвозвратно пущен в ход...

Твердо, *как народные избранники*, с полным сознанием своих прав и обязанностей, не давая места каким бы то ни было сомнениям в'их реальности, мы появились на красноводском вокзале. Вызвав коменданта станции, а затем и начальника, я пред'явил им свою визитную депутатскую карточку и предложил озаботиться предоставлением в первом отходящем поезде «двум депутатам Всероссийского Учредительного Собрания и членам комитета по созыву Туркестанского Учредительного Собрания» изолированного купэ первого класса—до Асхабада.

Был один краткий момент, когда у вызванных мною лиц, казалось, готов был сорваться вопрос об отношении к нашей миссии «их правительства», но необычность нашего появления, вся обстановка захолустного провинциального городка, где неожиданно пересеклись нити мировой империалистической борьбы и категоричность моего тона—устранили этот момент. С низким полупоклоном, выражая *готовность служить чем может*, начальник станции почти отрапортовал, что отдельное купэ нам будет предоставлено сегодня же, в отходящем через несколько часов асхабадском поезде.

Таким образом, начало казалось счастливым. Мы не должны были задерживаться в Красноводске, оккупированном англичанами, ни одного лишнего часа; были признаны с первого же шага в том политическом звании, какое одно лишь могло дать нам почву для последующих действий, и имели надежду беспрепятственно прибыть в столицу закаспийского правительства — Асхабад. При этом, несомненно, «британский контроль» через своих пароходных агентов уже был точно осведомлен о прибытии в «зону его влияния» членов «Российской Конституанты» и по тем или иным мотивам пока не считал уместным препятствовать их дальнейшему продвижению. Такие результаты нельзя было не признать добрым предзнаменованием, особенно если вспомнить, что незадолго до этого, специальная делегация бакинской рабочей конференции, отправленная в Среднюю Азию с самыми скромными, профессиональными заданиями, была задержана в Красноводске тотчас по выходе из парохода и срочно отослана в Баку, при чем английский агент, «председатель красноводского правраскома» *) Кун имел цинизм уведомить от этом факте рабочих Кизил-Арватских мастерских такой депешей:

«Кизил-Арват **), Егорову. Делегаты выехали обратно в Баку. Положение в Красноводске их удовлетворило. Кун».

Одна случайная встреча еще больше улучшила наше положение. Прогуливаясь в ожидании поезда около станции, Чокаев был окликнут незнакомым мне человеком в сером штатском костюме. Этот человек оказался Н. Н. Хан-Иомудским, известным в Туркестане и России своими юридиче

---

*) «Правительственный распорядительный комитет».

**) Станция Ср.-Аз. ж. д., на полпути между Красноводском и Асхабадом, с крупнейшими железнодорожными мастерскими всего Туркестана.

скими работами по истории и бытописанию Востока. По счастливому совпадению, он, до этого в течении полугода не покидавший острова Челекена, именно в день нашего приезда прибыл на лодке в Красноводск и направлялся в Асхабад, где, как говорил, должен был принести правительству ряд жалоб на действия челекенской стражи. Прежнее знакомство Чокаева с этим либеральным туркестанским бюрократом куропаткинского периода и его явная оппозиционность асхабадской «директории» давали в наши руки новый козырь, как в смысле уяснения всей сложности здешних политических интриг, так и относительно предстоящих нам в Асхабаде первых дипломатических шагов.

Через три часа мы уже сидели в нарядном четырехместном купэ средне-азиатского вагона и вместе с Н. Н. Хан-Иомудским, обогнув холмистый красноводский залив, мчались по безводной каспийской пустыни к Кара-Тенгиру и Асхабаду.

IV.

Местность между Красноводском и Кизил-Арватом — одна из самых унылых и тоскливых, какую только мне приходилось видеть за всю свою довольно богатую путешествиями жизнь. Лишь вначале пустыня, почему-то называемая здесь степью, несколько оживляется близостью моря, береговые излучины которого иногда просвечивают на горизонте; но вскоре исчезают и эти последние признаки живой действительности, и серое необозримое пространство,—от края до края неба,—без каких бы то ни было возвышенностей, обнаженное и ровное, раскидывается перед глазами.

В противоположность пустыням Центральной Азии, с их как бы мгновенно *опесчанившимися* из морских бушующих валов бурунами, сверкающими на солнце кристаллическими солончаками и жадной всюду бьющей в глаза борьбою чахлой растительности за право на жизнь и размножение— бесплодная закаспийская «степь» на протяжении сотен верст ничем не проявляет этой *жажды жизни*. Опаленная солнцем и побуревшая от «монгольской» пыли, она кажется обреченной на вечное бесплодие и способна была вызывать в нашем положении самые безотрадные мысли. Глядя в окно мягко скользящего вагона, я подумал, что никакая другая равнина не могла бы составить более зловещего фона для знаменитого «сна Андрея Кожухова *), накануне его покушения на жизнь императора Александра II.

Между тем, начинало вечереть. Оживленные вначале разговоры и жалобы Н. Н. Хан-Иомудского на челекенские и закаспийские непорядки сменились общей усталостью. Промелкнули станции Белек и Джебел. Стало садится солнце. Почти в двухстах верстах от Красноводска песчаная равнина несколько изменила свой характер; кое-где появились «намытые» ветром и покрытые редкими пучками сухой травы небольшие, неправильной формы холмы. В зареве заката они казались выше и, развертываясь по горизонту розовой грядой, вносили в однообразие пустыни некоторое оживление. Но

*) «Андрей Кожухов» роман Степняка-Кравчинского.

тогда ни я, ни Мустафа Чокаев не предугадывали рокового значения этого «оживления».

На другой день в полдень мы прибыли в Асхабад. Это было 22 февраля, через несколько дней после происшествия, которое в накаленной политической атмосфере Закаспия разрослось в целое «международное событие». Сущность его сводилась к тому, что на британского временщика и закаспийского «диктатора», члена «комитета общественного спасения» С. Л. Дружкина на людной площади Асхабада, среди бела дня, было произведено несколькими офицерами, из бывшей армии генерала Бичерахова «неудавшееся покушение». Исполняя личное приказание С. Л. Дружкина стража из мешедских сипаев открыла по «покушавшимся» карабинный огонь, и два офицера были убиты на месте, а третьего раненого задержали, когда он пытался скрыться. Этот эпизод, несмотря на то, что он не являлся чем-то исключительным в тогдашней напряженной обстановке Туркестана *), произвел на все круги асхабадского общества ошеломляющее впечатление. Причиною были некоторые «подробности покушения», о которых мы только догадывались из случайных разговоров тотчас по приезде в Асхабад.

В самом воздухе города чувствовалось приближение террора. Незнакомых приезжающих на вокзале с ног до головы оглядывали «тайные агенты», не умевшие, однако, скрывать своей профессии; в гостиницах боязливо шептались и недоверчиво встречали всякого не местного человека, опасаясь «неприятностей». В Hotel'e de Londres», куда с вокзала, наконец, доставил нас извозчик, сразу потребовали паспорта, и швейцар «интересовался» причинами нашего приезда сюда из Баку *в такое тревожное время.*

Не было ничего невероятного в том, что пресловутый «английский контроль» успел уже по телеграфу уведомить из Красноводска о выезде в Асхабад туркестанских представителей, и во всяком случае, мы не могли расчитывать ни одного дня пробыть здесь, предоставленные спокойному выяснению политической обстановки. К тому же медлительность могла обрушить на нас репрессии «диктатора» прежде, чем удались бы те принципиально необходимые шаги, ради которых предпринималась поездка. Поэтому решено было действовать немедленно.

Намеченный еще в Баку и тщательно взвешенный дорогою план наших действий в Закаспийной области был приблизительно такой. Используя впечатление от телеграммы туркестанского комитета на имя президента Вильсона и выжидательное настроение британского командования, я и Чокаев должны были, по прибытии в Асхабад, обратиться с открытыми заявлениями о недопустимости продолжения в Закаспии режима английского насилия: Чокаев—к высшему представителю лондонского правительства в Персии и Туркестане генералу Маллесону, а я—к выборным членам «директории». Одновременно решено было потребовать от члена «директории», [illegible]ского министра иностранных дел,—Л. А. Зимина, —освобождения и отправки

*) См. примечание.

в Баку семейств исчезнувших комиссаров, а мне лично предстояло предпринять сложные и пока неясные шаги относительно выяснения причин их исчезновения.

Л. А. Зимин, которого я увидел впервые 23 февраля на его асхабадской квартире и простился навсегда 4 марта, был известен в Туркестане еще до Февральской революции, как видный ориенталист и радикальный культурник. В Петербурге передавали о нем в высшей степени положительные отзывы известного востоковеда проф. Бартгольда и предсказывали молодому ученому блестящую будущность. Кроме того, в бакинских партийных кругах Зимина определенно называли социалистом-революционером и, несмотря на пребывание в «директории», относились к нему, повидимому, с личным доверием. Все это побудило меня, за отсутствием другого удовлетворительного выхода, пойти «ва-банк» и поставить Л. А. Зимина в центре вращения всех своих планов и, прежде всего, вопроса о судьбе 26 бакинских большевиков.

Дальнейшее показало, что это было единственно правильным решением, хотя впоследствии оно и стоило жизни самому Л. А. Зимину.

Переодевшись и захватив необходимые бумаги, мы в вечер приезда отправились из скромного номера «Hôtel'я de Londres» на квартиру закаспийского министра иностранных дел—с дежурным гайдуком у входа. Зимин оказался дома, и я был представлен ему и его жене Чокаевым, который раньше встречал их в Ташкенте на общественно-просветительной работе.

С первого момента и взгляда, по той сияющей радости, с какою приветствовал Зимин наш приезд, по проникающей все его замечания неуверенности и глубокой удрученности за результаты проводимой им или вопреки ему, в Закаспии «высокой политики», я понял, что не ошибся в выборе необходимого для успеха дела человека и могу всецело положиться на его личную честность и искренность. Как не раз приходилось мне поступать и прежде в тяжелых и запутанных положениях, я сразу *решил поверить* этому человеку, склоняя его на сторону своих планов не столько доводами политической целесообразности, сколько прямым обращением к личному человеческому достоинству. Сама внешность Л. А. Зимина с широкой, окладистой и необыкновенно длинной бородой, несмотря на его сравнительную молодость (36 лет), с открытым лицом и ясными голубыми глазами—предрасполагала к такому доверию. Говорил он без малейшей аффектации и несомненно, с первых слов, все, что знал и думал.

В течение нескольких часов, видимо измученный долгим отсутствием людей, с которыми он мог бы советоваться, Зимин рассказал нам ужасную повесть о «начале и конце» закаспийской трагедии.

Вкратце она сводилась к следующему. В июне 1918 года, после приезда в Асхабад из Ташкента карательной экспедиции чрезвычайного комиссара А. Фролова и допущенных им исключительных жестокостей, произошло восстание рабочих ж. д. Кизил-Арватских мастерских. Восстание это закончилось истреблением в Кизил-Арвате всего отряда Фролова, убийством самого

чрезвычайного комиссара и расстрелом в Асхабаде девяти местных комиссаров (25 июня), представлявших здесь власть туркестанского советского центра. Июнь и июль прошли в борьбе на Мервском фронте с присылаемыми из Ташкента отрядами красной гвардии и в создании асхабадского аппарата власти.

В начале августа для руководителей повстанческого движения и возглавившего его «временного исполнительного комитета Закаспийской области» стало ясно, что собственными небольшими силами, при расстроенных финансах и усиливающихся продовольственных затруднениях, они скоро окажутся не в состоянии продолжать борьбу. Тогда среди членов исполнительного комитета возникла поддержанная «советом управляющих делами» (закаспийским кабинетом министров) мысль о заключении военного соглашения с великобританским правительством в лице его мешедского резидента генерала Маллесона.

19 августа в Мешеде (Персия) генералом Маллесоном и уполномоченным исполнительного комитета Доховым был подписан формальный договор, ограничивающий в ряде отношений суверенные права комитета на закаспийскую территорию и ставящий асхабадское правительство в финансовую зависимость от британского командования. «Жертва» эта, по мнению большинства исполнительного комитета и самого Зимина, была неизбежна в виду тяжелых затруднений закаспийского правительства и ради продолжения наступления на Ташкент. Однако, помощь англичан оказалась почти призрачной и сводилась, главным образом, к советам относительно управления страною и к вмешательству в ее внутренние дела. *Одним из актов этого вмешательства была организация убийства 26 бакинских комиссаров,* о котором Зимин имел, однако, самое смутное представление.

В конце декабря высший представитель великобританского правительства в Закаспийской области капитан Р. Ф. Тиг-Джонс, по соглашению с начальником закаспийского розыскного бюро С. Л. Дружкиным, решил произвести государственный переворот, для чего 31 декабря в Асхабаде должны были состояться,—сорганизованный английскими агентами «митинг недовольства», разгон его британской вооруженной силой и роспуск *бессильного* бороться с большевизмом исполнительного комитета. В виду значительного влияния, которым пользовался в широких кругах населения и даже среди туркмен Л. А. Зимин, капитан Тиг-Джонс *еще до митинга* запросил его, согласится ли он войти после переворота в новое правительство—«директорию». Зимин ответил отказом и пытался принять меры к предотвращению захвата власти англичанами. В результате, 1—3 января 1919 года после разгона «митинга недовольства» и занятия сипаями правительственных учреждений, исполнительный комитет решил пойти на создание «директории» из пяти лиц, двух туркмен и трех русских. В число этих *русских* исполнительным комитетом был единогласно избран Зимин и забаллотирован Дружкин. Тогда капитан Тиг-Джонс, считая переворот не удавшимся, так как в «директорию» не вошел британский агент С. Л. Дружкин, потребовал включе-

его во вновь созданный орган власти, что, под угрозою военной силы, и было исполнено,

После этого,—продолжал свой рассказ Зимин,—открылась самая тяжелая и унизительная страница закаспийской государственности. Не проходило дня, чтобы британское командование не пред'являло все новых и новых требований; закулисные интриги и таинственные, не всегда понятные даже «первым лицам в государстве» мероприятия генерала Маллесона и капитана Тиг-Джонса заменились открытым нажимом на совесть и достоинство членов «директории». «Дошло до того,—закончил, браднея Зимин,—что неделю назад ко мне явился Дружкин и от имени *высших представителей лондонского правительства* предложил, в виду предстоящей эвакуации британскими войсками Закаспийской области, выехать вместе с ним и членом «директории» Беловым через Персию и Индию в Лондон, *при чем генерал Маллесон за оказанные британскому правительству в тяжелый момент услуги гарантирует нам троим уплату 5.000.000 рублей золотом.* И я принужден был сказать этому негодяю только то, что отказываюсь от предложения, так как бессилен предпринять что бы то ни было и чувствую, что нравственная петля все туже и туже затягивается на моей шее».

Текущее положение было не менее ужасно. Действительно, за три дня до нашего приезда в Асхабад, С. Л. Дружкиным было произведено посредством команды сипаев убийство двух безоружных бичераховцев, состоящих на службе в войсках закаспийского правительства. Ни о каком покушении с их стороны не могло быть и речи. Убийство понадобилось «диктатору» исключительно для *поднятия своего престижа* в глазах туркмен и ради демагогического воздействия на железнодорожных рабочих, так как убитые были офицеры. По «делу о покушении» было начато следствие, от ведения которого один за другим отказывались или отстранялись неугодные британскому командованию и самому Дружкину следователи. Обстановка убийства, провокационная и бессмысленно-жестокая, а также предоставление Дружкину англичанами права непосредственного распоряжения их военными силами—навели ужас на весь Асхабад. Причины этого ужаса стали нам понятны, когда Зимин выяснил правовую обстановку существования в Закаспии всех «не-англофилов» и свойства солдат-сипаев, как бездушного военно-карательного механизма.

«Никто на этой территории не знает, когда он умрет, но всякий верит в это»—улыбнулся, как бы желая смягчить впечатление от своего рассказа, Зимин, пародируя известное изречение. «И я, министр иностранных дел закаспийского государства и член суверенной «директории» его, меньше, чем кто бы то ни было, хотя у дверей моего дома и стоит бессменно часовой».—

Затем, по просьбе Чокаева и моей, Зимин перешел к подробному выяснению туркменских дел и политического положения в Афганистане и Бухаре *).

---

*) См. выпуск III «Межнациональные отношения революционной России» (готовится к печати).

Выслушав рассказ Зимина, я в присутствии его жены—М. Б. Зиминой и Мустафы Чокаева, заявил следующее:

«Вы, конечно, пожелаете знать мнение каждого из нас о вашем личном положении и положении Закаспийской области. Кроме того, вам, быть может, хотелось бы выслушать наши советы. Я так недавно знаком с вами и не имею достаточных об'ективных оснований для суждения о степени вашей искренности. Но медлить в этой обстановке нельзя ни одного часа. И потому я позволяю себе прямо, без обиняков изложить причины и цели нашего приезда сюда из Баку—двоих сообща и каждого в отдельности; высказать вам все, что я думаю о вашем поведении и положении, и предложить обязательный с моей точки зрения, определенный и неуклонный образ действий. (Тут я подробно рассказал мотивы нашего появления в Закавказьи, отправки уже известного Зимину из газет радио Вильсону и приезда в Асхабад—и специальные задачи моего выезда в Закаспий, связанные с исчезновением 26 бакинских комиссаров).—Вам отчасти известны мои политические взгляды и линия общественного поведения, резко не совпадающие с вашими. Участие ваше в приглашении англичан, общая тактика и методы, которыми вы пытались здесь осуществлять «народовластие»—нестерпимы для социалиста и представляются мне чудовищной и непоправимой ошибкой. По моему глубокому убеждению, вы политически уже погибли, и едва ли вероятно для вас физическое спасение. Как я вам советую действовать дальше?—Перестать прямо или косвенно помогать той преступной системе «политического равновесия», которая при вашем ближайшем участии создана в Закаспийской области и результаты которой налицо; потребовать немедленного прекращения английского вмешательства в дела Туркестана и оказать мне и Мустафе Чокаеву безусловную поддержку во всех наших начинаниях. Этим, что бы не ожидало вас в будущем, вы докажете искренность ваших мотивов в прошлом и во всяком случае, не будете нести нравственной ответственности за чужие преступления. Иначе, мне кажется, нет почвы для наших дальнейших взаимоотношений, и вы морально—«в стане врагов».

У меня не было возможности заручиться согласием Чокаева на пред'явление такого ультиматума; однако, я видел, что он на моей стороне, хотя, быть может, и осуждает некоторую «заостренность формы».

К чести Л. А. Зимина надо признать, что он не колебался ни одной минуты. Хмуро глядя в сторону и, видимо, волнуясь за жену, он просто и твердо сказал, что хотя бы это стоило ему жизни, он готов сделать все, чего от него требуют.

V.

На другой день, в номере «Hôtel'я de Londres», мы, как заговорщики вполголоса совещались между собой о поряке ближайших мероприятий.

Полученные накануне сведения рисовали мрачную и безотрадную картину. Пред'явленные секретные документы, официальная переписка его с Малледом и текст англо-закаспийского соглашения (19 августа и [illegible]ставля

сомнения в том, что британское командование продолжает в Переднем Туркестане тонкую и сложную международную игру, перестраховывая Мервским фронтом и покорной Асхабатской «директорией» свои индо-персидские мероприятия и вероятные в то время неудачи на северных границах Афганистана.

«Верным псом» (хотя и купленным на английское золото) всей этой системы интриг, предательства и кровавых преступлений являлся политический провокатор (см. ниже) С. Л. Дружкин; его ближайшим соратником и проводником решений мешедского центра—глава великобританской миссии в Асхабаде Р. Ф. Тиг-Джонс, а высшим руководителем, получающим директивы непосредственно из Лондона—генерал Маллесон. Л. А. Зимин был до поры-до времени необходим этим людям, как общественный деятель, пользующийся в Закаспии репутацией личного бескорыстия и некоторым, правда—уже падающим авторитетом в рабочих кругах. Кроме того, в глазах руководителей британской политики Туркестана он имел еще и чисто *отрицательный* удельный вес, так как в качестве члена закаспийской «директории» и министра иностранных дел был опасен лондонскому правительству находившимися в его распоряжении секретными сведениями, общественное использование которых грозило Англии международными последствиями.

Только при свете этих опасений делались понятным попытки генерала Маллесона найти с Л. А. Зиминым «общий язык» и готовность правительства Великобританской империи повысить до пяти миллионов золотых рублей Иудины 39 сребренников.

Впрочем, совет Тиг-Джонса будущим «ех-директорам»—Зимину, Дружкину и Белову ехать в Лондон именно через Индию, где беззвестно исчезли до этого десятки политических пленников *), мог наводить и на иные предположения. И это несомненно было учтено впоследствии самим Дружкиным, при его бегстве из Туркестана, тем более, что этот человек как увидят ниже читатели, имел все основания знать цену *гарантий* «ближайшего друга» Тиг-Джонса.

При таком *общем* направлении британской политики я и Чокаев не могли расчитывать ни на чью неприкосновенность и, прежде всего на неприкосновенность Л. А. Зимина. А между тем, после совещания с ним мы ясно поняли, что в условиях закаспийского террора и фактической военной диктатуры Дружкина, только величайшая политическая отчетливость наших *совместных* действий и доведенная до дерзости открытость выступлений могли спасти положение.

Поэтому было решено, что Чокаев немедленно отправит находившемуся в то время в Асхабаде генералу Маллесону официальное письмо, где укажет на срочную необходимость свидания с ним по важным общественно-политическим причинам, а также войдет в ближайшее *открытое* соприкосновение с туркестанскими общественными деятелями—товарищем министра по национальным делам Берляевым—старшим и др.

---

*) См. приложение № 18.

Выдающийся национальный и политический авторитет Чокаева во всем Туркестане и далеко за его пределами должен был, по моим расчетам, при таких условиях хотя бы на время задержать в воздухе, быть может уже заносимый над нашими головами, в виду открытых переговоров с Л. А. Зиминым, меч закаспийской расправы *).

Пока же я должен был, с своей стороны через Зимина и других приступить к разрешению принятых на себя в Баку двух остальных задач: освобождению семейств казненных комиссаров и выяснению путей их собственного исчезновения.

По первому вопросу я в день приезда (23 февраля) имел продолжительный разговор с Л. А. Зиминым и предложил ему, в виду напряженности положения и возможности всяких, даже трагических неожиданностей, на ближайшем заседании «директории» потребовать освобождения всей группы заложников, как официально именовались арестованные, и предоставления им свободного выезда в Баку.

Давно тяготившийся, по его словам, ролью невольного пособника «в этом гнусном деле», Л. А. Зимин ответил мне, что приложит все мыслимые в его положении усилия к освобождению заложников, но предупреждает, что отдельные «директора» (и в первую голову Дружкин, близко прикосновенный к убийству комиссаров) окажут этому отчаянное противодействие, так как выездом семейств казненных за пределы Туркестана будет в некоторых отношениях надорван тот железный кордон загадочности, которым окружили англичане и Дружкин все это преступление.

Действительно, попытка Зимина уже на другой день (на заседании «директории» 25 февраля) добиться освобождения заложников окончилась неудачей в виду терроризованности «директора» от туркмен, который, по мнению Зимина, мог воздержаться при голосовании вопроса.

Но 27 февраля, когда по ряду признаков Дружкин понял, что Чокаев и я идем с открытым забралом и действуем с непонятной для него уверенностью, а генерал Маллесон получил письменное предложение Чокаева назначить день и час для официального свидания,—положение круто изменилось. Нашим врагам предстояло—или предпринять немедленные «военные действия» по отношению *к туркменскому представительству*, или временно, скрыв свои волчьи намерения, начать играть в европеизм, «исключающий азиатско-большевистские приемы борьбы с беззащитными семьями политических противников» *). Как бы то ни было, но на заседании 27 февраля, с участием Зимина, Дружкина и Белова «директорией» было вынесено радостно взволновавшее нас постановление: *о немедленном освобождении и доставлении в Баку всех аерстованных заложников.*

Этому результату нельзя было не придавать очень серьезного значения, так как все аналогичные усилия Бакинской рабочей конференции (многочисленные обращения к британскому командованию), кизил-ар[illegible] груп

---

*) См. ниже—главы XI и XII.

[illegible]

ны с.-р. (заявление на имя «директории» от 9 февраля) и самих заключенных **) до сих пор встречали со стороны большинства «директории» резко отрицательное отношение. Наша удовлетворенность усугублялась еще фактом, что вместе «с женами и детьми комиссаров» подлежал освобождению, в виду сознательно допущенной Зиминым неясности в формулировке постановления «директории», также бакинский политический работник Микоян, на спасение которого иным путем не было никакой надежды.

Постановлением «директории» от 27 февраля не закончились, однако, нестерпимые нравственные страдания закаспийских пленников. Как удалось выяснить на другой же день, высшее британское командование, сохранявшее по этому вопросу в Асхабаде вынужденный нейтралитет, цепко продолжало держаться за свои жертвы. Оплошность британского агента Куна **) и воспитанная безответственностью «неосторожность» бакинского главнокомандующего Генерала Томсона—вскрыли поразительную упадочность английских империалистических нравов.

Последствия этой развязной «неосторожности» в свое время вызвали среди сторонников английского вмешательства в дела Закавказья значительную деморализацию и «поставили в тупик» закавказское союзническое командование. Не будет преувеличением сказать, что «прискорбный случай с генералом Томсоном» был первым, морально неотвратимым ударом по всей системе кровавого лицемерия, удушливой атмосферой которого были окутаны в Закавказьи и Персии британские оккупаторы.

VI.

Между тем, как в Асхабаде настойчиво и неслышно совершалось дело спасения женщин и детей, измученных загадочной гибелью их близких и непрерывным полугодовым ожиданием собственной казни, в Баку, усилиями британского штаба, вокруг этого кровоточащего вопроса *организовывалось* общественное мнение.

В бакинских газетах от 27 февраля, через три дня после того, как Дружкину и генералу Маллесону стало известно требование закаспийского министра иностранных дел об освобождении семейств комиссаров, появилось сенсационное сведение. Сообщалось, что генералом Томсоном из Баку отправлен в Туркестан офицер для освобождения асхабадских заложников. А через неделю, когда незнавшие истории своего освобождения семейства комиссаров вместе с Микояном прибыли в Баку, генерал Томсон выступил с новым, официальным заявлением. Результаты последующего сопоставления всех условий и фактов, связанных с от'ездом из Закаспия семейств казненных комиссаров, были так неожиданны и поразительны, что им в закавказской социалистической прессе посвящались целые страницы *).

**) Впоследствии он неожиданно, бросив семью, скрылся из Красноводска к англичанам.

*) См. бакинские «Знамя Труда» и «Зарю» от 11 марта, тифлисское «Народное Знамя», от 16-го марта и др.

Маккиавелиевские пружины этого «покушения» с негодными средствами», беспримерного по своему внутреннему цинизму, были ярко обнажены следующей редакционной статьей бакинского «Знамени Труда» (№ 51, от 11 марта).

К освобождению семейств расстрелянных комиссаров*).

Глубоко взволновавшему совесть широких кругов населения беззаконному расстрелу 26 бакинских комиссаров и заточению в Асхабаде их семейств, повидимому, не суждено закончиться простым установлением факта расстрела и освобождением жен и детей расстрелянных. Ближайшее ознакомление со всеми перипетиями этого кошмарного эпизода современности наталкивает невольно на детали, которые не могут, не должны быть обойдены молчанием.

Подробности эти, поскольку речь идет о том, кто, когда и при каких обстоятельствах дал свободу семействам убитых комиссаров, сводится—в хронологическом порядке к следующему:

В 44-м № газеты «Искра», от 27-го февраля, было напечатано интервью с генералом Томсоном, который на прямой вопрос представителя рабочей конференции Чураева о судьбе семейств бакинских комиссаров ответил, что для освобождения арестованных женщин и детей из асхабадской тюрьмы им, генералом Томсоном, отправлен из Баку специальный курьер.

8-го марта во всех бакинских газетах появилось новое, на этот раз уже официальное заявление—ответ генерала Томсона, напечатанное за скрепою «командующего союзными войсками в Бку генерал-майора В. М. Томсона» и гласящее буквально следующее:

«Вопрос—О полном невмешательстве англичан во внутренние дела (Азербайджана и Баку).

Ответ (генерала Томсона)— . . . Освобождение женщин и детей из Асхабада также внутреннее дело, приведенное в исполнение британским командованием. Желаете ли вы, чтобы все это прекратилось?

Как очевидно, для всякого, два приведенные заявления генерала Томсона простые и ясные, не допускают превратных толкований и преследуют определенную цель—доказать широким кругам Баку, всего Закавказья, что английское командование **против** содержания в тюрьмах женщин и детей, повинных лишь в том, что они являются близкими родственниками казенных бакинских комиссаров, что, потому английское командование предприняло срочные шаги к их освобождению и, достигнув цели, с удовлетворением констатирует перед лицом общества полную последовательность и единство своих намерений, обещаний и действий.

Так, и только так должен умозаключить всякий, кто прочел приведенные выше заявления.

Но, к сожалению, далеко не так, как это изложено в заявлениях генерала Томсона, произошло все в действительности, и об этом несогласимом противоречии должно узнать то самое общество, к которому в своих заявлениях аппелирует генерал Томсон.

21-го февраля из Баку выехал в Закаспийскую область секретарь Комитета по созыву Туркестанского Учредительного Собрания, член В. У. Собрания от Туркестана, с.-р. В. А. Чайкин, которому бакинским комитетом П. С. Р. было дано в числе прочих определенное поручение—употребить все усилия к немедленному освобождению из-под ареста и свободному приезду в Баку томящихся без всякой вины в переполненной, лишенной элементарных удобств асхабадской тюрьме, жен и детей убитых бакинских комиссаров.

Возлагая такое поручение на В. А. Чайкина, бакинская организация партии с.-р., естественно, считала, что выполняет в точном соответствии с волею социалистических и просто демократических группировок гор. Баку, свою политическую обязанность в отношении семейств бакинских комиссаров, убитых без суда и следствия, при мрачных и загадочных обстоятельствах, [illegible] щих—надо надеяться, в самом недалеком будущем—полного освещения

---

*) Цитирую по сохранившемуся у меня «Народному Знамени».

27-го февраля, т.-е. на пятый день пребывания в Асхабаде, усилия В. А. Чайкина увенчались успехом, и состоящим в так. назыв. Закаспийском Комитете Общественного Спасения с.-р-'ом Л. А. Зиминым, давно и определенно тяготившимся своим положением невольного тюремщика, ни в чем не повинных женщин и детей было пред'явлено Комитету ультимативное требование об их немедленном освобождении.

В постановлении Комитета от 27-го февраля, опубликованном в № 43 официального «Голоса Средней Азии», это требование Зимина нашло себе следующее выражение:

«Слушали: Заявлние члена Комитета Л. Зимина о необходимости освободить жен и детей бакинских комиссаров Шаумяна, Джапаридзе и других, захваченных в Красноводске после взятия Баку, так как они находятся под арестом, как заложники, и обвинения им не пред'явлено.

Постановили: Немедленно освободить и доставить в г. Баку».

В тот же день, в три часа дня Л. А. Зиминым была сдана на асхабадский телеграф такая депеша:

«Срочная. Баку. «Знамя Труда». Сегодня, 27-го февраля, семействам комиссаров будет предоставлена возможность покинуть Асхабад и с первым отходящим пароходом свободно выехать в Баку.

Депеша эта сопровождалась официальным телеграфным приказом Л. А. Зимина, как члена Комитета, председателю Красноводского Правравкома Куну немедленно передать текст депеши по радио из Красноводска в Баку.

В ответ на этот приказ, на другой день, в 10½ часов утра, Кун сообщил Л. А. Зимину по прямому проводу следующее:

«Я—Кун. Я получил вашу телеграмму для передачи в Баку, и так как вчера мною получено заявление из (?) английских властей Баку предложение произвести обмен на задержанных английских офицеров и миссии их во Владикавказе большевиками, сообщаю пожелание их, чтобы арестованные были доставлены в Красноводск и переданы в их ведение, и они сами произведут обмен согласно условия с большевиками».

Результатом этого заявления Куна, было следующее постановление Комитета Общественного Спасения от 28 февраля, за № 53.

«Слушали: (приведенную телеграмму Куна).

Постановили: Оставить постановление Комитета от 27-го февраля за № 52, в силе, сообщив генералу Томсону о времени выезда семейств комиссаров в Баку».

Тотчас после вынесения этого постановления, Куну была отправлена в Красноводск депеша, с уведомлением о прежней позиции Комитета в вопросе об освобождении семейств комиссаров, несмотря на заявленное английскими властями Баку предложение о задержании женщин и детей арестованных в Красноводске, с указанием, что они уже освобождены Комитетом и выехали в Баку, и, наконец, с предложением Куну немедленно доставить самовольно задержанную им радио по назначению, редакции «Знамени Труда».

Такова правда в деле освобождения из асхабадской тюрьмы томившихся там долгие месяцы жен и детей бакинских комиссаров. Таков сухой перечень фактов, давший им всем, вопреки воле английского командования, возможность перестать считаться заложниками и прибыть свободно в Баку.

Остается прибавить, что специальный курьер, отправленный генералом Томсоном из Баку в Красноярск, *) еще накануне 27 февраля для освобождения семейств бакинских комиссаров не прибыл туда до вечера 5 марта и о нем в Асхабаде до этого времени никому ничего известно не было.

Срочная же телеграмма Л. А. Зимина, в Баку, об освобождении семейств комиссаров, получение которой в Красноводске Кун подтвердил еще 28-го февраля, не вручена редакции «Знамени Труда» и по настоящее время, хотя другие радиограммы доставлялись в Баку беспрепятственно.

Вся совокупность изложенных фактов заставляет задаться рядом вопросов:

1) На чем основывая генерал Томсон свое официальное утверждение, обращенное к делегатам рабочей конференции, о принятии им срочных мер к освобождению из тюрьмы жен и детей бакинских комиссаров?

2) Как решился генерал Томсон от имени всего командования союзными войсками в городе Баку утверждать явно вопреки фактам, будто «освобо-

*) 18 часов пути.

ждение женщин и детей из Асхабада, приведено в исполнение британским командованием?».

3) От кого исходило и почему осталось неизвестным генералу Томсону, несмотря на его пребывание на посту главнокомандующего союзными силами в Баку, требование (по словам телеграммы Куна от 28-го февраля), английских властей Баку об арестовании или неосвобождении из-под ареста жен и детей комиссаров;

4) Куда делся и где в настоящее время находится специальный курьер генерала Томсона, отправленный из Баку накануне 27-го февраля и не прибывший в Асхабад до 5-го марта?

5) Кем и по какому праву задержана срочная радиотелеграмма Закаспийского министра иностранных дел, члена директории Л. А. Зимина, отправленная им из Асхабада 27-го февраля и не доставленная по назначению редакции «Знамени Труда» в течение двенадцати дней?

Все эти вопросы, связанные логической цепью событий с кошмарным убийством 20-го сентября, повторяем, являются естественными и потому неизбежными.

И бакинская пресса, вместе с пролетариатом Баку и Закавказья, наиболее чутким к вопросам права и правды, ждет от генерала Томсона ясных, точных и неуклонных ответов.

Не приходится об'яснять, почему пойманный с поличным, сознавая всю ту пропасть общественного недоумения и презрения, какая открывалась пред ним за сдержанно-дипломатическими заключительными строками этой статьи, генерал Томсон *ни одним словом ни тогда, ни позже* не откликнулся на пред'явленные ему в упор вопросы. Но причины крайнего смущения, проявленного британским комадованием, которое до этого охотно заполняло столбцы бакинских газет своими многочисленными декларациями, раз'яснениями, возражениями, опровержениями и т. д., были превзойдены последующими *новыми обстоятельствами.*

В своей совокупности со всем предыдущим они нарисовали такую потрясающую картину гибели всяких моральных устоев у культурнейшего государства мира, что во всем Закавказьи не нашлось ни одного человека, который бы осмелился открыто стать на его сторону.

VII.

Когда семьи казненных комиссаров были освобождены из тюрьмы и получили право выезда в Баку, настала очередь для выполнения второй части моей задачи — выяснения *интеллектуальных убийц* комиссаров и тех общественно-политических условий, в которых разыгралась вся трагедия.

До постановления «директории» от 27 февраля мне казалось рискованным и неосторожным предпринимать в этом направлении какие бы то ни было активные шаги. Смущение Дружкина и генерала Маллесона за последствия содержания заложниками женщин и детей могло легко превратиться в *собственную противоположность,* и как раз—при малейшем признаке таких мероприятий, которые, как отдельные штрихи загадочной картинки, будучи однажды уловлены вниманием, уже не могли не развернуться для преступников в стройную и грозящую им систему.

Ясно, что в таком случае не только немедленно были бы вновь арестованы косвенные свидетели преступления (жены и дети комиссаров), но—и пресекалась бы всякая возможность раскрыть правду в этом деле, не говоря уже о нашей личной безопасности. В то же время постановление 27 февраля являлось благоприятным обстоятельством и в другом отношении. Пойдя на эту «жертву», выпустив из своих рук (в кипящий ненавистью против иностранного ярма пролетарский Баку) семействами убитых, британское командование сделало прыжок в неизвестность, и, казалось, не в его интересах было продолжать накаливать политическую атмосферу новыми беззакониями и убийствами.

Но «часы текли медленно» *в государстве*, где золото, грязь и кровь были главным строительным материалом. Каждый день мог принести непоправимые изменения обстановки, и потому приходилось, пренебрегая точными расчетами и безупречными логическими построениями, торопиться. В результате—некоторые мои действия, относящиеся ко второй половине задачи, были предприняты прежде, чем семьи убитых получили фактическую свободу, и это создало страшную опасность крушения всего задуманного плана.

Уже 27 февраля, в то время как Мустафа Чокаев вступил в переговоры с генералом Маллесоном, я обратился к Зимину с новым требованием—получить для меня во что бы то ни стало от закаспийского министра юстиции официальный ордер на свидание с двумя заключенными Асхабадской тюрьмы, Федором Фунтиковым и Илларионом Седых.

Внутренние причины этого необычайного в моем положении требования, поразившего «директорию», были в высшей степени сложны и с точки зрения принятых мною на себя задач совершено неотвратимы. Они крылись как в личности Фунтикова и Седых, так и в необходимости сосредоточения твердых юридических доказательств преступления, без чего вся сумма его действительных пружин, несмотря на правдивость и точность исследования, могла бы показаться лишь стройным карточным домиком.

Действительно, с первых же дней приезда в Асхабад для нас стала несомненной гибель всех комиссаров. Закаспийская атмосфера была слишком насыщена отголосками этой казни, чтобы о ней не сложилось несколько твердых версий, носивших характер полного правдоподобия. Версии эти имели ту несомненную ценность, что все сходились на факте расстрела 26 комиссаров после увоза их из Красноводска. Но кто был *идейным вдохновителем* казни, какие люди организовали увоз и расстрел, когда именно и где состоялась казнь—на целый ряд основных вопросов самые осведомленные люди не могли дать сколько-нибудь точных ответов.

Больше того, во всей этой недоговоренности, которая окутывала тайну смерти 26 человек и держала в безысходном напряжении в течение полугода бакинский пролетариат, чувствовалась властная организующая рука. Без вмешательства такого было совершенно непонятно, каким образом преступление, требовавшее по всей сложности и количеству жертв десятков заго-

торщиков, столько времени могло оставаться не раскрытым и о нем такие мощные организации, как Бакинская рабочая конференция, Московский Совет Народных Комиссаров и Центральный Комитет Российской Коммунистической Партии, несмотря на все усилия, оказались бессильными получить достоверные сведения. Тем сложнее рисовался вопрос *об интеллектуальных убийцах* и в ответственной степени—о путях получения полновесных, выдерживающих об'ективную критику доказательств.

Скудные и бесформенные данные, которые удалось получить в первый, подготовительный период расследования, способны были привести в отчаяние своей недостаточностью. И хотя они потребовали опроса в Закаспии очень большого количества лиц, что грозило распространением опасных слухов о характере моей миссии, нельзя было и думать, опираясь лишь на эти данные, делать из них какие бы то ни было общественные выводы.

Так, *Н. Н. Хан-Иомудский I* *) заявил, что на Челекен, несмотря на близость этого острова к Красноводску и оживленные отношения его жителей с закаспийским побережьем, доходили только смутные слухи, что бакинцев с *семьями* куда-то увезли. Больше он, к сожалению, ничего не знает.

Бердиев-старший, школьный товарищ и близкий друг Мустафы Чокаева, постоянный житель Асхабада, один из немногих культурных туркмен с высшим юридическим образованием—слышал лишь о факте убийства. Думает, что в чьих то влиятельных интересах было тщательно замаскировать исполнителей и обстановку убийства. Подозревает англичан.

Из письменного показания мне кизил-арватца *Н. Гаудица*: «Вопрос о судьбе 26 бакинских комиссаров отдельно осветить не могу, но слышал от Ф. Фунтикова и И. Седых, что комиссары эти расстреляны между станциями «Красноводск» и «Кизил-Арват». Названные лица и должны дать исчерпывающие об'яснения по данному вопросу».

И только в письменном показании *Л. Зимина* **) (см. ниже), вопреки фразе—«по чьему распоряжению расстреляны комиссары, мне неизвестно», заключались первые конкретные указания на вдохновителей убийства, хотя и лишенные, в виду положения Зимина и его *непричастности к заговору*, юридического значения *признания*.

Даже в сведениях, опубликованных закавказской социалистической прессой со слов жен казненных комиссаров, уже после их приезда в Баку не заключалось никаких указаний на инициаторов казни, а о самом факте убийства говорится: «Но тогда (и вплоть до приезда в Баку) подтвердить или проверить этот рассказ у нас не было возможности».

Однако, наиболее яркое и тяжелое доказательство прочности закаспийского застенка доставило мне неожиданное вечернее посещение 26 фев

---

*) По своеобразному почитанию памяти Хан-Иомудского-тел[illegible] вей, Хан-Иомудского-отца и он сам были названы «Николаями». [illegible] «Николаев Николаевичей» были установлены значки: I, II и [illegible].

**) Данные своего письменного показания (от 2-го марта) [illegible] мн первые дни приезда.

раля, номера «Hotel'я de Londres», в то время, как Чокаев отправился на деловое свидание с туркменскими старейшинами.

Уже вечерело, когда в дверь номера постучали—негромко, но настойчиво. На мое предложение войти—в полутемную, неосвещенную комнату торопливой походкой вдвинулась высокая незнакомая фигура в поношенном пиджаке фабричного покроя, с глубоко надвинутым на лоб серым картузом.

Я никогда прежде не видел вошедшего человека и не успел сразу рассмотреть в сумерках его лицо; но по тому, как решительно и неслышно он входил, как, приостановившись, закрыл за собою дверь, и по самому тону вопроса: «Вы—Чайкин, могу я переговорить с вами?»—я понял, что этот человек точно знал, что застанет именно меня, может быть даже следил за тем, кто и в какое время выходил из нашего номера.

Помедлив несколько секунд и сняв фуражку, незнакомец попросил позволения присесть.

Трудно решить, по каким именно бесспорным признакам, но с этого момента и из всего последующего, странного и напряженного разговора я не сделал того естественного, невольно напрашивающегося вывода, что пришедший—шпион закаспийской политической полиции. Напротив, в пределах обычной, общепринятой конспирации, я говорил с ним сравнительно свободно, хотя день этого свидания в истории нашего закаспийского пребывания был одним из самых ответственных и трудных.

Торопливо сев в предложенные кресла, вошедший назвался лишь вскользь слышанной мною раньше фамилией Х., пристально посмотрел в сторону, как бы избегая моего взгляда, и вдруг неожиданно заговорил.

Несмотря на то, что со времени этого свидания прошло уже больше двух лет, предо мною и сейчас, как живое, рисуется взволнованное и отталкивающее лицо говорящего с узкими бегающими глазами и изжелта-бледным низким лбом.

Не ожидая моих вопросов, Х сказал, что ему передавали, будто я приехал в Закаспийскую область с целью раз'яснения здешних событий, но что он не знает, так ли это, и потому зашел справиться. Выслушав внимательно эту беспорядочную фразу, нисколько не об'ясняющую прихода Х, я назвал ему официальные задачи своего приезда в Закаспий, в качестве туркестанского общественного работника. —«Но,—добавил я, — меня лично интересуют, конечно, и отдельные события, происходившие здесь за последнее время, в том числе—восстание кизил-арватских рабочих *) (против советской власти), истребление чрезвычайным комиссаром Фроловым *) их делегации, а также убийство 26 бакинских комиссаров».—При последних словах Х поднял голову и отрывисто, как на заданный вопрос, ответил, что он об этом убийстве ничего не знает. Но затем, как бы спохватившись, Х, взве-

*) События эти стояли в определенной причинной зависимости; именно, убийство Фроловым четырех парламентеров Кизил-Архаватских мастерских, сопровождавшееся истязаниями, было последним толчком, который превратил глухое недовольство в открытое восстание.

шивая каждое слово, стал говорить, что «слухом земля полнится», «болтают много, а толку мало», что он, конечно, как и все местные жители, слышал разные рассказы, но «кто их знает, верно ли то, что говорят» и т. д.

Я не прерывая, долго слушал эти тщательно подбираемые, тягучие, ничего не значащие фразы и, наконец, остановил своего собеседника резким замечанием: «Все же я вижу, что вам больше всего известно об убийстве бакинских комиссаров, так как вы говорите *только о них*. Я не знаю, что привело вас сюда, но имейте в виду следующее: мне, интересующемуся этим делом, ради общественной пользы, несущественно знать фамилии людей, увозивших и расстреливавших комиссаров. Для будущего много важнее, кто замыслил все дело и руководил им. И если вы об этом что-нибудь знаете, скажите мне».

Х задумался, незаметно для себя опустившись глубже в кресла, и некоторое время мы сидели молча. В полусумраке, от закатного отсвета окна было видно, как морщился его лоб и беспокойно бегали серые глаза. Потом он поднял голову и повернул прямо ко мне свое бледное неприятное лицо. Трусость за будущее явно боролась на нем со страхом настоящего. По одному этому выражению можно было безошибочно почувствовать, что Х знал многое и был причастен к убийству бакинцев.

Мне стало так неприятно и тоскливо, что я готов был отвернуться и с трудом выдерживал взгляд глаз, в котором не отражалось ни раскаяния, ни сожаления, ничего, кроме жалкого мучительного колебания пред необходимостью немедленного выбора.

— «Я могу ждать вашего ответа до вторника»,—прервал я молчание. Х торопливо встал, одернул пиджак и, держа, как школьник, фуражку за околыш обеими руками, неопределенным голосом сказал, что он подумает. —«Соберу справки и подумаю»,—поправился он громче.

Мне стоило большого труда без внешнего проявления отвращения пожать потную круглую руку этого человека.

Больше Х я не видел. Впоследствии были получены непроверенные сведения, что он расстрелян одним из карательных органов советской власти.

Этот случай убедил меня лучше других доводов, насколько бесплодны ми, в условиях закаспийской государственности и порожденного ею британского террора, были бы обычные пути обнаружения общественной правды в деле 26-ти. Потому что никакая *частная инициатива* не могла побудить преступников выдавать себя головою без реальной выгоды в будущем, в то время, как прикосновенность к убийству комиссаров британской миссии (об этом определенно говорил, а позднее, писал в своем показании [illegible] Зимин) могла превратить малейшую «нелояльность» сознающегося относительно вдохновителей казни в его смертный приговор.

Предстояло, как и в вопросе с Зиминым, идти [illegible] волей-неволей, по линии наибольшего сопротивления [illegible]

Н. Гаудина на Фунтикова и Седых, казалось, открывала в этом направлении трудную, но в то же время и наиболее результатную возможность.

Как удалось мне установить через Зимина, Гаудина и др., Федор Фунтиков, председатель Закаспийского исполнительного комитета, от имени которого заключался с правительством Великобритании Мешедский договор 19 августа, один из влиятельнейших и беспринципнейших рабочих лидеров Закаспия, был арестован и содержался Дружкиным в тюрьме, *по чисто фиктивным юридическим основаниям.* *) То же с некоторыми оговорками, сообщали и относительно Иллариона Седых.

При систематическом исследовании всех возможных мотивов разрыва Дружкина с его недавним соратником Фунтиковым, оставалось сделать единственное, *не противоречащее ничему* допущение, что Фунтиков был слишком осведомленным лицом в делах англо-закаспийской политики, и как раз в таких ее отраслях, которые безусловно об'единяли интересы Тиг-Джонса и Маллесона—с одной стороны и Дружкина—с другой. Седых же, фанатически ненавидящий большевиков, **) но отличающийся большой личной храбростью и искренностью, по предположениям Зимина, был опасен Дружкину и Тиг-Джонсону своим влиянием на Кизил-Арватские мастерские и даже мог представлять непосредственную угрозу для жизни людей, которые вовлекали его в преступление.

Все эти данные, несмотря на их сбивчивость и очевидную недостаточность, привели меня к выводу, что последней, отчаянной ставкой в деле раскрытия убийства 26-ти может быть только непосредственный допрос мною в Асхабадской тюрьме содержащихся там в течение нескольких месяцев, Фунтикова и Седых.

Когда я сообщил 27 февраля Зимину свое решение, он пришел в большое волнение. «Этим шагом вы погубите себя и Чокаева»,—сказал он.—Как только Дружкин и Маллесон прозреют относительно конспиративных задач вашего приезда, они, конечно, не выпустят вас живыми из Туркестана».

Несмотря на мою полную готовность считаться с интересами собственного самосохранения и особенно—Чокаева, который далеко не во всех отношениях разделял мою тактику и в то же время с величайшей внутренней корректностью прекращал свою оппозицию мне всюду, где прямо или косвенно затрагивалась его личная безопасность, я не мог разделить такой аргументации ad salutem hominis. Вино было откупорено, и его предстояло выпить. Казалось невероятным, чтобы теперь из-за каких бы то ни было сторонних соображений, могла быть утрачена надолго, если не навсегда, возможность раскрытия правды в этом деле. И потому, при молчаливом согласии Чокаева, я подтвердил Зимину свою просьбу.

---

*) Непредставление точной отчетности по раздаче пособий фронту.

**) В тюрьме он содержался по подозрению в убийстве заведующего авиационным цехом мастерских, которому приписывали умышленную порчу из сочувствия к большевикам частей аэропланов.

VIII.

Впрочем, решение допросить в тюрьме Фунтикова и Седых, не должно было, помоему тогдашнему мнению, обязательно повлечь за собой раскрытие британским командованием всех наших карт.

Одним из непременных условий, поставленных мною чрез Зимина закаспийскому министру юстиции, являлся допрос арестованных отдельно друг от друга и наедине, т. е. в изолированном помещении и без права присутствия лиц администрации. Таким образом, оставалась некоторая надежда, что руководимая Дружкиным тайная полиция и высшее британское командование в лице генерала Маллесона, будут введены в заблуждение моим званием члена Всероссийского Учредительного Собрания от Туркестана и об'яснят свидание с арестованными закаспийцами общеполитическими побуждениями.

Последующее развитие событий показало, что я ошибся и теоретическая правота во всем этом вопросе была на стороне Л. А. Зимина; но практические последствия его выводов по различным причинам не успели осуществиться *).

Однако, верный своему основному обязательству—Зимин утром, 28-го февраля, отправился в помещение закаспийского правительства и в тот же день, еще до обеда, вручил мне два документа: **).

«Настоящим разрешается В. А. Чайкину бессрочное свидание наедине с заключеным в Асхабадской областной тюрьме Ф. Фунтиковым»,—и другой, на свидание с И. Седых. Но, к моему глубокому изумлению, оба эти разрешения были заполнены и подписаны не закаспийским министром юстиции по должности генерал-прокурора, а *членом «директории» С. Дружкиным.*

Смущенный Зимин раз'яснил, что он сам очень взволнован таким оборотом дела, но был бессилен помешать ему. Оказалось, что министр юстиции не решился на свой страх и риск представить, во время производства следствия, бессрочное свидание, без свидетелей, с *важнейшими государственными преступниками Закаспия*, и дело перешло на окончательную санкцию к всесильному Дружкину. Ни я, ни Зимин, ни Чокаев не могли решить, какие тонкие, быть может—исключительно предательские убеждения руководили этим человеком, когда он немедленно, не попытавшись выяснить даже формальных мотивов моего столь необычного требования, от своего имени выдали оба эти документа.

Во всяком случае неожиданная осведомленность Дружкина и его активное участие в выдаче разрешений сильно осложнили положение. Допрос Фунтикова и Седых уже не мог, хотя бы временно остаться незамеченным, и на него ante factum было обращено зоркое внимание того самого преступника.

---

*) См. ниже—главу XII.

**) Цитирую по памяти, т. к. второй, оставленный мною [illegible] разрешения был утрачен хранителем моего архива в Тифлисе.

положение которого в государственном механизме закаспийского правительства, давало ему слишком много возможностей для различных контр-маневров и предупредительных мероприятий.

Но главное затруднение, способное опрокинуть намеченный план действий, заключалось для меня не в этом. Независимо от каких бы то ни было соображений практической целесобразности, я не находил возможным, по внутренним мотивам, пользоваться разрешениями Дружкина. Его организующее участие в предательском убийстве комиссаров в то время уже рисовалось несомненным, *) садическое издевательство в течение пяти месяцев над женами и детьми казненных было также в значительной степени делом его рук; наконец, еще незакончившаяся история с «покушением» бичераховцев, ясно показывала, на какие исключительные, даже для провокатора, низости способен этот «диктатор» и выученик трех охранок. (См. ниже).

Было очевидно, что Дружкин, уже несомненно осведомленный о моем отношении к нему, предпринимал какую то сложную, пока непонятную для нас «игру» и началом этой игры являлось его демонстративное согласие на мое свидание с Фунтиковым и Седых. Рискуя разрушить весь свой план — быть может, накануне его осуществления, я органически не мог пользоваться этим отравленным источником, хотя бы и ради веских «тактических соображений».

Не ожидая возражений Зимина, который, повидимому, не разделял этого настроения, я сел к столу и сделал на одном из разрешений следующую надпись:

«К сведению закаспийской директории.

Считая господина ***) Дружкина незаконно присвоившим себе права члена закаспийской директории, как вошедшего в ее состав по ордеру английского командования и вопреки постановлению исполнительного комитета Закаспийской области от 1 января 1919 года, — я от использования двух пропусков в областную тюрьму (для свидания с заключенными) за подписью «С. Дружкин», отказываюсь. В. Чайкин, Город Асхабад. 28 февраля 1919 года».

Экземпляр разрешения с этой надписью я передал Зимину с просьбой доложить его на ближайшем заседании «директории».

На другой день утром, в субботу масленичной недели, когда многие правительственные учреждения были закрыты, я с трудом разыскал в здании окружного суда закаспийского министра юстиции. Так как день был неприсутственный, то я просил доложить, что депутат Учредительного Со-

*) По рассказам Л. А. Зимина.

**) В Закаспии по революционной традиции рабочего кизил-арватского переворота (в июне 1918 года), официальным обращением было слово «товарищ», которое широко использовалось для наглядного доказательства ее демократичности.

***) Цитирую по бакинскому «Знамени Труда» (№ 89, от 30-го апреля), из моей статьи «О черном отчете генерала Томсона». См. приложение № 8.

брания такой-то желает видеть министра юстиции по экстренному делу. Обеспокоенный *министр,* оказавшийся скромным членом ташкентской судебной палаты, тотчас вышел ко мне навстречу из своего кабинета и в высшей степени учтиво осведомился, чем он *может быть полезен.*

По тону обращения и по той готовности, которая проникала каждый жест старого бюрократа, мне стало ясно, что наш приезд и шестидневное пребывание в Асхабаде успели достаточно обеспокоить закаспийскую магистратуру. Видимо, министр с некоторым волнением любопытства и даже страхом ожидал моих заявления и *разоблачения.* Поэтому, когда я сухо и кратко назвал цель своего посещения—получение ордера на свидание с двумя политическими заключенными асхабадской тюрьмы, в первый момент лицо министра готово было сложиться в едва уловимую гримасу разочарования. Но положение резко изменилось, как только мною были названы фамилии Фунтикова и Седых и вынут из портфеля экземпляр разрешения Дружкина с приведенной выше надписью. Испуганный «генерал-прокурор», несмотря на всю формальную независимость своего положения в «государстве», начал торопливо доказывать, что имеющегося у меня разрешения *«больше чем достаточно»* и что он не понимает, почему мне необходимо второе. Я попросил еще раз познакомиться с моею надписью и заявил, что настаиваю на выдаче нового разрешения немедленно, так ка сегодня же предполагаю посетить тюрьму.

— По причинам общественно-политическим мне невозможно пользоваться разрешениями лица, *незаконно* присвоившего себе функции власти,—добавил я, делая ударение на слове «незаконно»,—и ваша обязанность, как министра юстиции, удовлетворить мое естественное желание иметь дело с властью, а не с ее захватчиками.

Неизвестно, как преломилась в правосознании «генерал-прокурора» эта тирада, но он не возражая больше, в пять минут изготовил мне от имени *юстиции временного закаспийского правительства,* требуемое разрешение.

Около часа дня, 1-го марта, я уже вызвал звонком дежурного надзирателя из железных ворот асхабадской областной тюрьмы. Через полминуты из-за массивной калитки с пропущенной в скобу цепью, высунулась голова в форменной фуражке, и мне было предложено передать в контору свои документы. Я протянул билет члена Учредительного Собрания с фотографической карточкой и пропуск министра юстиции. Калитка щелкнула замком, и за воротами послышалась торопливая беготня многих шагов по каменным плитам тюремного дворика. Затем водворилась тишина.

Я перевидал за свою недолгую жизнь больше десятка тюре[illegible] мелкие признаки говорили мне многое. Цепь на калитк[illegible] и не впуск никого даже во внешний тюремный двор и конто[illegible] что тюрьма находится на положении «секретного корридора», где [illegible] была стража и куда могли входить только в сопровождении [illegible]

журного. Видимо, большая часть заключенных асхабадской тюрьмы числилась на положении *смертников,* и потому были приняты особые меры предосторожности.

Прошло около 10 минут, прежде чем зазвенели ключи и со скрипом, визжа в петлях, предо мною распахнулась тяжелая калитка. Первый же взгляд на тюремный двор и расположенные в нем арестантские корпуса подтвердил правильность только что сделанных выводов. Налево от ворот, в глубине двора, дежурил военный русский караул, вооруженный винтовками. Впереди меня шел надзиратель и часовой, в то время, как отпиравший калитку дежурный оставался стоять на своем посту. Но что произвело на меня впечатление *особой цельности,* так это оливкового цвета часовые-сипаи, расставленные у каждого внутреннего выхода тюрьмы.

Для тех, кто не знакомился воочию с этим *видом британского колониального оружия,* будут не безынтересны приводимые ниже краткие сведения и личные впечатления.

Сипаи-солдаты—высокого роста и крепкого жилистого телосложения, одетые с той особой практической тщательностью, какую я встречал только у колониальных войск Британской Индии. В противоположность *гуркосам* *), они отличаются необыкновенным спокойствием и холодной, непонятной нам храбростью. С Мервского фронта, куда англичане вкрапливали время-от-времени для воодушевления туркмен по несколько сотен сипайской пехоты, мне передавали случай атаки *двух сипаев* против 30 солдат Красной армии, как известно, ненавидящей цветные войска. Европейское понятие *«опасности»,* как кажется, не укладывается в их красивые, твердо поставленные головы в живописных тюрбанах защитного цвета. Не имея в своем практическом наречии ни одного корня с языками европейских и большинства тюркских народов, чуждые им по верованиям и обычаям, эти темнолицые люди как-будто самим роком обречены быть слепым орудием в руках беспощадного британского империализма.

Кроме их природных свойств и самодовлеющей национально-религиозной отчужденности, сипайские войска Индии разжигаются к еще большему мужеству и жестокости особой постановкой у них военного дела. В соединении с культом крайнего религиозного детерминизма, свойственного браманизму и исламу Пенджаба, самые условия британской военной службы превращают сипая-солдата в бездушный точный механизм истребления себе подобных. Так, по словам закаспийцев, *первое* серьезное ранение сипая, независимо от его исхода, влечет за собою полную отставку солдата и пожизненную пенсию; семьи убитых и умерших от ран также получают щедрое по понятиям судрской *) бедноты пожизненное обеспечение.

Я с любопытством смотрел на этих часовых-сипаев, которые, как каменные изваяния, неподвижно стояли у дверей, опираясь на свои короткие

*) Судры ([illegible]) — [illegible] крестьяне Индии.

винтовки. За их сосредоточенными, немигающими взглядами чувствовалась такая безнадежность открыть то общее, человеческое, невольно предполагаемое нами в каждой душе, что становилось жутко...

Высланный от начальника тюрьмы старший надзиратель почтительно доложил мне, возвращая депутатский билет, что «согласно предписания г. министра», свидание с заключенными может быть предоставлено там, где я пожелаю.

Я «пожелал» лично вызвать Фунтикова и Седых из их, как оказалось, общей камеры.

Дежурный надзиратель, звеня ключами, прошел вместе со мною в правый *политический корпус* и с грохотом стал отворять запертую железной пластиной дверь камеры № 9.

Когда дверь распахнулась, я увидел сквозь душную и дымную атмосферу небольшой комнаты с высоким решетчатым окном человек пятнадцать в разнообразной одежде, которые сидели, стояли и ходили.

Как обыкновенно бывает в тюрьме, звук отодвигаемого засова и лязг взволновали заключенных, и они остались в тех именно позах, в каких застали их наши приближающиеся шаги. Мне не хотелось *требовать* к себе арестованных на свидание, как если бы к ним явился представитель власти и потому, переступив порог камеры и, обращаясь ко всем присутствующим, я извинился за непрошенный приход, отрекомендовался членом Учредительного Собрания и просил указать, кто здесь Фунтиков и кто Седых. На мой зов откликнулись два человека, но один высокий и плотный, с острыми, упорными глазами, выдвинулся вперед и, сохраняя внешнее спокойствие, сказал: «Это—я».

Я понял, что предо мною Фунтиков, как только неосторожно и не взвесив обстановки, спросил, желают ли эти люди иметь свидание порознь или вместе.

— Конечно, вместе! Веди нас,—обратился Фунтиков резко к надзирателю, как бы не желая ожидать ответа Седых.

Волей-неволей мне пришлось одобрить это решение. Из табачного дыма выступила тогда широкоплечая фигура Седых с открытым и напряженным лицом. Он нервничал и не хотел или не умел скрыть этого.

Я приказал ожидавшему у двери старшему надзирателю отвести нас троих в помещение, где бы никто не мог слышать нашего разговора, были чернила и бумага. Надзиратель посоветовался с дежурным и сказал, что лучше всего для этого подойдет свободная сейчас контора. Фунтиков, который хорошо знал расположение всей тюрьмы и сразу взял тон руководителя относительно своего товарища, согласился с мнением старшего, и мы двинулись в контору.

Асхабадская тюрьма, несмотря на то, что в ней содержалось множество людей и совершались величайшие злодеяния, оказалась скромным провинциальным острогом, каких много в губернских и даже уездных городах. Сред

ней России. Если бы не монументальные фигуры сипаев на-часах и не тот особый пепельно-серый колорит, которым подернуты туркестанские города, можно было бы подумать, что мы совершаем, все вместе, в *доброе старое время* очередный выход на свидание с родными и друзьями. Но пред нами с оттенком почтительности расступились часовые и дежурные надзиратели, и десятки блестящих глаз сквозь волчки и зарешеченные окна с недоумением наблюдали необычную *штатскую* процессию.

Перейдя наскоро тюремный дворик, старший надзиратель поднялся на крыльцо и попросил нас через переднюю в контору, где, вероятно, благодаря концу масленицы, никого не было.

— Здесь вы можете *заниматься,*—обратился он ко мне.—Г. начальник приказали передать, что время свидания неограниченное и вас никто не будет беспокоить.

Я напомнил надзирателю мою просьбу начальнику о возвращении оригинала разрешения на случай повторного свидания, и он, придерживая шпагу, вышел, плотно притворив за собою дверь.

Здесь у меня была возможность внимательнее рассмотреть своих спутников. Один из них, только теперь и, как мне показалось, несколько театрально отрекомендовавшийся Фунтиковым, повидимому, продолжал считать себя ответственным за последствия неожиданного свидания, и это торопливой озабоченностью сказывалось на его лице. Седых, напротив, был сосредоточен и, усевшись на деревянный табурет, ждал. Невольно я обратил внимание на редкую особенность его лучистого, пристального взгляда: глаза этого человека смотрели или дальше, или ближе того, к кому он обращался, и потому, как в бинокль, не наведенный на фокус, через них, несмотря на глубину и ясность, нельзя было различить его душевные переживания.

Прежде чем приступить к об'яснению причин своего посещения, я достал из бокового кармана пачку личных документов и предложил Фунтикову и Седых ознакомиться с ними. Это были—различные депутатские удостоверения, билет на IV Всероссийский с'езд П. С.-Р., а также постановление Ферганской рабочей конференции об избрании меня областным комиссаром труда.

Фунтиков деловито стал просматривать бумаги, в то время, как Седых только неловко, из приличия, взял одну из них и, почти не читая, положил обратно. Когда чтение документов закончилось, я отчетливо и ясно, подчеркивая общественный характер своей задачи, рассказал Фунтикову и Седых, чем вызван мой приезд в Закаспий и решение, не считаясь ни с чем, повидаться с ними.

«На вас,—закончил я,—указывают как на людей, которые знают и могут рассказать всю правду по делу 26-ти бакинских комиссаров. Уже по одному тому, что я против воли всесильного здесь британского командования нашел способы и средства пробраться в этот застенок; вы можете понять, какое исключительное значение придают убийству комиссаров далеко за

пределами Туркестана. Я, как вы видели и знаете *), не большевик и во многом, не говоря о теоретических расхождениях, считаю тактику большевизма этически неприемлемой и глубоко вредной для конечных задач революции. Но раскрытие дела 26-ти, беспощадное выяснение действительных пружин его есть вопрос достоинства и чести всех подлинных социалистов, и они не должны останавливаться и не остановятся ни пред какими усилиями и жертвами, чтобы раскрыть российскому и международному пролетариату полную картину преступления.

Рано или поздно, как показывает история, всё тайное станет явным. В особенности это применимо к убийству 26-ти, которое совершали десятки человек. Многие убеждены, что вы принимали в нем участие. На мой взгляд, это ужасно и отвратительно, но я не представитель власти или суда и меня интересуют общественно-политические условия, вызвавшие преступления, а не его отдельные исполнители. Кроме того, вы можете положиться на мое честное слово, что, пока вы находитесь в тюрьме, никакие силы не вырвут у меня таких заявлений и признаний, которые бы навели ваших врагов на мысль о вашей прикосновенности к преступлению или его раскрытию.

Будь я в вашем страшном положении, у меня не было бы колебаний. Вы должны искренно, не утаивая ни одной мельчайшей подробности, рассказать мне, последнему, кто дает вам эту возможность, всю правду и спокойно ожидать тогда своей участи. Потому что, если вы не скажете ничего или допустите в своем рассказе хотя бы незначительную ложь, то позднее, как бы ни повернулись события, вам не поверит ни кто, а честное общественное мнение окружит вас таким глубоким презрением, что вам, как Азефу, уже никогда нельзя будет возвратиться к жизни.

Если вы принимали участие в убийстве и вами руководила политическая месть, то, как она ни чудовищна с моей точки зрения, найдутся люди, которые признают вашу вину меньшей, чем как если бы она осталась в положении теперешней невыясненности, при загадочности ваших мотивов и тех отвратительных предположениях, какими многие об'ясняют ваше соучастие.

Едва ли я буду в состоянии попасть к вам в тюрьму еще раз, так как и сегодняшнее свидание вырвано с силой у министра юстиции, а пользоваться провокаторскими разрешениями Дружкина я счел ниже своего достоинства. Поэтому говорите сейчас или не говорите вовсе».

При упоминании о Дружкине, уловив недоумевающий взгляд Фунтикова в сторону Седых, я вынул и протянул ему бумажку с надписью—«К сведению закаспийской директории».

Видимо, эта тема была наиболее жгучей для обоих, потому что и Седых поднялся с своего места и, перегибаясь через стол, начал пристально вчиты-

---

*) Говоря это, я имел в виду свои общетуркестанские [illegible] эпохи 1916—1918 годов, известные большинству общественных работников Туркестана, а также деятельность в качестве секретаря Комитета по созыву Туркест[illegible] дительного Собрания.

ваться в каждую букву разрешения и моей мотивировки отказа воспользоваться им.

— Так вы открыто против Дружкина!..—протянул он, осветив этим неожиданным замечанием, как яркой вспышкой магния, весь лабиринт своих недоумений.

Я сухо заметил, что второй экземпляр разрешения с приведенной надписью возвращен мною вчера через Зимина «директории» и что этим одним, совершенно официально, определяются мои отношения с британской миссией и ее шпионом Дружкиным.

После этого, в сущности случайного эпизода, настроение Фунтикова и Седых резко изменилось. Не отвечая попрежнему ни на один из поставленных вопросов, они—это сразу почувствовалось—готовы были с большим дружелюбием и доверчивостью, чем прежде, отнестись к сделанному мною предложению.

Один момент даже казалось, что эти люди, у которых, по общему мнению и по непосредственному впечатлению от всего их поведения, хранились ключи от многих закаспийских тайн, были готовы, несмотря на разделяющую нас пропасть, просто, по-человечески рассказать всё, что они знают. Невольно поддавшись этому настроению, я повторил свое требование ради интересов будущего не умолчать ни о чем, как бы тяжелы ни были ближайшие последствия признания для самих Фунтикова и Седых.

Но обаяние взаимной искренности и желания правды, создавшееся на минуту в наших отношениях, рассеялось, как дым, и почин в этом принадлежал, несомненно, Фунтикову. Он с необыкновенной быстротой взгляда, свойственной, кажется, только одним преступникам, скользнул глазами по своему товарищу, как бы опасаясь за его несдержанность, и лицо Седых снова приняло настороженное, холодное выражение. В это время раздался стук в дверь, и вошел отрекомендовавшийся мне помощником начальника тюрьмы военный с заверенной копией разрешения на свидание. Оригинал, по его словам, тюремная контора обязана хранить у себя, как оправдательный документ, и потому возвращать его начальник не в праве. Я взял копию и жестом отпустил вошедшего, который внимательно, почти не задерживаясь, «окутал» взглядом Фунтикова и Седых. Мне пришло в голову, что передать копию разрешения можно было бы и по окончании свиданияя, при моем уходе из тюрьмы. Очевидно, наше полуторачасовое совещание начинало интересовать начальство.

Когда мы снова остались одни, Фунтиков протянул руку за принесенной бумагой, прося разрешения прочесть ее.

С прежней методичностью и пристальностью он прочел копию документа и даже сравнил его содержание с текстом разрешения Дружкина. Нельзя было сомневаться, что этот хитрый и дальнозоркий человек путем об'единения всех сложных признаков, рассеянных в моих бумагах и полученных непосредственным наблюдением, пытался разрешить задачу, достаточно ли

прочно в Закаспии свое собственное положение, для того, чтобы ему, пленнику британского командования, можно было рисковать восстанием против беспощадной, всесокрушающей силы англичан. По очевидной внутренней ассоциации с этими размышлениями он вдруг спросил меня, получен ли Туркестанским комитетом ответ Вильсона на парижское радио, текст которого был известен *политикам* асхабадской тюрьмы из случайно проникшего к ним номера «Голоса Средней Азии». Я ответил, что это радио только двадцатого февраля было сдано Комитетом на бакинскую радио-станцию, не достаточно мощную при том для прямых переговоров с Эйфелевой башней.

На несколько мгновений водворилось молчание. Как бы признавая его неловкость и не успев еще придти ни к какому решению, Фунтиков стал жаловаться на тяжесть здешнего тюремного заключения, «когда не знаешь, в какую минуту тебя поведут на расстрел,—и не скажут даже, за что расстреливают». Я спросил, почему так думают заключенные тюрьмы.—«Были примеры»,—ответил он с сумрачной загадочностью...

— Итак, вы отказываетесь сообщить, что вам известно по делу о казни комиссаров?—наконец, прервал я разговор, обращаясь больше к Седых, чем к Фунтикову.—Не мое дело рыться в ваших душах, но молчание о том, что тайна только на половину *), уже само по себе бессмысленно и ни к чему хорошему не приведет...

С этими словами я принялся собирать в портфель разбросанные по столу бумаги. Повидимому, не столько смысл сказанного, сколько сознание, что этим *все кончается* и я ухожу, произвело на Седых ошеломляющее впечатление. Вставлявший до этого только изредка отдельные фразы, когда речь заходила о моих возможностях помочь освобождению арестованных Дружкиным закаспийцев, он вдруг взволновался и стал просить меня приехать на свидание еще раз.—«Мы посоветуемся, обсудим ваши слова»,—почти задыхаясь договорил он.

Происшедшая потом немая сцена, несмотря на ее мгновенность, была самой томительной, какую мне когда-либо приходилось наблюдать. Оба «допрашиваемые», как затравленные волки, исподлобья смотрели друг другу в глаза, силясь найти в них общее решение. Я чувствовал себя лишним, как, может-быть, никогда в жизни. Было тяжело и стыдно присутствовать при этом поединке двух «друзей», связанных на живот и на смерть общностью преступления.

Неожиданно меня охватила мысль, что я сам того не замечая, делаюсь участником этого осторожного издевательства над людьми, которые должны на глазах у посторонних, не откладывая ни на одну минуту, проделать по чужой указке таинственную *лабораторную работу* со своей совестью.

И потому я, ни на чем больше не настаивая, дал Фунти[illegible] обещание постараться быть у них завтра еще раз.

---

*) См. в IX главе последующую запись устного показания [illegible]

— Будем ждать вас, товарищ Чайкин,— с чувством сказал, пожимая мне на прощание руку, оживившийся Седых.

Когда мы вышли, у внешних входных дверей конторы уже поджидала стража. Фунтикова и Седых повели в камеру, а предо мной снова с грохотом и лязгом открылась чугунная калитка.

IX.

Сев в фаэтон Зимина, терпеливо поджидавший меня у ворот тюрьмы, я предался мрачным размышлениям. Чувство невольной жалости к униженному человеческому достоинству Фунтикова и особенно Седых, которое только что владело мною, сразу сменилось раздражением почти ненавистью против этих убийц (теперь я был убежден, что они—прямые или косвенные убийцы комиссаров). Не хотелось верить, что затраченные усилия и весь риск оказались бессмысленной напрасностью, а между тем это было почти так. Второе свидание могло не удасться после того, как Дружкина уведомили о моем отказе воспользоваться его разрешением и о получении второго ордера из министерства юстиции. Не допустить свидания имел теперь формальное основание и сам начальник тюрьмы, так как многократность посещения заключенных, конечно, не была оговорена в выданном разрешении. Наконец, за сутки, при общем положении закаспийских дел и моих отношениях к британской миссии и Дружкину, могло утечь так много воды, что новое посещение тюрьмы стало бы политическим безумием.

«И всему виною жалкая трусость этих преступников или изуверов, которые в своем ослеплении не могут понять мотивов моего вмешательства в *постороннее* дело»,—думал я под унылый шум мелкого дождя, тоскливо шелестевшего по кожанному верху фаэтона.

Сосредоточенное презрение и злоба именно к Седых охватили меня с особой силой. Его упорное молчание, острый, холодный взгляд, упрямо ускользающий от собеседника, и напряженная тяжесть мыслей при открытом, симпатичном лице—подымали в душе целую бурю бессильного негодования. Я вспомнил его слова:—«*Так вы открыто против Дружкина!..*», и горькое чувство обиды за чистоту своих намерений, вынужденных влачиться в этой клоаке, стало еще безнадежнее и болезнее.

— Все эти люди,—думал я,—безнадежно развращены той исторической обстановкой, которая об'единила в одном общем понятии *антибольшевизма—меньшевого* эмира Бухарского V), «социалистов-революционеров» Дружкина и Фунтикова *), «социал-демократа» А. VI), независимого социалиста» и члена «директории» Белова, английского шпиона Куна (он же глава красноводского стачечного комитета), пристава Алания **) и т. д., и т. д., и т. д.».

---

*) См. главу X этого выпуска.

**) См. ниже главу XII.

Фунтикову и Седых были известны, конечно, бесчисленные факты закаспийской действительности, скрепившие этот «священный союз», и их отравленная психология, даже в случае личной непричастности к убийству комиссаров, казалось неспособной проникнуться этическими мотивами действия у других. При таких условиях обещанное мною второе свидание рисовалось скорее актом безнадежной необходимости, и я не хотел питать теперь на этот счет никаких иллюзий.

У Зимина, меня и Чокаева, только что возвратившегося от туркмен, ждали *дурные вести.* Конфликт, навстречу которому со времени нашего приезда почти открыто шел Зимин, нарастал ускоренным темпом, и с часу на час можно было ожидать формального разрыва.

Все надежды, связанные с нашей закаспийской экспедицией, оказались бы на половину разрушенными, если бы гроза грянула прежде, чем удалось закончить следствие по делу 26-ти и отправить в безопасное место собранные Чокаевым и мною политические материалы.

Мой рассказ о свидании с Фунтиковым и Седых только углубил настроение Зимина во что бы то ни стало *продержаться* до того времени, пока мы не окажемся за пределами закаспийской досягаемости. Его лицо, до этого сумрачное и озабоченное, все осветилось изнутри, когда он, как и в первое свидание, просто и без аффектации заявил: «Моя песенка спета, а вам надо выбраться из этого ада и рассказать всем, что вы тут узнали и видели. Я хотел сегодня же огласить в «директории» мой ультиматум, но теперь вижу, что необходимо подождать.—Вы, Вадим Афанасьевич,—добавил он, обращаясь ко мне,—приложите завтра у Фунтикова и Седых все усилия к раскрытию убийства, а я пока буду усыплять бдительность здешних аргусов».

Таким образом, приводимое ниже заявление Зимина *) подлежало оглашению в пленуме «директории» лишь по получении уведомления о том, что я и Чокаев выехали из Красноводска в Баку. Впоследствии оно носило более позднюю дату и стало известно Дружкину и генералу Маллесону только 7 марта.

Заявление это, изложенное в характерных для Зимина дипломатических полутонах, представляет несомненную историческую ценность, как живое свидетельство о британских оккупационных нравах и при том со стороны лица, которое в значительной степени руководило до половины февраля 1919 года Мешедского договора за иностранное вооруженное вмешательство в дела Туркестана.

---

2 марта, около 12 часов дня, я снова, с двойственным чувством надежды и глубокой усталости, вызывал звонком стражу асхабадской тюрьмы. Так же быстро, как и накануне, открылась лязгающая калитка, гулко

*) См. приложение № 3.

шумели шаги дежурного, и меня без соблюдения вчерашних формальностей, по пред'явлении копии министерского удостоверения, впустили на тюремный двор.

Глядя на ту услужливую торопливость, с какою выросший как из-под земли старший надзиратель распахивал предо мною дверь в контору, я почувствовал глубокую жизненную правду афоризма: «Лучший способ потерять право—начать сомневаться в нем». Несмотря на то, что за моим посещением тюрьмы на этот раз не стояло никаких законных оснований и на требование пред'явить новое разрешение от министерства юстиции я не мог бы возразить ни одного слова, все шло так, как если бы за мною было признано право пожизненного посещения всех узилищ британской империи.

Те же бесстрастные сипаи расступились, пропуская нас в политический корпус. и я снова *пожелал* лично вызвать Фунтикова и Седых «для продолжения незаконченного свидания».

Томительное мгновение молчания повисло в воздухе, когда дверь конторы закрылась и мы остались одни. На лицах Фунтикова и Седых ясно отпечатлелись следы бессонной ночи и пережитых волнений. Особым лихорадочным блеском почти сияли лучистые глаза Седых; холодно деловит и решителен был осунувшийся Фунтиков.

Мы молча поздоровались и молча расселись у письменного стола. Быстро и пристально взглянув, как я понял—«в последний раз», на своего товарища, Седых с оживленной интонацией но твердо и отчетливо произнес: «Мы решили рассказать вам все, что знаем. Товарищ Фунтиков и я в *курсе всего* и вчера очень сомневались, как нам быть. Вы простите, что мы вас второй раз затащили в это б...... место»,—обвел он глазами контору:— «*Но ведь это такое дело*»...

Было ясно, что последние слова относились к казни комиссаров, и Седых сразу, как отрезал, оборвал на них свою речь. Хмурый и сосредоточенный Фунтиков кивком головы подтвердил правильность сказанного и прямо *перешел к делу*.

Русская литература эпохи Достоевского и его вольных и невольных последователей создала несколько типов «кающихся русских людей». По этой традиции, подчинившей себе таких величайших писателей XIX века, как Л. Н. Толстой и И. С. Тургенев, кающийся не только глубоко сознает свою непростимую виноватость, но и хочет *пострадать за грех*. Только отсюда, с этого общего свойства «славянской совести», начинается обычно разделение преступников по реальным признакам их социального уклада, личных страстей и врожденных склонностей. Жизнь, как бы в насмешку над сторонниками ее трезвого анализа, дала несколько удивительных *доказательств* этой славянофильской утопии, и в результате спорить против нее стало так же трудно, как опровергать факты.

Так, через несколько лет *после* напечатания «Преступления и наказания» в уголовной практике петербургского окружного суда был случай

убийства студентом старого ростовщика, до поразительности напоминающий по обстановке и мотивам преступление Раскольникова. Выступление В. Г. Короленка в прессе против чиновника *Сорочинской* трагедии, полтавского чиновника Филонова *предшествовало* убийству этого чиновника партийным террористом; а затем, через 3 или 4 года, когда следствие было прекращено *за неразысканием убийцы,* он сам добровольно явился из-за границы, отдался в руки «правосудия» и был приговорен к пожизненным каторжным работам. Таким образом, ни традиции партии социалистов-революционеров, исключающие явку с повинной по политическим «преступлениям»; ни личность убитого Филонова, закончившего стрельбу по безоружной толпе «мрачными массовыми истязаниями сотен людей, стоявших на коленях в снегу» *); ни жестокость неизбежной кары,—ничто не могло сломить в душе террориста желания *пострадать за свой грех.*

Освященный такими *литературными фактами* «особый склад русской души»—не находил себе ни оправдания ни отражения в поведении участников убийства комиссаров. Фунтиков даже не сожалел об этом черном, почти беспримерном в новейшей истории преступлении. Седых, напротив, весь был подавлен тяготившей его тайной и, как мне казалось, глубоко раскаивался в предательском убийстве пленных противников. Но ни у того ни у другого не было и тени намека на желание, рассказав с холодной методичностью о причинах и обстановке убийства, понести за свое участие в нем, хотя бы в отдаленном будущем, даже только *общественную ответственность.*

Фунтиков поэтому начал с прямого вопроса, могу ли я дать обещание, что никогда не сообщу никому об их признании. Я ответил, что действую в интересах общественной правды, по поручению социалистических организаций и такого обещания давать не должен.

Тогда Фунтиков, пронзительно заглянув мне в глаза, спросил, кому я считаю нужным рассказать об этом свидании.—«Кому вы передадите фамилии, его и мою, и наше *показание?*» (т.-е. лист с записанными показаниями)—точно формулировал он во второй раз свой вопрос. Мне не оставалось ничего другого, как заявить, что *все* об этом свидании может быть сообщено только членам такой социалистической коллегии, к личной честности которых у меня будет полное доверие.

— Вы можете рассказать все членам центрального комитете П. С.-Р.?

— Да, я знаю их, как своих недавних товарищей по центральному комитету, и питаю к ним безусловное личное доверие.

— Тогда вы расскажите обо всем, что мы вам сообщим, только им одним.

— Во всем Закавказьи и даже на Юге России, насколько мне известно, нет сейчас ни одного члена центрального комитета. Как же я без риска для вас могу известить центральный комитет, каким способом и от кого получены эти сведения.

---

*) Из «открытого письма» В. Г. Короленка Филонову

— А когда увидитесь лично?!

— Но это случится, вероятно, очень нескоро, так как я порвал с центральным комитетом и не связан теперь с ним никакими делами. Публиковать же что бы то ни было о причинах убийства комиссаров, не передав никому ваших сведений, тоже нельзя. Меня может не стать, с вами также, судя по здешней обстановке, возможны всякие неожиданности...

— Не можете ли вы рассказать все членам закавказского областного комитета (П. С.-Р.) в Баку? *).

— Большей части,—да.

— Хорошо, мы согласны. Значит, пока мы в тюрьме, никто, кроме членов закавказского комитета, не узнает о нашем показании.

— Я сообщу ваше показание закавказскому комитету, и от него будет зависеть, как распорядиться им. Но, с своей стороны, я буду настаивать, чтобы, пока вам грозит опасность, все оставалось в тайне.

— Как ты? Я согласен,—обратился Фунтиков к Седых. Тот нервно ответил, что вполне верит моему слову и готов дать показание.

Только после этого томительного юридического диалога, свидетельствующего, по моему убеждению, о необыкновенной твердости Фунтикова, так как приходилось дорожить каждой минутой, он, по просьбе Седых, придвинул к себе бумагу и чернила и стал рассказывать мрачную повесть о деле 20 сентября.

Быстро, но методично, изредка прерываемый замечаниями Седых и моими вопросами, Фунтиков в течении часа сообщил мне «все, что знал», по делу о казни комиссаров.

Я имею глубокие психологические основания утверждать, что все, кроме одной частности, сообщенное Фунтиковым и досказанное Седых (несомненным непосредственным участником казни), было безусловной правдой. Порукою этому—не только исключительная стройность рассказа, с теми маленькими шероховатостями и внешними противоречиями, какие являются лучшим доказательством искренности рассказчика, но и непосредственное впечатление от замечаний Седых, который прерывал своего товарища каждый раз, как ему казалось, что тот неточно освещает события. Эти нечастые замечания, делавшиеся совершенно независимо от того, «в чью пользу» они свидетельствовали, произвели на меня тогда впечатление безусловной искренности и правды.

Даже Фунтиков, с его наглым лицом и острыми, колючими глазами, как-то смягчился, видимо, невольно проникаясь ответственностью и важностью момента.

Когда, записывая свое показание, он дошел до перечисления фамилий (см. п. 1), я счел своей об'ективной обязанностью, несмотря на полное личное доверие к Зимину, переспросить: «Упомянули ли вы фамилии всех,

*) По общему мнению тех из закаспийцев, которые были недостаточно осведомлены о делах закавказских с.р., их партийный центр находился в Баку, хотя он официально и открыто существовал в Тифлисе.

кто говорил вам *до убийства* комиссаров о предстоящем увозе их в Индию. Не говорил ли об этом Зимин? Каждая из называемых тут фамилий может стать в будущем равнозначной смертному приговору, но вы не должны щадить никого»...—И хотя оба допрашиваемых были очень раздражены против Зимина за безучастное отношение к их судьбе, Фунтиков, при молчаливом одобрении Седых, с оттенком невольной торжественности в голосе заявил:

— Не хочу брать греха на душу. Этого не было.

Частность, о которой я упомянул выше, сводилась к очень важному моменту показаний Фунтикова, но не колебала их об'ективной ценности. Дело в том, что еще в первое посещение тюрьмы я энергично подчеркивал то обстоятельство, что меня интересует не степень виновности отдельных лиц, а *общие пружины и условия* преступления. Таким образом, в свою задачу я отнюдь не включал получение признания Фунтикова и Седых об их *личной* прикосновенности к организации убийства. Поэтому я был глубоко удовлетворен, когда услышал от Фунтикова—заявление, что он признает свою осведомленность о заговоре *до* его осуществления. В результате такого заявления показание Фунтикова приобретало значение *сознания* одного из соучастников убийства и должно было в будущем, на судебном международном процессе, сыграть решающую юридическую роль. С другой стороны, я, безусловно доверившись правдивости Седых, ни одним намеком не требовал от него признания его личного участия в расстреле комиссаров и не считал его умолчания на этот счет в какой бы то ни было степени колеблющими даваемые им общие показания. Так, когда я задал Фунтикову вопрос, имеют ли под собою какое-нибудь основание слухи, что расстрелянных комиссаров, торопясь уехать из Ахча-Куймы, засыпали песком в наскоро вырытых могилах, еще полуживыми и что одного из них пред казнью кто-то ударил по лицу,—то Седых, с расширившимися от ужаса глазами, сразу потерявшими свой лучистый блеск, резко прервал меня негодующим замечанием: «Это ложь! Ничего подобного не было»... И для присутствующих, не исключая самого Седых, стало ясно, что *так* опровергать мой вопрос мог только непосредственный участник или очевидец убийства.

По непосредственному побуждению узнать правду от того, кто ее видел воочию, я затем обратился уже прямо к Седых с вопросом, в какой именно момент после об'явления смертного приговора произнес Степан Шаумян протестующую фразу: «Это—не система борьбы». И Седых, понимая, что он своим ответом выдаст себя головой, медленно, как бы отгоняя тяжелые воспоминания, произнес: «Это выдумали. Он очень волновался и молчал. А вот матрос, действительно, когда выводили из вагона, крикнул: —Я спокоен. Я знаю, что я умираю за свободу;—на что один из сопровождавших поезд сказал:—Мы знаем, что также рано или поздно умрем за свободу. Но мы ее понимаем иначе».

Было очень много данных за то, что эта ответная фраза принадлежала самому Седых. Интонация голоса, который дрогнул, когда произноси-

лись слова: «рано или поздно умрем за свободу»; биография Седых, матроса, отбывшего восемь лет каторги за участие в восстании, и это невольное преклонение развращенного политической обстановкой фанатика пред героизмом безоруженного, предательски убиваемого врага—давали основание думать именно так.

И все же, определив перед допрсом задачи производимого следствия, как общественно-политические, чуждые обычных приемов изобличения отдельных виновников, я не счел себя в нравственном праве обратиться к Седых и Фунтикову с прямым вопросом об их роли в организации увоза и казни комиссаров. Естественно, что Фунтиков, излагавший и записавший всю историю казни, мог при таких условиях, нисколько не подрывая тем об'ективности своего рассказа, пойти на признание лишь *minimum'a* своего участия в деле 26-ти. Но, повторяю, эта важная *частность* его показания была логически совершенно естественна при созданной мною постановке следствия, а эмоционально—вполне оправдывалась тем моим глубоким презрением к организаторам и исполнителям казни, о котором я заявил в самом начале допроса. Поэтому во все время рассказа и при его последующей записи я ни разу не прервал Фунтикова замечанием, не находит ли он противоречия в том, что «Председатель временного Исполнительного Комитета Закаспийской Области», высший представитель власти во всей стране *только знал* о готовящийся на территории Закаспия казни бакинских комиссаров и, сочувствуя этой казни, не оказывал ей ни дипломатического, ни практическго содействия.

Когда рассказ был закончен, Фунтиков взял перо и своим изломчатым, как бы старческим почерком, изредка советуясь с Седых, и время-от-времени обращаясь ко мне с вопросами «как формулировать» ту или иную фразу, старательно записал приводимое ниже показание.

В этой записи меня поразила большая степень интеллигентности Фунтикова, который, будучи простым рабочим, умело и быстро, несмотря на волнующую обстановку допроса, находил ясные, отвечающие существу дела формы выражения своей мысли.

Вот текст этого показания, воспроизводимый мною с подлинника, без каких бы то ни было исправлений его орфографии.

«Товарищу Чайкину, В. А.

Я как председатель Врем. Исп Ком. Закаспийской Обл. удостоверю следующее:

1) Примерно, в 20 чис. сентября, мне стало лично известно, что воизбежание побега прибывших в Красноводск из Баку комиссаров были приняты меры гр. Дружкиным по должности председателя розыскного бюро совместно с представителем английской мисии Тиг-Джонсом к вызову из Красноводска в Индию (через Мешед) этих комиссаров в количестве 26 чел. Об этом мне говорил лично Дружкин, Тиг-Джонс, Курылеев—Дружкин на его собственной квартире, Тиг-Джонс и Кури-

лев на квартире Дорера. Дружкин об'ясняя необходимость отправки комиссаров в Индию совершенно твердо и определенно заявил мне, что ему было заявлено английской миссией о необходимости для англичан иметь Бакинских комиссаров в Индии. Позднее Дружкин заявил мне, что получил от Тиг-Джонса обещанный английской миссией документ в котором заключалось удостоверение английской миссии о том, что вывезенные из Баку и Красноводска (26) комиссаров сданы под указанный документ английским властям в Мешеде.

2) В действительности-же указанные комиссары не были привезены в Мешед, а по дороге между станциями Красноводск—Асхабад были сопровождающей стражей из русских и туркмен **) расстреляны по предварительному соглашению между Дружкиным и Тиг-Джонсом и Курылеевым, при чем я тоже предварительно об этом предстоящем деле был осведомлен, но не считал возможным помешать этому в виду исключительности положения и особой жестокости пред этим, проявленной комиссаром Фроловым во отношении наших парламентеров (четыре каз.-араватских делегатов из рабочих посланных к Фролову для переговоров были истязаемы и убиты лично Фроловым и его красноармейцами). Этот предварительно решенный расстрел по настоянию английской миссии должен был быть об'яснен для населения официальным документом миссии о сдаче комиссаров англичанам в Мешеде. Я безусловно был убежден в том, что у Дружкина этот документ имеется о чем он мне и говорил три-четыре раза в ответ на мои вопросы об'ясняя не пред'явление своей забывчивостью.

3) Лиц, большинство без партийных, которые выехали в Красноводск для выполнения изложенного о комиссарах решения я даже для сведения партийных людей не считаю возможным перечислить их имена потому, что считал бы это по отношении к ним без их ведома и согласия не корректно.

4) Представитель английской миссии в Асхабаде Тиг-Джонс (глава миссии и один здесь) говорил мне лично до расстрела комиссаров, как и Дружкин, о необходимости рассрела, а после расстрела выражал удовольствие, что расстрел в соответствии с видами английской миссии произведен.

5) Мне известно, что после расстрела и погребения комиссаров, все их вещи были сожжены.

Федор Фунтиков.

Город Асхабад, 1919 г., марта 2-го дня, 3 ч. 35 мин. дня.

---

*) Техническая ошибка или описка: как удалось выяснить мне впоследствии по совету Тиг-Джонса, часть русской стражи, увозившей комиссаров из Красноводска на казнь, была переодета в туркменскую национальную военную форму.

Как видно из точной даты окончания этой записи прошло более трех часов с того момента, как тюремная стража оставила меня наедине с Фунтиковым и Седых.

Общая напряженность положения и тот факт, что у меня в руках уже находилось показание Фунтикова, обязывали к особой осторожности. Между тем, непомерно затянувшееся и при том повторное «свидание» могло навести начальствующих лиц на тревожные размышления.

Если накануне, в субботу, когда я почти непосредственно от министра юстиции отправился с новым разрешением в тюрьму, закаспийская тайная полиция, по недостаточной опытности еще могла *просмотреть* наше «свидание», то теперь надеяться на это было бы наивностью. При той чисто мексиканской быстроте, с какою созревали в Закаспии политические пронунциаменто, при исключительной заинтересованности британской миссии и самого Дружкина в исходе «дела 26-ти», я имел основания, получив от допрашиваемых серьезные документальные улики, опасаться, самых роковых неожиданностей.

Был момент, когда страстное желание иметь у себя подробную собственноручную запись показания Седых и тем создать *вторую опорную точку* для предстоящего процесса готово было превозмочь все эти опасения. Но суровая действительность диктовала иное решение, и волей-неволей пришлось ему подчиниться.

Передав вкратце свои сомнения Фунтикову и Седых, которые после того, как протокол допроса был закончен, также начинали тревожиться и нервно прислушивались к шагам стражи и доносившимся издали тюремным шумам, я предложил такой выход: Седых, если он всецело подтверждает, то, что записано Фунтиковым, скрепит документ своею подписью и, кроме того, разрешает мне пользоваться его рассказом, в будущем, как если бы он был собственноручно занесен им в протокол допроса.

Седых без колебаний согласился на это и лично сделал к тексту показания Фунтикова следующую приписку:

> «Я как все время проведший в Закаспийской области и как член Исполнительного Комитета подтверждаю точность и правдивость всего изложенного товарищем Фунтиковым.
>
> *Илларион Седых*».

Я облегченно вздохнул, когда сложив исписаный, на трех страницах лист бумаги и еще раз спросив у допрашиваемых, все ли здесь правда, не хотят ли они в последний раз оглянуться на прошлое, чтобы потом не жалеть о невозвратимом, положил этот драгоценный документ в боковой карман.

В течении двух-трех минут Фунтиков и Седых, торопясь и глотая слова, изложили мне свои просьбы к Зимину, который, по их мнению, при большей активности и настойчивости мог бы выручить из тюрьмы большинство политических заключенных асхабадской тюрьмы.

— Помните, товарищ Чайкин, что мы остаемся здесь почти на верную смерть, которой поджидаем, особенно по ночам, каждый час. Жалко, нет времени, а то бы мы *теперь* рассказали вам многое, что тут делалось,— проговорил в заключение Седых, сверкая на меня своими лихорадочно-оживленными глазами.

И—странное дело!—хотя каждый раз обращенное ко мне *этими людьми* слово «товарищ» подымало в душе волну жгучей неловкости и протеста, я почувствовал невольную, почти подсознательную негодующую солидарность с ними против тех, чьими методическими, расчетливыми усилиями создан этот залитый кровью, охраняемый бронзовыми сипаями страшный застенок.

И только минуту спустя, логика чувства уступила место чувству логики, когда я вспомнил, какое дело привело меня сюда и что этот самый Седых—меньше полугода тому назад, на рассвете 20 сентября вершил, вместе с другими «мстителями», у холмов Ахча-Куйминского перевала суд и расправу над пленными, безоруженными *идейными противниками*.

В это второе свидание, после его окончания, с замирающим сердцем переступал я заветную черту, отделяющую острожный двор от *воли*. Лист показаний был тщательно запрятан при выходе из конторы во внутренний потайной карман, вделанный в подмышечную впадину рукава пальто, и при поверхностном обыске не мог быть обнаружен.

Но двукратность необычного «свидания», длившегося в общей сложности *без свидетелей* около 7 часов, в соединении с тревогою британских *верхов*, была способна поднять против меня все силы, земные и небесные; *выходной* обыск, который начался бы при таких условиях, почти не давал шансов на благоприятный исход, так как тюремной администрации было известно, что я снимаю *письменные* показания и отсутствие у меня соответствующих записей показалось бы необ'яснимым чудом.

Мысль, даже условно, не хотела мириться с теми драматическими последствиями, какие повлекла бы за собою эта «находка». Не говоря уже о крушении вдребезги всего плана—накануне его счастливого завершения, прямою и первою жертвою *раскрытия глаз* у британской миссии на козни ее врагов пали бы Фунтиков и Седых. Несмотря на глубокое и холодное презрение к этим людям, которое соткалось у меня из всех пережитых впечатлений отправить их этою же ночью на казнь, быть невольным звеном, соединяющим только что сделанное ими искреннее признание с их бессудной и глухою гибелью, казалось мне горше смерти.

Весь сосредоточенный на этих опасениях, стоял я в бесстрастной позе королевского прокурора у выхода из Тоуэра, пред воротами асхабадской тюрьмы.

Но вот прозвенели принесенные дежурным надзирателем ключи, звякнула в руках у постового тяжелая предохранительная цепь, и за мною в последний раз с лязгом захлопнулась чугунная калитка.

X.

Как вырвавшийся на свободу узник, широко и радостно шагал я на этот раз к Зимину. Томительные 3½ часа, проведенные в стенах тюрьмы, казались далеким воспоминанием, навсегда отошедшим в прошлое. Только теперь, во всей прозрачной ясности представилась мне необычность и *непростительность* той ошибки, какую допустили в этом деле многоопытное британское командование и его растерявшийся Терсит—С. А. Дружкин.

Хорошо зная еще из бакинских интервью мои и Чокаева позиции в вопросе о преступлениях сибирских интернационалистов *), оно с поразительной самонадеянностью продолжало верить в «ловкость рук» своей агентуры даже тогда, когда силою непреодолимых обстоятельств я был вынужден раскрыть свои главнейшие карты, а Чокаев—в официальной аудиенции заявил генералу Маллесону о недопустимости дальнейших британских насилий над Туркестаном.

В то время трудно было решить, чем вызвана такая *оплошность;* почему немедленно не были арестованы, «как тайные агенты большевиков», я и Чокаев; в силу каких соображений не решился сжегший свои корабли, но пока всесильный, временщик Дружкин—уготовать нам участь бакинских комиссаров или, во всяком случае, помешать мне добыть из самого сердца закаспийского застенка уличающие британскую миссию и его самого документальные данные.

Краешек завесы, густо вуалирующий этот вопрос, был приподнят для меня только два года спустя случайным разговором с секретарем Бакинской рабочей конференции Воскановым **), а *все обстоятельства* казни 26-ти и последующих событий всесторонне освещены не прежде, чем капитан Тиг-Джонс, генералы Маллесон, Томсон и другие предстанут пред международной следственной комиссией и уголовным трибуналом Англии.

На квартире Зимина, куда я обещал притти тотчас после окончания свидания, меня уже второй час нервно поджидали Чокаев, сам Зимин и его жена. После первых кратких замечаний, когда мы остались втроем, я, на основании данного мне Фунтиковым и Седых специального согласия, прочел Зимину их показания и от души поздравил его с тем, что теперь, наконец-то, официально и точно установлена его непричастность к делу 26-ти. В ответ на это Зимин заметил, что, вероятно, мне необходимо иметь и его показание, так как едва ли есть нравственное основание говорить в данном случае *о действительной полной непричастности.* Я ответил, конечно, согласием иметь всякое показание, которое бы пролило дополнительный свет на все дело и могло служить новой опорной точкой при будущем судебном разбирательстве. Тогда Зимин отошел к письменному столу и в несколько минут написал,

---

*) См. выпуск IV—«Материалы по истории революционного народничества (1901—1920 годы)» (готовится к печати)—о генералах: Носке, Жанене и Гайде.

**) См. ниже, главу XII.

с одной лишь вставкой и без каких бы то ни было помарок, следующее показание:

«В. А. Чайкину.

М. Г.! На ваш вопрос о том, что мне известно по делу о 26 бакинских комиссарах, могу ответить следующее. Вскоре после того, как стало известно о задержании в Красноводске комиссаров, бежавших из Баку, я был запрошен по прямому проводу из Мешеда Доховым об их судьбе. — Я спросил тогда председателя Исполнительного Комитета Фунтикова и начальника розыскного бюро Дружкина о судьбе комиссаров, на что получил ответ, что они расстреляны. Об этом мною было сообщено шифром Дохову. Когда я спросил капитана Тиг-Джонса о том, известно ли ему судьба комиссаров, он мне ответил, что известна и что великобританская миссия считает это действие правильным.

По чьему распоряжению расстреляны комиссары, мне неизвестно. Подробности этого дела я не старался узнать, так как слишком тяжело было чувствовать, что и я несу известную моральную ответственность за это дело. Помню только, что спросил однажды Дружкина, как он думает оправдаться в этом деле, если у него когда-нибудь потребуют ответа. Ведь он, стоявший во главе политического розыска, имел возможность предотвратить случившееся. Он ответил, что капитан Тиг-Джонс обещал ему дать удостоверения об отправке всех расстрелянных в Индию и об их смерти там, о чем может быть представлено какое угодно медицинское свидетельство.

Больше ничего по этому вопросу вам сообщить не могу.

Готовый к услугам

Л. Зимин.

2 марта 1919 года».

И мне и Чокаеву была ясна та душевная драма, которая продиктовала Зимину эти безыскусственные строки, и у меня в то время, может быть, под влиянием смертельной усталости после пережитого дня, не хватило духу требовать у него каких бы то ни было дополнительных раз'яснений.

В дальнейшем же предстояли новые усилия и волнения, не дававшие ни времени, ни возможности возвратиться еще раз к этому, вчерне законченному вопросу.

Только утром 3 марта я мог вплотную заняться исследованием закаспийской общественности и, в частности, организационных дел П. С.-Р.

Выйдя, после многократных официальных протестов, еще в начале ноября 1918 года из центрального комитета Партии*), я, естественно, не считал себя политически ответственным за все те тягчайшие нарушения партийной программы и принятой IV Всероссийским с'ездом П. С.-Р. (в декабре 1917 года) тактики, которые развернулись предо мною в Какарказьи

*) См. приложение № 1.

не говоря уже о Закаспийской области. Но в то же время я не мог оставаться безучастным к этому искажению принципов революционного народничества и—к открытой службе его самозванных представителей на пользу злейших врагов трудовой демократии и социализма.

Отсылая читателей этого выпуска к коим «материалам по истории революционного народничества 1904—1905 годов», я здесь коснусь вкратце лишь тех сторон деятельности закаспийских «социалистов», которые ближайшим образом связаны с делом 26-ти и с принятой мною на себя задачей—узнать и рассказать о нем всю правду.

В Закаспийской области, как и в целом Туркестане, вследствие полного перерыва путей сообщения и бесконечно возникающих фронтов *) не существовало, начиная с 1918 года ни одной организации п. С.-р., которая сносилась бы с партийным центром и получала его директивы. Мне это было хорошо известно, как члену центрального комитета, органически связанному с Туркестаном и, на ряду с общеполитической работой, предпринимавшему в течении 1918 года систематические попытки к снабжению хлебом вымирающего туркестанского населения **).

В результате оторванности от руководящих идейных центров, в свою очередь далеких от социалистической последовательности и единства линии поведения, а также в силу тех специфических условий быта, которые со времен Салтыкова-Щедрина установили за колонизаторами Туркестана слишком определенную репутацию, большинство социалистических (и коммунистических) организаций этой огромной страны вскоре опустились на самую низкую ступень деморализованности и морального распада.

Наличность среди виднейших партийных работников Туркестана, недавних активных черносотенцев ***), людей с густо запятнанным политическим прошлым ****) и даже агентов охранного отделения—не возбуждали здесь ни удивления, ни решительного противодействия. Идейный уровень правящего советского аппарата и его уменье подойти к туземным массам также оставляли желать слишком многого.

Но ужаснее всех обстояло дело в Закаспии, где ко всем этим язвам молодой и худосочной туркестанской общественности присоединилось прямое растлевающее влияние британского империализма, подкупов и массовых политических убийств. Все это создало обстановку, когда превратились в «бытовое явление» такие факты, как—приезд из Ташкента в роли «чрезвы-

---

*) На линии Самара—Оренбург—Актюбинск—Ташкент, фронт Самарского комитета членов У. С., башкирский и так наз. Дутовский; на трудно проходимой линии Уральск—Джамбейта—Уил и Джамбейта—Кунград (Хива), фронт Уральского казачества и Западного отдела Алаш-Орды; на линии Закавказье—Красноводск—Каган (Бухара)—Ташкент, три бакинских фронта и фронт закаспийского «комитета общественного спасения».

**) См. выпуск V—«Туркестан и империалисты».

***) См. выпуск V—«Туркестан и империалисты».

****) Сопоставьте даты заявления Л. А. Зимина «директории», от 4/III, приложение № 3.

чайного комиссара Закаспийской области» развращенного маньяка Фролова, убийцы кизил-арватской рабочей делегации; активное участие в асхабадской группе П. С.-Р. политического провокатора и открытого агента британской миссии—С. Л. Дружкина и т. д.

Для документальной характеристики той потрясающей картины, какую в начале 1919 года являла закаспийская «социалистическая» общественность, мною вывезен оттуда *явочный лист* асхабадской группы П. С.-Р. от 12 января 1919 г. Под №№ 7, 20, 29, 31 здесь собственноручно вписаны фамилии: Фунтикова, Седых, Дружкина и Дохова.

Итак, меньше 1½ месяца отделяло этих людей от того положения, какое застал я, приехав в Асхабад... И они именовали себя «членами асхабадской группы П. С.-Р»., и рядом с их именами вписывали ничтоже сумняшеся свои фамилии *честные люди*, которые не могли не знать **), кто—их «товарищи по партии»!..

Несколько удовлетворительней было положение у социал-демократов, так как во всей Закаспийской области они... не имели ни одной организованной, хотя бы самозванной ячейки и это формально избавляло их от какой бы то ни было партийной ответственности за действия отдельных лиц. Но, разумеется, не было недостатка в одиночках «социал-демократах», которые, как, например, «социал-демократ» А., наравне с «социалистами-революционерами и беспартийными выносит 22/VII 18 г. тайный смертный приговор девяти асхабадским комиссарам.

На просьбу таких *честных людей* из лагеря именующих себя «социалистами-революционерами»—сообщить им последние партийные директивы и дать личный совет о соответствующей положению Закаспия с.-ровской линии поведения, я мог только ответить пожеланием немедленного самороспуска всех этих самозванных закаспийских групп, с одновременным признанием себя нарушившими основные постановления IV с'езда П. С.-Р. и не санкционированными центром и потому не имевшими права именоваться партийными.

Характерно, что этому невероятному при других условиях *совету* частного лица без колебаний последовали все действующие эс-эровские организации Закаспия, т.-е. кизил-арватская и асхабадская. Так велика была внутренняя оторопь их заблудившихся сочленов за идеологические и практические последствия своей «социалистической» работы!

В какой мере ответственны эти *партийные организации с.-р.* за гибель бакинских комиссаров? По этому вопросу необходимо признать, что ответственность организованных «социалистов» была здесь очень велика. Но она заключалась не в прямом или косвенном участии организаций в самом убийстве, а в их поразительном *нравственном нейтралитете* относительно непосредственных убийц и пособников. Можно считать установленным, что очень большое количество людей, называвших себя «социалистами» знало причастность к делу 26-ти своих однопартийцев, и это, однако, не повлекло

за собой ни организации общественного следствия, ни предания виновных партийному суду...

Совершенно иначе рисуется вопрос с ответственностью бакинских с.-д. и с.-р. Здесь, по моему глубокому убеждению, основанному на всестороннем и об'ективном исследовании преступления 20 сентября, исключена всякая возможность даже индивидуальных обвинений. По крайней мере, ни одна из многочисленных нитей, которые связывали ахча-куйминское убийство с великобританской миссией в Асхабаде, персидским Мешедом, деятельностью Дружкина, Фунтикова, Д., Х., К. и друг., не привела меня в Баку. Даже поведение в вопросе о красноводском пленении комиссаров известного англо-персидского авантюриста генерала Бичерахова, несмотря на специальный опрос мною десятков осведомленных людей, не дает никаких оснований приписывать ему ту или иную долю хотя бы отдаленного соучастия в организации и подготовке убийства.

Наконец, на период, предшествовавший от'езду комиссаров из Баку, проливает свет приводимое ниже in extenso важное свидетельское показание тов. председателя бакинской чрезвычайной следственной комиссии—Льва Далина.

Находясь во время так называевых *сентябрьских событий* *) на другом конце России, почти в 3,000 верст от Баку, Красноводска и Асхабада, я, естественно, не считал себя в праве браться за анализ тех общественно-политических условий, которые привели бакинских комиссаров сперва на борт «Туркмена», а затем,—вольно или невольно,—к красноводскому берегу. Но тут в дело вмешалась *частная инициатива*. Именно, уже три месяца спустя в Тифлисе ко мне явился упомянутый Далин и выразил готовность присоединить к моим материалам по делу 26-ти свое письменное показание.

Так как личность Далина не возбуждала никаких специальных сомнений, а отдельные моменты его показания допускали об'ективную проверку и совпадали с имеющимися у меня прежде сведениями, то я охотно пошел навстречу этому пожеланию.

Собственноручное показание Далина сводится к следующему:

«Товарищу В. А. Чайкину:

В виду того, что Вами возбужден вопрос об организации судебно-следственной комиссии по делу об убийстве 26-ти комиссаров—большевиков (из Баку),—я, тов. председателя б. чрезвычайной следственой комиссии гор. Баку, Лев Далин, считаю своим долгом дать следующие сведения, для полного освещения этого вопроса:

I. По предписанию Бакинской диктатуры Центрокаспия, с 16 по 18-е августа прошлого года, комиссары и некоторые руководители большевиков, были сняты с пароходов, захваченных ими, и препровождены в Центральную, № 1, и Баиловскую, № 2, тюрьмы. 25-го августа все большевики были сосредоточены в Баиловской тюрьме.

*) Начавшихся наступлением армии Нурей-паши на Апшеронский полуостров и закончившихся избиением в капитулировавшем Баку 11,000 армян.

II. Следствие по делу большевиков вел следователь чрезвычайной комиссии гр. Жуков, который в таковую был приглашен еще большевиками.

III. 14-го сентября, около 10—11 часов вечера, большевик Микоян принес из Диктатуры Центрокаспия и Исполкома на мое имя предписание, за подписями А. Велунца и секретаря А. Тер-Каранетяна, в котором говорилось, чтобы мной были приняты меры к посадке всех заключенных большевиков на пароход «Севан», командир которого получит распоряжение о дальнейшем следовании. Также было указано место стоянки парохода.

IV. Написав тут же распоряжение в тюрьму об отпуске всех содержащихся в политическом корпусе, под расписку тов. Микояна, я предложил ему взять с собой 1-е отделение дружинников, 12 человек, для сопровождения и охраны бакин. комиссаров при посадке на пароход.

> **Примечание.** Чем руководствовался я, дав 12 человек охраны?—Во-первых, пароходы брались «с собою» бежавшими солдатами и населением, и при посадке бакинских комиссаров, могло бы произойти крупное недоразумение (принимая во внимание настроение населения на Баилове—не рабочее); и, во-вторых, на основании предписания Диктатуры «посадить на пароход».

V. Из доклада, сделанного мне в Петровске начальника *отделения*, сопровождавшего комиссаров, я установил:

а) Что по прибытии на указанную в предписании пристань, они парохода «Севан» не застали;

б) что с соседней пристани они сели на пароход «Туркмен» или «Тюркян» (точно не помню), на котором вышли в море;

в) что одновременно с ним к тюрьме подошел партизан Т. *) Амиров с частью отряда;

г) что в дороге выяснилась борьба: с одной стороны—угрозы и подкупы Амирова, с предложением направиться в Астрахан: с другой—заявление командира парохода, что он туда не пойдет за недостатком топлива,—причем командир) указал два направления—Петровск или Красноводск; наконец, решили направиться в Красноводск, так как в Петровске «сидел» Бичерахов;

д) что по приезде в Красноводск, их всех задержал исполнительный комитет.

> **Примечание.** Пароход «Севан», как это выяснилось тут же на пристани, был загружен бежавшими и отошел на рейд. С другими пароходами он прибыл в Петровск.
>
> Как относились с.р. и с.-д. меньшевики к арестованным, можно видеть из того, что—

1) Заключенные в тюрьму с первых же дней, до производства допроса, имели возможность сноситься неофициально со своими комитетами (хотя) об этих сношениях я был осведомлен;

2) жены и родные получали во внеурочное время личные свидания, что противоречит правилам производства следствия,—эти два обстоятельства явно указывают на то, каким отношением к себе они (заключенные) пользовались;

3) ходатайствовали пред Диктатурой о вывозе их (комиссаров) из Баку, меньшевик Богатуров и с.-р. Велунц, ибо не подлежало сомнению, что наступающие турко-татары их, комиссаров, повесили бы.

Все вышеизложенное по долгу совести и чести утверждаю.—

б. тов. председателя ч. сл. к. гор. Баку *Л. Залин*

Гор. Тифлис, 4 июня 1919 года».

Несмотря на некоторые наивные частности этого документа и доку-

*) Татевос (имя одного из двух уехавших на пароход Амировых).

щенные неясности *), он разрушает упорно муссировавшуюся в Баку легенду о том, будто комиссары отправлялись именно в Красноводск, по чьему то тайному соглашению с будущими организаторами их убийства, и что самый увоз комиссаров из Баку являлся актом враждебным и направленным против их благополучия.

Действительность на этот раз была значительно проще, чем то по различным сторонним соображениям пытались ей навязать. Такой вывод я основываю на личном опросе упоминавшегося выше Абрама Велунца, рассказ которого в общем и целом вполне совпадал с показанием Далина, а главное—на подтверждении этого показания фактом от'езда из Баку вместе с освобожденными им комиссарами самого Микояна, впоследствии, как помнит читатель, почти чудом спасшегося из Закаспия при выезде оттуда семейств комиссаров.

На последний вопрос—в какой степени ответственны центральные органы социалистических партий за тот роковой клубок обстоятельств, который подготовил катастрофу 20 сентября, на долгие годы фактически обезглавившую *восточный* большевизм,—можно было бы ответить: в такой же, в какой ответственен центральный комитет Российской Коммунистической партии за появление в Закаспии в роли британского агента члена пермской чрезвычайной комиссии по борьбе с контр-революцией и саботажем—С. Л. Дружкина (см. ниже) и в значительной меньшей, чем Всероссийский совет народных комиссаров—за присылку главою Туркестана Федором Колесовым *для успокоения* Закаспийской области садиста и алкоголика Фролова **).

Однако, таким *разверстанием* ответственности с центральных комитетов с.-р. и с.-д. ни в какой мере не снимается более широкое обвинение о беспримерном разложении партийной массы своей оппортюнистской тактикой и резкими уклонениями в сторону от путей интернационального социализма. Несомненно, что одним из таких отклонений, посеявших наиболее злые семена и давших впоследствии империалистам Антанты богатую жатву, было приглашение для защиты Баку, против надвигающейся со стороны Грузии армии Нури-паши, британских военных сил. Но, конечно, было бы недопустимым повторением известной логической ошибки — «post hoc o. ergo propter hoc» предполагать, что имевший серьезные политические основания пойти на ахча-куйминское кровавое дело воинствующий британский империализм нашел способы осуществить его только в силу идейной рыхлости и беспринципности российских социалистических центров.

*) Непонятно, к кому относятся слова «они» и «всех их»—в п.п. «а», «б» и «д», § V и доставлены ли сведения о том, что происходило на море и в Красноводске, начальником дружины или кем-либо иным.

**) См. выпуск III—«Межнациональные отношения революционной России»—(готовится к печати).

XI.

Приблизилось время подумать об от'езде из Закаспия и об увозе в сохранности и неприкосновенности добытых здесь материалов и документов.

Но прежде мне и Чокаеву казалось необходимым обеспечить свой *политический тыл* от всех тех неясностей и предположений, которые неизбежно возникли бы за пределами Туркестана, если бы нам не удалось ускользнуть от англичан и поведать миру о раскрытых преступлениях. Единственной амбразурой англо-закаспийской крепости, через которую была надежда крикнуть, быть может, в последний раз России и Европе о том, что творилось в этом огромном застенке, являлась Кушкинская радиостанция. Отличаясь достаточной мощностью для прямых сношений с Москвою, Берлином, приемными станциями Персидского Залива и даже Индийского океана, она по непонятной оплошности британского командования продолжала оставаться в непосредственном заведывании закаспийского министерства иностранных дел, т.-е. Л. А. Зимина. Однако, и при этом условии, наличность в крепости британских агентов и то обстоятельство, что сам Зимин находился накануне падения и вероятного ареста—обязывали к очень большой осторожности. К тому же неполная солидарность Чокаева с моим взглядом на характер своих обязанностей по отношению к делу 26-ти и крайняя желательность нашего совместного международного выступления еще более осложняли вопрос об отправителе, адресате и содержании радиодепеши.

После долгих сомнений и колебаний, Зимину был 4 марта передан следующий текст нашего радиосообщения на русском и французском языках:

«Швейцария. Берн. Секретариату международной социалистической конференции. Комитет по созыву Туркестанского Учредительного Собрания, в виду обнаруженных им на территории Туркестана фактов чрезвычайного значения, позорящих культурное человечество и повелительно требующих вмешательства Интернационала, считает своим долгом уведомить секретариат международной социалистической конференции, что из состава едущей в Россию делегации ее должны быть выделены уполномоченные (лица), которые посетили бы Туркестан и исследовали, пользуясь правом экстерриториальности, имевшие здесь место злодеяния последнего периода. Депеши на имя комитета будут приняты радиостанциями: Туркестан, крепость Кушка; Кавказ: Баку—морская радиостанция *), Тифлис—радиостанция Грузинской Республики.

Председатель *Мустафа Чокаев.*

Секретарь *Вадим Чайкин.*

Надо мысленно перенестись в Закаспий того периода и всецело проникнуться нашим тамошним положением, чтобы понять, что эта макиавелиевская радиодепеша была тем *максимум* дерзости, на какой можно было тогда итти, не ставя безнадежно на карту все и вся. Дело в том, что не до

---

*) Где служили, так-наз., слухачами некоторые с.-р.-ы

бившись от Зимина передачи им Кушкинской радиостанции, как «ненужной и даже обременительной для закаспийского комитета общественного спасения» *), англичане, кроме своей неофициальной агентуры в самой крепости, установили еще post-factum'ный контроль над всеми депешами «директории» путем неукоснительного перехватывания их мешедским радиоприемником.

Таким образом, несмотря на все принятые Зиминым меры предосторожности, нельзя было питать ни малейшей надежды, что наше радиообращение останется тайной для генерала Маллесона и его правой руки — Дружкина. К такому неизбежному прочтению депеши *до нашего от'езда* из Закаспия был приноровлен ее адрес, форма самого изложения и т. д. В частности-прямое указание на преступления британского командования дипломатически заменялось формулой о «фактах чрезвычайного значения, позорящих культурное человечество»; социалистическая комиссия приглашалась в Закаспий для расследования, «имевших здесь место неслыханных злодеяний последнего периода», а в целях легитимизации всего этого выступления и одновременного придания ему демонстративного характера, в текст депеши был включен совершенно утопический в нашем положении ответный радио адрес: «Туркестан, крепость Кушка».

Но даже и при этих *предохранительных* условностях значение обращения должно было быть слишком прозрачным для британской миссии, которая в лице генерала Маллесона выслушала политические требования Чокаева о невмешательстве Англии в дела Туркестана, систематически осведомлялась Дружкиным о всех моих шагах и считала резко враждебным своим интересам министра иностранных дел Л. А. Зимина. Поэтому наряду с обращением в Берн, политическое значение которого заключалось также в передаче его радио до нашего выезда из Асхабада *), необходимо было принять другие меры предназначенные исключительно для сохранения вывозимых нами документов и конспиративных записей. С этой целью я предложил Зимину следующий прием, на который он без колебаний согласился. В полотняный дипломатический пакет министерства иностранных дел был заделаны все тайные документы, включая показания Фунтикова, Седых, самого Зимина и других; на этом пакете Зимин, по должности члена закаспийского правительства, заведующего международными сношения своею рукою сделал надпись:

«Совершенно доверительно.

Генералу Томсону,

Представителю Великобританского правительства в Баку.

От Министра Иностранных Дел Закаспийского Правительства.

№ 356».

В доверчение иллюзии на лицевой стороне пакета была приложена печать министерства и, кроме того, дано в отдельных конвертах сопрово-

*) Выражение, которое было употреблено британской миссией при сношениях с Зиминым.

дительное письмо на имя генерала Томсона и особое официальное отношение следующего содержания.

«ВРЕМЕННОЕ ЗАКАСПИЙСКОЕ
ПРАВИТЕЛЬСТВО.
Управляющий
Иностранными Делами.
5 марта 1919 г.
№ 355.
Гор. Асхабад.

Генералу ТОМСОНУ,
Представителю Великобританского Правительства в Баку.

В № 44-м от 27 февраля, газеты «Искра», напечатано, что Вы командировали в Асхабад офицера, для перевода в Баку жен и детей бакинских большевиков. Имею честь уведомить, что они освобождены 28-го февраля Закаспийским Правительством и уже выехали в Баку и, что Ваш, посланный в Асхабад, не прибыл.

Пользуясь случаем, считаю нужным уведомить, что во время задержания этих лиц представителем Великобританской Военной Миссии, в Асхабаде, был капитан Тиг-Джонс, а его непосредственным начальником—глава миссии в Персии, генерал-майор Маллесон: первый—с конца августа до конца января 1919 года, а второй—с января 1918 г. по настоящее время, при чем первый раз он приехал в Асхабад 17-го ноября 1918 г.

Член Комитета Общественного спасения,

министр иностранных дел Л. Зимин».

Читатель, который ознакомился с предыдущими главами настоящего выпуска и, в частности, с приведенной в главе IV статьей «Знамени Труда»: «К освобождению семейств расстрелянных комиссаров», поймет без дальнейших об'яснений, что вся эта вынужденная мистификация преследовала, кроме провоза конспиративных бумаг, и другие, параллельные цели.

Во избежание повторений укажу лишь, что первый абзац *официального уведомления министра дружественного Великобритании государства* ставил генерала Томсона в *официально* безвыходное положение по вопросу об освобождении семейств казненных комиссаров «усилиями британского командования»; а даты и сведения второго абзаца были необходимы мне для начатия *официальной* международной кампании за предание уголовному суду Тиг-Джонса и Маллесона.

По соглашению с Чокаевым было решено, что в случае задержания меня закаспийскими властями или *английским контролем* по дороге в Красноводск [illegible] Баку я пред'явлю лишь свою депутатскую карточку и запечатанный конверт с отношением за № 355 и решительно воспротивлюсь личному обыску, ссылаясь на свою депутатскую неприкосновенность и на то, что я везу именной пакет на имя главнокомандующего союзными силами Закавказья генер[illegible] Томсона.

Таким образом, у арестующих должна была неизбежно [illegible]ться иллюзия, будто я выполняю официальное поручение «директории» и расп[illegible]гаю связями в среде союзного командования и везу толь[illegible] *один*, [illegible]

емый мною пакет. По моему расчету, этих *признаков* должно было оказаться достаточно для освобождения случайно «задержанного дипломатического курьера» и принесения пред ним извинений. Но на тот случай, если бы личный обыск все же был произведен и сыщики в потайном кармане моего пальто прощупали дипломатический пакет с сакраментальной надписью: «Совершенно доверительно», я должен был держать наготове заряженный наган и заявить, что убью, и даже убить—первого, кто осмелиться прикоснуться к этому «секретному пакету исключительной международной важности». В *самом крайнем случае,* когда мое упорство поставило бы в тупик растерявшиеся власти, я, по этой своеобразной диспозиции, *мог лишь согласиться* на от'езд со мною «для охраны пакета» вооруженной стражи, которая на бакинском берегу и при Азербейджанской quasi-*независимости,* потерял бы добрую половину своего устрашающего значения.

Все эти предосторожности и даже решимость пойти на вооруженный отпор обыску были в то время совершенно естественным и неизбежным, так как в случае захвата документов, в атмосфере закаспийского террора, «заговорщикам против престижа Великобритании» все равно не было бы пощады.

XII.

Наступило 5-ое марта, нашего от'езда из Асхабада.

С необыкновенною отчетливостью вспоминаю я теперь преддверие своих *мартовских Ид,* когда два врага с завязанными глазами подстерегали друг друга: встревоженные генерал Маллесон и Дружкин—с целью убить нас на одном из глухих полустанков Средне-Азиатской ж. д., бесшумно и в полной тайне; я и Чокаев—также без знания точных намерений противника, но с ясным предучетом его готовности пойти на любое преступление, ищущие выхода из закаспийской ловушки, с тем, чтобы увезти за пределы британской досягаемости захваченную добычу.

Нарушая хронологическую цельность рассказа, я должен допустить здесь отступления и вкратце передать свой владикавказский разговор с секретарем бакинской рабочей конференции Воскановым, имевший место в июне 1920 года.

В то время, я, по поручению повстанческого Черноморья и в качестве его дипломатического представителя, направлялся из Тифлиса по Военно-Грузинской дороге в Москву для переговоров с народным комиссаром иностранных дел Чичериным. Совершенно случайно в одной из столовых-погребков Владикавказа мы встретились с Воскановым, которого я не помнил в лицо и знал больше из прессы и по наслышке. Восканов окликнул меня, подсел к моему столу обедать и затем пригласил к себе в общежитие профессиональных союзов.

Тут, сидя в крошечной комнатке Восканова, я впервые узнал от него то, о чем в Закаспии 15 месяцев назад я и Чокаев лишь смутно догадывались, накануне своего от'езда из Асхабада. Оказалось, что еще в конце марта 1919

года добровольно явившийся в президиум рабочей конференции красноводский пристав Ф. Алания, давая показания по делу 26-ти, сообщил, что ему было поручено организовать убийство Чайкина и Чокаева до их выезда из пределов Туркестана, при чем ставилось условие: осуществить это без всякой огласки и, по возможности, в пустынной местности, между Кизил-Арватом и Красноводском.

В сообщении Восканова были два заслуживающих внимания момента: то, что сам Алания без особой инициативы президиума конференции, рассказал о конкретном плане порученного ему убийства и что эта часть рассказа Алания не была в свое время оглашена в закавказской социалистической прессе.

Первый вопрос, несмотря на некоторые туманности в передаче, Восканова, разрешался для меня сравнительно просто при детальном изучении материалов по делу 26-ти. Пристав Алания, как это явствует из записи рассказа, приехавших в Баку жен казненных комиссаров *), был активным участником увоза красноводских пленников на казнь, и ему, читавшему в газетах этот рассказ, относительно советской власти терять было нечего. Сама Бакинская рабочая конференция на территории *независимого* Азербейджана, где почти открыто хозяйничали шотландцы и гуркосы XI) являлась безвластным органом, с которым была безопасна любая откровенность. Поэтому, при несомненной загадочности тех мотивов, ради которых пристав Алания явился в президиум конференции с очень двусмысленной повинной *), нельзя удивляться, что он, со свойственной малокультурным грузинам рисовкой, поведал urbi et orbi, что ему доверяли столь ответственное дело, которого он не пожелал выполнить» (?).

Зато гораздо сложнее представлялся второй вопрос **), по каким побуждениям высший рабочий орган Закавказья счел целесообразным в разгар ожесточенной борьбы с британским командованием (см. ниже—главы XVII и XVIII), когда каждое слово по делу 26-ти ловилось на лету всеми девятью газетами Баку и прессою Грузии, умолчать об этой *частичности* показания Алания. К сожалению, краткость нашего свидания с Воскановым и, в особенности, поразившее меня известие о расстреле в Баку Л. А. Зимина не дали возможности остановиться дольше на этом вопросе.

Из показания Алания (в устной передаче Восканова) еще заслуживает быть отмеченным, что «высшими сферами» Закаспия предполагалось, в случае невозможности, благодаря принимаемым нами мерам предосторожности тайного убийства, расстрелять меня и Чокаева уже *на законном основании*, открыто; но необходимым условием этого считался мой заезд в Кизил-Арватские мастерские «*для возмущения рабочих* против британского командова-

---

*) Алания назвал целый ряд лиц, увозивших комиссаров (в их числе—С...дых, а себе приписал лишь скромную роль «очевидца»- в качестве начальника красноводской милиции.

**) См. ниже—главу XIX.

ния и в пользу воссоединения Закаспийской области с советским Туркестаном».

Все это, как уже упоминалось выше, я и Чокаев предчувствовали накануне 5 марта, хотя и не знали, где именно подстерегает нас действительная смертельная опасность.

За два или три дня до от'езда ко мне в гостиницу явились представители кизил-арватских рабочих и настойчиво просили выступить у них в закрытом собрании *по текущему моменту* *). Не считая себя в праве, несмотря на исключительную напряженность положения, отказаться от поездки в Кизил-Арват (205 верст от Асхабада), где находился рабочий центр всего закаспийского движения, я согласился-было прибыть туда к самому собранию, во вторник, вечером (4 марта), с тем, чтобы на другой день меня в Кизил-Арвате догнал Чокаев, с которым мы и должны были продолжать путь на Красноводск. Однако, ряд совершенно случайных обстоятельств разрушил этот план, и днем 4 марта я попросил по фонопору уведомить представителя кизил-арватцев, что при всем своем желании не успею выехать к ним в условленное время, а откладывать поездку дольше 5 марта нельзя, так как 6 или 7 марта ожидается отход из Красноводска очередного парохода в Баку. При этом рабочим Кизил-Арвата было сообщено точное время нашего проезда чрез их станцию, что давало возможность нескольким уполномоченным лицам устроить в купе вагона совещание со мной на пробеге Кизил-Арват—Красноводск.

5 марта мы заняли отдельное купэ II класса в переполненном красноводском поезде и приготовились к от'езду. Мысль, впервые поданная Зиминым—получить через него, как заведующего иностранными сношениями, для *выезжающих за-границу* представителей Туркестана отдельный салон-вагон, который бы импонировал во время пути и в Красноводске своей роскошью и *официозностью* агентам власти, понижая тем шансы на обыск и арест,—была оставлена нами еще накануне.

Причиной отказа от этой остроумной *бронирующей* меры явилось предположение одного из наших искренних асхабадских друзей, что Дружкин—Маллесон, которых, конечно, заблаговременно уведомят о таком требовании, охотно дадут ему осуществиться, чтобы иметь возможность в пути, секретным распоряжением по линии, со ссылкою на техническую неисправность вагона, отцепить его от поезда на одном из безлюдных раз'ездов Закаспия. В результате такого контр-манёвра я и Чокаев оказались бы пленниками британского командования и закаспийской политической полиции, вдали от населенных мест, не имея возможности уведомить кизил-арватских рабочих и Асхабад о своем положении. Уже тогда не трудно было предвидеть исход такого пленения и ту глубокую тайну, какою было бы окружено для закаспийцев, не говоря уже о Закавказьи, наше исчезновение.

---

*) Впоследствии, косвенным отражением этого желания явилась присылка мне (не переданного своевременно в Тифлис) мандата кизил-арватцев на участие в С'езде профессиональных союзов Закавказья (в апреле 1919 г.).

Около 5 часов вечера ударил третий звонок, и наш разноголосый, пестрый вагон медленно отошел по направлению к Красноводску. Теперь, в уединении узкого двухместного купэ, можно было подвести сложные итоги впечатлениям *десяти асхабадских дней.*

Несмотря на краткость протекшего времени, казалось, что целая вечность отделяет нас от того момента, когда впервые, полные планов и надежд, увидели мы этот город. Действительность сузила наши планы до нескольких обособленных специальных *предприятий* и доказала преждевременность или неосуществимость большей части надежд. Как всегда бывает после затраты слишком большого количества энергии и перенапряжения воли, все осуществленное казалось незначительным, и не хотелось думать о предстоящих новых усилиях. А между тем впереди, теперь уже через несколько часов, нас поджидали те *последние препятствия,* от преодоления которых зависел успех всей экспедиции.

Опоэтизированный веками насилий, жадный лев британского империализма, давно привыкший питаться человеческим мясом, должен был или дать нам дорогу, или навсегда захлопнуть пред своим безоружным, сильным, как казалось, только сознанием внутренней правоты врагом железную дверь.

Медленно тянулось время. Когда стемнело, решено было, в виду раннего прихода поезда в Кизил-Арват, ложиться спать. Я пожелал Чокаеву спокойной ночи и, задернув свет лиловой шелковой занавеской, взобрался на верхнее место. Оттуда, со стороны обращенного к окну изголовья, резче рисовалось ярко вызвездившее южное небо и темные по контрасту с ним, вытянуто-вздрагивающие свето-тени от убегающих вдаль вагонов.

В эту ночь не спалось, и я долго, облокотившись на подушку, всматривался в черную даль пустыни, прислушиваясь к говору разместившихся в коридоре пассажиров и к ритмически погромыхивающему на стыках рельс поезду. Уже у Гами, на рассвете, мы оба сразу проснулись, очевидно, приняв эту небольшую остановку за Кизил-Арват. Но поезд пошел быстро, и почти через час замелькали станционные здания, которые, справившись по железнодорожному путеводителю, Чокаев признал за кизил-арватские. Надо было торопиться, так как остановки сокращались и иногда, даже на значительных станциях, продолжались не более 2—3 минут. Быстро, на ходу поезда, я соскочил с подножки вагона и направился, как было условлено, в станционную дежурную. Там меня уже поджидало несколько знакомых рабочих и железнодорожных служащих. Один из них, если не изменяет память, — Югатов, отвел меня в сторону и, предупредив, что поезд не отпустят, пока мы не закончим разговора, обрисовал кратко положение дел.

По сведениям кизил-арватцев, которые со времени [illegible] восстания привыкли представлять из себя как бы государство в государ[illegible] лись большой организованностью и сплоченностью, за мною и [illegible] усиленно следят и только ищут подходящего случая и повода для арес[illegible] Рабочие Кизил-Арвата знают о том, что нами подготовляется борь[illegible]

ним режимом английской провокации и террора и опасаются нашего захвата в Красноводске, где распоряжаются одни англичане. Поэтому у них состоялось решение, в силу которого с этим поездом отправятся сопровождать нас двое делегатов; на них возлагается обязанность следить во время пути и в Красноводске, не будет ли сделано со стороны агентов Друккина или британских солдат попыток обыскать нас или арестовать. Если это случится, кизил-арватцы решили немедленно об'явить *паровозную* забастовку, которая прервет железнодорожное движение между фронтом, Асхабадом и морем и поставит англичан в очень тяжелое положение. Требованием забастовавших будет наше освобождение и право свободного от'езда в Баку.

Выслушав эту неожиданную весть, я просил передать глубокую признательность кизил-арватцам за их великодушное вмешательство в нашу судьбу, сообщил впервые, что я везу очень важные секретные материалы и потому нахожу поддержку железнодорожников крайне своевременной и способной разрушить все козни наших врагов. Но, добавил я, едва ли следует посылать с нами двух или даже одного сопровождающего,—это, несомненно, обратит внимание той агентуры, которая к нам приставлена, и может побудить власти перейти от намерений к действиям. Кроме того, на Закаспий надвигаются грозные события, и наши спутники могут жестоко пострадать. Поэтому я предлагаю послать, если это признается необходимым, с поездом только одного опытного и осторожного человека, который бы ехал в другом вагоне и ничем не давал понять о своей связанности с нами, и главную роль в деле защиты нашей неприкосновенности возложить на такое условие: когда до отправления бакинского парохода останется не больше часа, и наши вещи будут уже в каюте, я возьму в аппаратной станции «Красноводск» прямой провод на Кизил-Арват и, начав свой разговор паролем «добрый день», передам сюда в общих выражениях, есть ли какие-нибудь тревожные признаки приближающегося ареста или обыска. К тому времени нам должны были выдать проездные билеты и пропустить на пароход багаж. По поведению портовой администрации и другим симптомам, вероятно, можно будет уже в провинциальных красноводских условиях составить безошибочное суждение, что нас ждет дальше. Но если бы я и ошибся, то об этом узнает тайный посланный кизил-арватцев и по телеграфу даст знать о случившемся. Наконец, арест на пристани, среди обычного при отправлении парохода многолюдства и в виду того отчаянного сопротивления, которое я ему окажу, сразу станет известен Кизил-Арвату через железнодорожных агентов. Тогда и наступит время действовать. Но если после моего прямопроводного разговора всё будет спокойно, значит, мы благополучно отплыли в Баку. Дальше было условлено, что отсутствие вызова Кизил-Арвата к прямому проводу или начатие разговора другими словами, чем «добрый день», будет равносильно сигналу о бедствии.

Мой собеседник согласился с этим планом и обещал на два дня, 6 и 7 марта, установить на станционном телеграфе особенно тщательные дежур-

ства. Обменявшись еще несколькими фразами, мы крепко пожали друг другу руки и расстались. Торопясь к вагону, после того, как поезд оказался задержанным на несколько лишних минут против расписания, я уносил в душе бодрое и радостное чувство за этот рабочий уголок, куда, повидимому, лишь очень условно простирали свою власть комитет общественного спасения и всесильное британское командование. В купэ Чокаев с интересом выслушал мой рассказ о неожиданном мощном союзнике в лице нескольких тысяч кизил-арватских рабочих и с грустной удовлетворенностью заметил: «Когда мы, сарты и киргизы, дождемся такой степени сознательности и активности у наших мардокеров *) и пастухов...»

Через сто с небольшим верст поезду предстояло пересечь местность, где полгода назад разыгралась ахча-куйминская драма. Показание Седых точно определяло даже версту **), на которой остановился экстренный поезд с привезенными на казнь комиссарами, и место самой казни в 30 саженях от полотна железной дороги.

Теперь, когда тайна этих серых холмов, среди которых организаторы расстрела надеялись *удобнее и бесшумнее* закончить свое дело, была известна,—мне и Чокаеву хотелось последний раз взглянуть на место одного из величайших современных преступлений и, быть-может, уловить его неясные, стертые временем следы. Но организаторы убийства проявили, действительно, большое знание обстановки и характера местности. Среди однообразно несчаных, изжелта-бесцветных холмов их дело, казалось, должно было затеряться навеки, и я не знаю, как удалось впоследствии траурной комиссии из Баку разыскать кости казненных для перевозки и погребения на площади Свободы.

Тщетно всматривались мы в эту безотрадную, подернутую дымкою тяжелого утреннего тумана, пустыню. Ничто не нарушало здесь однообразия уединения и смерти, и в зыбких, песчаных складках растянувшихся бесконечной вереницею невысоких возвышенностей было бы бесцельно искать признаков совершившегося...

Я раскрыл портфель и вынул тщательно законспирированную запись — заметку из рассказа Седых. Там, на клочке бумаги, были набросаны карандашом следующие слова:

«Спросить о тов. Борисове (9 веч.) у дор. мастера на ст. ст. Ахча-Куйма и Перевал.

Водятся шакалы.

(вероятно, отрыли)»—

тела убитых и растощили кости по степи, как об'яснил мне Седых на вопрос, можно ли будет современем найти трупы или их скелеты. «Зарывали очень мелко, всего четверти на три. Чему же там уцелеть, когда шакалы целыми стаями забегают с голоду в ту местность»,—добавил тогда Седых.

---

*) Сельско-хозяйственный пролетариат Туркестана.

**) 207-ю—считая от Красноводска и 108-ю—от Кизил-Арвата.

Невероятно тяжелое чувство овладело мною, когда, разглядывая эту никому непонятную бумажку с наскоро придуманными «тов. Борисовым» и вечерним свиданием с ним, я представил, как доканчивали по ночам шакалы пустыни (они необыкновенно трусливы, и только мучительный голод заставляет их подходить к тому, чего касался человек) дело рук других шакалов, в блестящих дворцах Лондона произносящих пышные речи о культуре и освобождении человечества.

XIII.

Вечером 6 марта мы были уже в Красноводске и наводили справки о пароходе. Оказалось, что раньше полудня 7 марта нельзя было надеяться выехать в Баку. Таким образом, волей-неволей приходилось в самое неподходящее время и в самом неподходящем месте провести целые сутки.

В скромном железнодорожном номере (за 17 рублей закаспийскими бонами—с самоваром) провели мы почти бессонную ночь. Еще одна случайная встреча с прапорщиком Мервского фронта, знакомым Чокаева—помогла здесь, путем подробных распросов и бесконечных рассказов изголодавшегося по слушателе культурного и хорошо разбирающегося в политической обстановке человека, дополнить многое из того, что осталось неясным после десятидневного асхабадского Sturm—und—Drang'a.

Начинало светать, когда истомленные двумя последними бессонными ночами и нервным напряжением предыдущих дней, мы, едва понимая журчащий рассказ словоохотливого собеседника, извинились пред ним и заснули, как убитые.

Яркое солнце стояло уже высоко в небе и ослепительным светом заливало весь номер, когда я проснулся. Был одиннадцатый час, и следовало торопиться. На столе шипел, фыркая и разбрасывая брызги, огромный блестящий самовар. Чокаев заботливо выкладывал из корзинки провизию, и, улыбаясь, посматривал на мое заспанное, в первый момент после пробуждения—как бы недовольное лицо. Мирная, почти идиллическая картина ясного семейного утра настраивала на радостный лад, и хотелось думать, что мы уже *по ту сторону моря,* которая отсюда казалась обетованной землей справедливости, безопасности и благоденствия.

Наскоро перекусив и выпив по стакану душистого крепкого чая, мы отправились за билетами. Снова депутатские карточки вместо пропусков (хотя у нас и была специальная бумага Зимина о *нечинении препятствий и оказании всякого содействия*),—и билет на отдельную каюту 2-го класса у меня в кармане.

Пароход был уже подведен к пассажирской пристани, и часа через два ожидали отхода его в Баку. Оставалось испытать силу наших документов у военного контроля, который, при входе на пристань, сдерживал у деревянного створчатого шлагбаума напор шумящих и волнующихся, одетых в разнообразно пестрые восточные костюмы многочисленных пассажиров.

Трудно было протиснуться сквозь эту недовольную, смеющуюся, и бранящуюся, обремененную куржумами, *) яркими узлами и бесконечным количеством детей—толпу.

Томный и бесстрастный Чокаев—с желтым офицером во главе и, первый приблизился *к контрольной* группе с британским офицером во главе и, прикоснувшись к котелку, затянутыми в лайковую перчатку пальцами, протянул свои документы—визитную карточку и депутатский билет. Британский офицер, видимо, с недоумением перевел глаза с ярко выраженного монгольского лица Чокаева на его изысканный европейский костюм, внимательно прочел карточку **) и выжидательно показал ее и билет соседям. Затем, обменявшись с моряком в походной форме несколькими английскими фразами, он вежливым жестом пропустил нас вперед вне всякой очереди. Я лишь приготовил в руке, но не пред'явил свои документы.

Пройдя по длинному свайчатому молу, ведущему к месту погрузки на пароход, мы тем же путем возвратились на берег. Стража снова, и на этот раз без всякой просьбы с нашей стороны, предупредительно, хотя и с большим трудом, приоткрыла шлагбаум, и мы направились к вокзалу.

По дороге нас нагнал рабочий С., с которым мы познакомились еще в свой первый приезд в Красноводск. Это был, по удостоверению бакинских с.-д., *единственный партийный человек* из разгромленной пролетарской семьи Красноводска, каким-то чудом уцелевший от ареста. Его рекомендовали, как верного и надежного человека, за которым, однако, без сомнения тщательно следили агенты Дружкина и англичан. С. сообщил, что о нашем приезде еще со вчерашнего дня знает весь официальный город, и что Кун, с которым ему приходилось не раз сталкиваться по делам профессионального союза, обратился неожиданно к его посредничеству—с просьбой устроить со [illegible] до от'езда в Баку, хотя бы на несколько минут, деловое свидание.

Деятельность Куна, крайне сомнительная для нас еще до закаспийской поездки, теперь определилась с полной очевидностью, и потому я ответил С., что прошу сообщить Куну о моем нежелании видеться с ним. В свое время история последующего «свидания», приобретшего общественное значение благодаря выяснившейся роли Куна, как британского агента ***), нашла отражение в моей газетной заметке, (****), которая начиналась так:

«Приехав месяц тому назад в Баку и будучи наслышан о «громкой» роли г. Куна в закаспийских событиях, я по дороге в Асхабад (2? февраля), решил выяснить, поскольку речь шла о «партийности» этого господина, муссируемую некоторыми кругами принадлежность его к партии соц.-рев. Однако, вступив на туркестанскую территорию, я тотчас же убедился во всей сумбурности слухов об эсэр'изме Куна. Естественно, что я не пожелал ни знакомиться, ни видеться с г. Куном и проехал прямо в Асхабад»

---

*) Род туркменского или киргизского порт-пледа из ковровой ткани, обычно перевозимаго вьюком на верховой лошади.

**) «Мустафа Чокаев—член Всероссийского Учредительного Собрания [illegible] кестана и председатель Комитета по созыву Турк. Учр. Собрания»

***) См. гл. VI этого выпуска: статью «К освобождению [illegible] лявших комиссаров».

На возражение С., что Кун очень настаивал на свидании и чувствует себя, повидимому, чем-то крайне озабоченным и что, может быть, все-таки следует удовлетворить его желание, я повторил, что знакомиться с Куном не считаю возможным, но он может, если признает это для себя необходимым, обратиться ко мне официально, как к общественному работнику, на красноводском вокзале, где я пробуду еще некоторое время.

Пообещав прийти ко второму гудку, на пристань, чтобы убедиться в нашем благополучном от'езде, С. ушел.

На вокзале, так как до от'езда оставалось не более 2 часов, а поведение «военного контроля» и даже Куна как будто исключало неожиданности, было решено переговорить по прямому проводу с Кизил-Арватом.

В аппараточной меня встретили очень предупредительно и без всяких возражений приступили к вызову кизил-арватской станции. Через несколько минут оттуда ответили, и я продиктовал телеграфисту, обменявшись предварительно условленными приветствиями «добрый день»—«здравствуйте», небольшую депешу о предстоящем через 1½ часа от'езде в Баку.

В заключение, по конспиративным соображениям, чтобы усыпить бдительность наших врагов, для которых не мог остаться неизвестным этот разговор по прямому проводу, я добавил: «Недели через две, если не задержат обстоятельства, постараюсь быть у вас снова. До скорого свидания. Чайкин».

Теперь оставалось только уехать. Но, выйдя на платформу, я увидел С. вместе с каким-то человеком с плотным отяжелевшим корпусом, в облегающих толстые ляжки военных диагоналевых брюках и сером люстриновом пиджаке. Поровнявшись со мной и Чокаевым и приостановившись, этот человек отрекомендовался Куном и, вежливо, несколько по-провинциальному, раскланявшись, сказал, обращаясь уже лично ко мне, что еще в первый наш проезд очень хотел познакомиться и переговорить о некоторых обстоятельствах...

Я прервал Куна: «Пользуясь случаем задать вам единственный интересующий меня вопрос: принадлежали ли вы когда-нибудь к партии социалистов-революционеров или, может-быть, вам приходилось называть себя ее членом?»

Неожидавший, повидимому, такого вопроса и такой его формы, Кун приподнял свое твердое, как бы обрюзшее лицо и ответил, что он никогда не принадлежал ни к каким социалистическим партиям и нигде не назывался партийным человеком; что он русский по убеждениям, скорее—сторонник *национального прогресса* и т. д. Сказав еще 2—3 незначащих фразы и отклонив настойчивое предложение Куна воспользоваться его экипажем для поездки с вещами на пристань, я Чокаев и С. удалились.

Видимо, заданный неожиданно *единственный* вопрос и общая обстановка разговора, в присутствии третьих лиц, спугнули решимость этого купленного английским золотом *) преступника и шпиона поделиться со

*) С. говорил, что ему официально известен факт получения Куном ежемесячного крупного вознаграждения от британского командования.

мною какими-то дипломатическими признаниями. Через несколько недель, как уже вскользь упоминалось выше, в Баку дошли сведения, что этот «демократ» и «сторонник национального прогресса», бросив в Красноводске жену и грудного ребенка, тайно скрылся к англичанам. В об'яснение своего ухода, очевидно, навсегда порывая с *неблагодарной родиной*, Кун не оставил даже семье никакого письма, хотя и готовился накануне, как потом догадались окружающие, к побегу. После него не нашли ни в делах «Правраскома», ни среди личных вещей никаких записей, ни одного клочка бумаги, по которому можно было бы судить, какая неожиданно нависшая угроза или польза совместных интересов нанимателя и наемника побудила такого матерого волка добровольно, без видимой внешней причины, пойти на крушение всей своей туркестанской карьеры.

Когда мы подходили к пристани, раздался второй гудок. Толпа пассажиров, уже несколько успокоившись, размещалась на палубе парохода. Коекак, лавируя среди вещей, чайной посуды и плачущих детей, я добрался до спуска в классное помещение. Ключ от нашей каюты находился у горничной, и туда с трудом был передан багаж. Удостоверившись еще раз в целости своего драгоценного пакета, который вместе с пальто пришлось на время оставлять в открытом номере, и, заперев каюту, я поднялся к сходням. Чокаев и С. оживленно разговаривали через борт парохода о туркменско-адайских распрях. Я присоединился к ним. Наконец, загудел протяжно и с хриплыми переливам и третий гудок. Раздались в рупор команды, сдернули мостки и пароход, вздрагивая, с шумными паровыми вздохами, отшвартовался и стал делать выходную дугу.

С. радостно кивал нам головой, крича неслышные слова. Еще два поворота, и мы в открытом море. Начиналась, несмотря на ясную безветренную погоду, килевая качка. Классные пассажиры, один за другим, поспешно расходились по каютам. Мелькнули еще и еще вдали, белея, как гигантские палатки, нефтяные резервуары Нобеля, и Красноводск стал медленно тонуть в море.

XIV.

На другой день, тотчас по приезде в Баку, я и Чокаев были поставлены пред необходимостью определить тот порядок, в котором мы будем осведомлять социалистическую прессу о положении закаспийских дел и, в частности, об условиях и причинах гибели комиссаров.

Было решено, что первую, общую, часть задачи в известной постепенности станет осуществлять Чокаев, как ведший переговоры с генералом Маллесоном и лучше меня осведомленный в сложных взаимоотношениях трех основных областей Туркестана (Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской), Бухары и Туркмении. Я же должен был без всякого промедления, внимательно учтя юридический вес находящихся в моем распоряжении материалов и документов, приступить к распубликованию тех данных, появление которых в прессе, не нарушая принятых мною пред отдельными лицами обяза-

тельств, в то же время было бы способно пролить полный свет на дело 26-ти и историю освобождения их семейств.

После совещания с президиумом бакинского комитета П. С.-Р., в котором приняли участие некоторые члены закавказского комитета партии (Гофман и др.), я передал редакции «Знамени Труда» систематизированные материалы для приведенной в главе VI статьи: «К освобождению семейств расстрелянных комиссаров». Это выступление «Знамени» Труда», по общему мнению, должно было предшествовать появлению во всех социалистических органах Баку моей основной статьи об убийстве комиссаров, так как повышенная нервность бакинской пролетарской аудитории относительно участи 26-ти заставила бы, при обратном порядке печатания статей, пройти незамеченным беспримерное поведение генерала Томсона, сосредоточив все внимание на ахча-куймской трагедии.

Кроме того, в среде той узкой и замкнутой коллегии, которой одной я в силе данного Фунтикову и Седых обещания счел себя в праве сообщить *все* сведения и доказательства, не было единодушия относительно формы и времени самого выступления. Так как некоторые находили, что пока я не располагаю правом распубликования центральных по смыслу и юридическому значению показаний Фунтикова и Седых, до тех пор едва-ли целесообразно делать прыжок в неизвестность и тем подвергать всю социалистическую прессу Баку и Закавказья тяжелым ударам, на которые ей будет нечем отвечать. Я стал решительно на сторону противоположного мнения, находившего невозможным ради тактических и тем более чисто практических соображений хранить бессрочное молчание по такому важному и трагическому вопросу. В этом я нашел себе горячего союзника в лице упомянутого выше присяжного поверенного Гофмана; ему первому принадлежит честь блестящего по силе доказательности и ясности мысли юридического анализа всех имеющихся у меня обвинительных данных против великобританской миссии и ее пособников. «Я, закончил свое сообщение Гофман, беру на личную нравственную ответственность и административную неприкосновенность социалистической прессы, которой стоило бы больше думать о своих обязанностях пред отстаиваемым ею делом, чем о самосохранении, и ручаюсь, как юрист, за то, что, британское командование не рискнет даже на судебный процесс, когда из различных косвенных признаков поймет, какими общими данными располагает тов. Чайкин».

Это удивительное предсказание, впоследствии подтвердившееся с неумолимостью *развертываемой* математической формулы, избавило меня от необходимости, в случае несогласия большинства бакинского комитета П. С.-Р. на немедленное распубликование данных по делу 26-ти, пойти на *самостоятельные действия.*

В тот же вечер (10 марта), за солидарной ответственностью «Знамени Труда» и с.-д. «Искры», мне было предложено написать для этих и других социалистических органов Закавказья, которые бы согласились на одновременное выступление, соответствующую статью, и я покинул совещание, чтобы

к утру представить редакциям окончательно обработанный и переписанный текст. Между 12 и 2 часами ночи работа вчерне была закончена, и началась переписка. К сожалению, в силу различных технических затруднений при изготовлении копий и в виду ранней сдачи бакинскими социалистическими газетами материала в набор, только две из них—«Искра» и «Знамя Труда» успели 12-го марта, в годовщину Февральской революции, напечатать эту статью, вышедшую в свет за моею полною подписью под заголовком: «Казнь 26 комиссаров».

В ближайшие дни она была перепечатана большею частью социалистических органов Закавказья *) и легла в основание сложной и длительной борьбы между высшим британским командованием с одной стороны, и тем безликим общественным негодованием, с другой, которого, при всем своем холодном презрении к вопросам совести и чести, не мог на этот раз игнорировать английский генералитет.

В виду того, что статья,—«Казнь 26 комиссаров» излагает неизвестные еще читателю подробности ахча-куйминского убийства и впоследствии будет неоднократно комментироваться, я привожу ее целиком в тексте настоящего выпуска, вместо того, чтобы включить в состав «приложений».

«КАЗНЬ 26 КОМИССАРОВ».

Как слышали все в Баку и далеко за его пределами, в сентябре прошлого года, на территории Переднего Туркестана (в Закаспийской области), бесследно исчезла, при загадочных обстоятельствах группа прибывших из Баку в Красноводск большевистских комиссаров. Вокруг исчезновения этих людей, задержанных официально закаспийскими властями при высадке их вблизи Красноводска и заключенных потом в местную тюрьму, сплелось несколько противоречивых, мрачных легенд. Ходили слухи о том, что все 26 комиссаров увезены в Индию, что они убиты при попытке совершить побег; наконец, что эти люди, как сторонники Советской власти—со всеми ее особенностями и крайностями, приговорены неизвестным трибуналом к смерти и во исполнение решения—казнены.

Несмотря на все ужасы беспощадной внутренней войны, притупившей восприимчивость населения, догадкам и предположениям не было конца.

Говорили все и все. Молчало только закаспийское правительство, которое, казалось, одно способно было сделать тайное явным, пролить полный свет на то, раз'яснением чего столько времени мучительно занималось общественное правосознание.

Однако, преступление, совершенное по отношению к 26-ти взрослым людям—в условиях действующего государственного механизма, не могло, конечно, оставаться прикровенным до бесконечности. Рано или поздно, все потайные пружины и нити его должны были обнажиться, и, конечно, день раскрытия всех данных не мог не стать днем их обнародования.

Кошмарное дело хладнокровного взвешивания жизни и смерти десятков безоружных людей, их увоза и убийства произошло следующим образом:

1. В половине сентября 1918 года представитель великобританской миссии в Асхабаде, капитан Реджинальд Федорович Тиг-Джонс, осведомившись о взятии в плен на Красноводском берегу 26 большевистских комиссаров, обратился к главе закаспийского розыскного бюро Семену Львовичу Дружкину и некоторым членам областного исполнительного комитета ... ния желательность для него, в соответствии с ... этих комиссаров в Индии.

---

*) Тифлисскими: «Народным Знаменем», «Борьб... марта.

2. Вполне согласившись с доводами Р. Ф. Тиг-Джонса, который мотивировал увоз бакинских комиссаров из Красноводска в Мешед и оттуда в Индию, С. Л. Дружкин указал с своей стороны некоторым членам исполнительного комитета Закаспийской области на необходимость помочь проведению в жизнь планов и видов главы великобританской миссии.

3. Одновременно—Тиг-Джонс и Дружкин сообщили, однако, упомянутым членам исполнительного комитета, что они считают, увоз комиссаров в Мешед и Индию во многих отношениях недостаточным и что все комиссары по дороге из Красноводска должны быть расстреляны, что также вполне совпадает с видами великобританской миссии в Асхабаде, но должно быть обставлено некоторыми «формальными гарантиями».

4. Именно, по плану Тиг-Джонса и Дружкина, бакинские комиссары должны были быть фиктивно сданы под расписку английских военных властей в Мешеде, хотя в действительности подлежали расстрелу во время следования по железной дороге между станциями Красноводск и Асхабад.

5. Расписка английских военных властей Мешеда в принятии 26 бакинских комиссаров должна была, по мысли Тиг-Джонса и Дружкина, об'яснить обществу исчезновение комиссаров и положить предел всяким толкам об их смерти, убийстве или побеге.

6. Однако, вполне естественно допуская, что рано или поздно те или иные общественные организации, родственники убитых или их знакомые могут настоятельно потребовать выяснения дальнейшей участи увезенных комиссаров, капитан Тиг-Джонс раз'яснил Дружкину, а тот в свою очередь—осведомленным о замышленном плане членам исполнительного комитета, что в последующем, в соответственной постепенности, будут выданы официальные удостоверения в смерти 26 комиссаров, о чем «может быть представлено какое угодно медицинское свидетельство».

7. Все изложенные соображения и «формальные гарантии» Тиг-Джонса и Дружкина убедили привлеченных к выполнению плана, колебавшихся вначале членов исполнительного комитета в возможности, целесообразности и необходимости убийства 26 комиссаров, последствием чего было их согласие на проведение плана в жизнь и на приступ к его немедленному осуществлению.

8. Во исполнение этого плана указанными членами исполнительного комитета и некоторыми другими лицами была сорганизована поездка в Красноводск, и вечером 19 сентября на ст. «Красноводск» прибыл экстренный поезд с целью увоза по направлению к Асхабаду подлежащих расстрелу комиссаров.

9. Поздно вечером 19-го сентября из красноводской тюрьмы были вытребованы для отвоза через Мешед в Индию все 26 комиссаров, на что без соблюдения особых формальностей было получено согласие тюремной администрации.

10. В ту же ночь экстренный поезд с комиссарами и сопровождавшими их—руководителями увоза, русской и туркменской стражей тронулся в путь и в продолжение 6—7 часов, с редкими остановками, ехал по направлению к Асхабаду.

11. Около 6 часов утра поезд, сделав более двухсот верст, остановился на перегоне между станциями «Перевал» и «Ахча-Куйма», почти на 207-ой версте.

12. Здесь руководителями увоза и расстрела было сообщено всем 26-ти комиссарам о предстоящей им участи, и начался вывод из вагона приговоренных к смерти группами по 8—9 человек.

13. Все комиссары были подавлены сообщенным им решением и сосредоточенно молчали, кроме одного—матроса, который громко воскликнул: «Я спокоен. Я знаю, что умираю за свободу!»,—на что один из руководителей расстрела ответил: «Мы знаем, что также рано или поздно умрем за свободу. Но мы ее понимаем иначе».

14. Выведенная после этого из вагона в утренний полусумрак группа комиссаров была расстреляна сразу. Другая группа выведенных на казнь, учитывая, повидимому, характер местности—покрытый серыми песчаными холмами, где у некоторых могла теплиться надежда укрыться от выстрелов—

сделала попытку бежать, но была расстреляна частыми ружейными залпами. Последняя группа попыток к побегу уже не делала.

15. Расстреляв всех комиссаров и убедившись в их смерти, исполнители казни поспешно зарыли тела в песок (приблизительно в 30 саженях от полотна железной дороги), сожгли здесь часть вещей казненных. Большая часть оставшихся вещей была сожжена уже в поезде.

16. Закончив казнь, поезд возвратился к месту своего отправления.

В дополнение к изложенному необходимо сказать, что по некоторым, трудно уловимым с полною достоверностью признакам из обещанных капитаном Тиг-Джонсом двух групп документов—официальных меншедских удостоверений о принятии 26 комиссаров для отправления в Индию и медицинских свидетельств об их смерти от перенесенных болезней—были выданы Дружкину, повидимому, лишь первые.

Достоверность такого предположения вытекает из того, что С. Л. Дружкин, предварительно, до окончательного сговора с членами исполнительного комитета, говоривший им о данном Тиг-Джонсом обещании, впоследствии неоднократно заявлял, что документы ему переданы. Что же касается второй группы документов, которые, по плану Тиг-Джонса, должны были исключить всякую возможность у широких кругов населения предполагать неестественную смерть комиссаров, то в них нужды не явилось, и они выданы не были.

Такова рассказанная вкратце история казни 26-ти бакинских комиссаров. Едва ли представляется общественно необходимым дополнять ее бытовыми и психологическими моментами и черточками. Ужасное само по себе, кошмарное по замыслу и по простоте исполнения убийство безоружных, взятых в плен и, казалось бы, лишенных возможности вредить людей составит и так одну из самых черных страниц, какую только знает наша трагическая современность.

Остается, быть может, лишь добавить один штрих, который в иной обстановке и при иных условиях способен был бы, если исключить из него шовинистические ссылки на жестокость целаго народа, вызвать лучшие чувства.

Это—телеграмма, отправленная главою великобританской военной миссии в Персии (в Мешеде) генералом Маллесоном исполнительному комитету Закаспийской области после допущенного на фронте расстрела нескольких военнопленных красноармейцев. *)

«Асхабад. В исполнительный комитет.

Сообщите комитету, что я с величайшим прискорбием услыхал, что пленные убиты. До сих пор только немцы и другие дикари обвинялись в таких зверствах. По моему мнению, необходимо жестоко наказать убийц в назидание другим. Если комитет не считает такое преступление нарушающим все законы честной войны и не примет мер к пресечению таковаго, то будет весьма трудно войскам цивилизованной державы действовать совместно с ним. Комитет мне должен дать срочный ответ, иначе я буду принужден доложить об этом моему правительству и требовать от него инструкций.

(Скрепил) Представитель великобританской военной миссии
Капитан Тиг-Джонс».

Приведенная телеграмма была передана Тиг-Джонсом исполнительному комитету 20 октября, т.-е. ровно через месяц после драмы, происшедшей между станциями «Перевал» и «Ахча-Куйма».

Вадим Чайкин».

XV.

11 марта, вечерним поездом, я в силу состоявшегося утром решения выехал в Тифлис. Основным мотивом от'езда было желание иметь свободную возможность пользоваться тифлисским радио для сношения с Западной Евр-

*) Речь шла об убийстве туркменами 3 или 4 красноармейцев, захваченных в плен во время одной из рекогносцировок на Мервском фронте.

ной и Туркестаном *), так как все бакинские радио отличались недостаточной мощностью и британский контроль над ними с каждым днем делался все напряженней. Между тем, нетрудно было предвидеть, что «высшее союзное командование» в лице генерала Томсона не преминет употребить все усилия, чтобы изолировать «дело 26-ти» пределами Азербейджана или во всяком случае, всеми имеющимися в его распоряжении средствами, задержать проникновение этого *волнующего сведения* за границу.

Но, уезжая, я, конечно, должен был принять меры к тому, чтобы этот от'езд буржуазная пресса не могла об'яснить личными мотивами и чтобы, напечатавшие «Казнь 26 комиссаров» газеты имели полную возможность переложить на автора статьи всю общественную и большую часть юридической ответственности за ее содержание. Поэтому редакциям «Знамени Труда» и «Искры» мною было оставлено письменное заявление о срочном от'езде в Тифлис и о моей готовности, в качестве автора статьи, предстать пред любым судом в случае привлечения газет за клевету или диффамацию. Кроме того, по приезде в Тифлис я подтвердил эту готовность, а также сообщил точный тифлисский адрес особой телеграммой на имя редактора «Знамени Труда».

Я не был в день распубликования сведений об обстоятельствах и причинах гибели комиссаров и не могу рассказать о том *первом впечатлении*, которое обычно является наиболее ярким и показательным. Но очевидцы, приехавшие из Баку после праздника Революции, передавали, что оно было потрясающее. Не приходится говорить о бакинском пролетариате. Но во всем городе не было ни одного сколько-нибудь культурного человека, который бы не остановился в ужасе и негодовании перед этой страшной страницей современности. Мне говорили: «Если мыслимы случаи, когда чувство презрения к развращенному преступнику и ненависти к угнетателю об'единяет людей, вне зависимости от их классового положения и политических взглядов, по единственному признаку личной порядочности, то это был именно такой случай».

У бакинского же пролетариата, который большею частью впервые услышал утром 12 марта, с трибун праздника Революции, подробности заговора и казни 26-ти, вырвался единодушный, почти исторический вопль негодования. Появление 15-тилетнего сына казненного Шаумяна, который сам только что спасся из Закаспия, со словами приветствия и веры в лучшее будущее, так потрясло аудиторию, что многие мужчины плакали.

Неудивительно, что британский штаб, приняв исключительные меры предосторожности по охране миссии и учреждений в день 12 марта, за тем счел себя вынужденным попытаться хоть в какой-нибудь степени рассеять это кошмарное впечатление.

---

*) Между тем, с 12 марта на Азербейджанских железных дорогах ожидалась забастовка, что грозило Баку полной отрезанностью от Грузии и Западной Европы.

Уже на другой день после опубликования статьи, всем бакинским газетам было разослано следующее циркулярное письмо:

«Британский главный штаб.

Баку, 13 марта 1919 года.

Редакторам газет—«Знамя Труда» и «Искра».

М. Г.! Мое внимание привлечено статьей, появившейся в Вашей газете от 12 марта и озаглавленной «Казнь 26-ти комиссаров».

Так как эта статья содержит сообщение, противоречащее действительности, то я прошу Вас или привести доказательства, на которых Вы основываете это сообщение, или опубликовать опровержение этой статьи. Я жду Вашего ответа не позже полудня 15 с. г. марта.

Полковник Генерального штаба (подпись).

Копия всем газетам».

Одновременно в Тифлисе я получил от редакции «Знамя Труда» телеграмму: «Срочно. Тифлис. Чайкину. Северные номера. Запрос поступил. Ваш адрес сообщен».

Это значило, по нашему предварительному условию, что редакционный коллектив сослался, в ответ на обращение властей, на меня, как на единственный источник сведений, к которому и следовало обращаться всем, желающим получить раз'яснения или «удовлетворение».

Но еще до получения приведенной срочной депеши, немедленно по прибытии в Тифлис, мною было сдано, через радиостанцию грузинского правительства, в Навтруге, следующее радио:

«Асхабад. Два адреса—представителю великобританского правительства в Туркестане генералу Маллесону. Копия—министру иностранных дел Закаспийской области.

Во время посещения Закаспийской области мною обнаружены тяжкие уголовные преступления, совершенные по взаимному сговору на территории Туркестана главою великобританской военной миссии в Асхабаде капитаном Реджинальдом Тиг-Джонсом и представителем закаспийского розыскного бюро Семеном Дружкиным. Об этих преступлениях, совершенных в период вашего пребывания на посту представителя великобританской миссии для Персии и Туркестана, непосредственно подчиненным вам лицом, уведомляются господин председатель Английской Палаты Общин и находящийся в Константинополе генерал Милльн.

Считаю необходимым довести об изложенном до вашего сведения—в предположении, что вы немедленно сделаете все выводы из создавшегося положения и примете, в качестве представителя великобританского правительства в Туркестане, меры к получению от меня тифлисским дипломатическим представительством Великобритании необходимых для начатия следствия данных.

Секретарь Комитета по созыву Туркестанского Учредительного Собрания

Вадим Чайкин».

Посылая это радио, я преследовал две цели: поставить генерала Маллесона в логическую невозможность отказываться впоследствии неведением, если бы Тиг-Джонсом, Дружкиным и друг. организаторами убийства были приняты, в связи с распубликованием моей статьи, меры к сокрытию следов преступления; и дать понять высшему великобританскому представительству

в Туркестане и Персии, что, по сопоставлению об'ективных улик [*], он может сам оказаться интелектуальным соучастником, пособником или укрывателем убийц.

Между тем, в Баку общественный резонанс от раскрытия организующей роли британской военной миссии в деле убийства 26-ти достиг исключительной широты и напряженности. Выйедшие впервые после праздника Революции социалистические газеты поместили передовые статьи, где империалистам Антанты бросались, непривычные по резкости тона и по заслуженной оскорбительности сообщений, тягчайшие обвинения.

Для характеристики этого настроения, которое владело в немногие дни 12—15 марта бакинской социалистической публицистикой, я приведу выдержки из сохранившегося у меня 55 № «Искры» от 14 марта.

«Опубликованные в «Искре» и «Знамени Труда» данные,—начинает свою передовицу газета—относящиеся к убийству бакинских большевиков, говорят о такой степени моральной одичалости вдохновителей и лицедеев этого кошмарного преступления, что нет слов для характеристики закаспийских палачей, замысливших и выполнивших убийство двадцати шести обезоруженных людей...

«Наша трагическая современность» знает массовые расстрелы и казни «по суду» и без суда, но то, что было совершено в Закаспии, является преступлением, из ряда вон выходящим преступлением, ничего общего с какой бы то ни было «идеей» не имеющим, преступлением, пахнущим грязью и золотом, преступлением, носящим все следы ужасных преступлений, творимых цивилизованными варварами в диких колониях...................................

Мы не знаем . . . . . всех обстоятельств, при которых члены исполнительного комитета могли пойти на такое гнусное дело, но на опубликованных материалов, достоверность которых не подлежит ни малейшему сомнению, совершенно очевидно, что вдохновителем преступления, совершенного на перегоне между станциями «Перевал» и «Ахча-Куйма», и автором всего адского плана, пахнущего, как мы сказали, грязью и золотом, было лицо, близко стоящее к английскому командованию.

Не только революционный пролетариат России, Англии, Франции и других стран,—все неподкупное и честное во всех слоях общества с отвращением отвернется от грязных палачей, совершивших столь отвратительное по форме и существу дело...

«До сих пор только немцы и другие дикари обвинялись в таких зверствах»,—говорит генерал Маллесон—в своей телеграмме закаспийскому исполнительному комитету 20 октября 1918 г. по поводу расстрела 3 красноармейцев).—До сих пор, скажем мы; нам было известно, что, во имя якобы прогресса и яко бы цивилизации, реакционные агенты всех без исключения империалистических стран совершали неслыханные зверства в колониях «диких». Но отныне мы знаем, что злодеи и преступники могут творить черные дела под знаменем «свободы» и «революции».

Много преступлений было совершено в кровавом Закаспии. Но казнь двадцати шести бакинских товарищей является столь ужасным преступлением, мимо которого пройти не могут не только идейные друзья и близкие покойных, но самые жестокие их враги, если это враги честные.

Вместе со всем бакинским пролетариатом, без различия политических партий и национальных группировок, мы клеймим позором предательских и грязных убийц и говорим:

— «Горе победителям!»

К сожалению, уже 15 марта та же «Искра», в своем ответе на запрос британского командования, взяла тон, не стоящий в прямом соответствии

---

*) См. позднейшее признание Тиг-Джонса (сообщение Британского штаба от 24 мая, глава XVIII этого выпуска).

с этой огненой *филиппикой* *), а в дальнейшем привела меня к необходимости привлекать ее к третейскому суду за «малодушное или рептильное» поведение.

И только «Знамя Труда» на этот раз, несмотря на грозящие газете британские скорпионы, с твердым мужеством заявило, что все изложенное в статье «Казнь 26-ти комиссаров», ***в точности соответствует действительности*** и никакого опровержения этой статьи ***ни до, ни после полудня 15 марта опубликовано редакцией не будет***.

Тогда в бессильном бешенстве, не решаясь, однако, итти на открытый судебный процесс, что подсказывалось всей обстановкой и рекомендовалось британскому штабу, мною, «Знаменем Труда» и «Искрою», высшее союзное командование Закавказья пошло на единственную в своем роде меру. Именно, всей социалистической прессе Баку, несмотря на существование договорных отношений и вопреки их традиционной ***беспартийности*** **), было прекращено по распоряжению генерала Томсона, действовавшего от имени союзных держав, сообщение телеграмм Рейтера.

В специальном раз'яснении штаба, опубликованном по этому поводу, прямо говорилось, что бакинские социалистические газеты употребляют во зло ***предоставленную им союзным комадованием свободу печати*** и потому выдача этим газетам ежедневного рейтеровского бюллетеня—прекращается.

Конечно, ответом на такую циничную выходку британского сатрапа было ядовитое заявление «поставленных в угол» газет, что они до сих пор думали, что будто печатание лживых и тенденциозных телеграмм Рейтера есть для социалистической прессы печальная необходимость, приятная во всех отношениях британским оккупаторам, но теперь убедились, что это лишь «премия за добродетель».

Характерно, что и черносотенная пресса, учитывая общее настроение, не сочла удобным оставаться в состоянии выжидательного нейтралитета относительно дела 26-ти. Так, бакинский орган активных деникинцев—«Единая Россия» в день опубликования им цитировавшегося выше ультиматума британского штаба напечатал статью «Революция и смертная казнь», которая начиналась следующими знаменательными фразами:

«Наши социалистические газеты уже несколько дней подряд призывают общественное мнение остановиться на факте бесчеловечной расправы с 26-ю большевиками, бежавшими ***) в августе месяце прошлого года из Баку. На днях же газеты «Искра» и «Знамя Труда» напечатали и соответствующие документы, рисующие подробности казни бакинских большевиков.

Не может быть двух мнений о том, что в данном случае мы имеем перед собою факт организованного самосуда, сопровождавшегося к тому же, если только верны все сообщенные факты, возмутительными подробностями.

---

*) Социалистические полулегальные газеты Петербурга (в 1913—1914 гг.) получали телеграммы от Р. Т. А. на общих основаниях и без всяких затруднений.

**) См. приложение № 4.

***) Здесь имеется в виду августовская попытка бакинских большевиков уехать в Астрахань (см. показания Далина, гл. X), 69.

XVI.

В то время, как взволнованное общественное мнение Закавказья ожидало дальнейшего развития событий, между бакинским генеральным штабом союзного командования и британской миссией Тифлиса, а также, быть может, и генералом Маллесоном происходил деятельный обмен мнений по вопросу о выборе дальнейшей тактики.

В результате этих сношений, мне по поручению генерала Томсона, находившегося уже в Тифлисе, было доставлено 21 марта в официальном пакете с бланком «Oh His Majesty's Service» следующее письмо:

Intelligence Section Adrauced
G. H. Q.
BRITFORCE.
№ 1|1208..
Date 20|3—19.

Господину В. А. Чайкину.

Имею честь спросить Вас, когда можете притти в наш штаб, находящийся на Сергиевской улице, в доме № 9, для переговоров.

Если это для Вас окажется неудобным, можно командировать офицера к Вам.

Капитан Английской Службы Британского Генерального Штаба

(Подпись)».

Гор. Тифлис.

В ответ на это обращение я написал кратко на своей визитной карточке *к сведению Британской миссии:*

«Предполагая, что темою переговоров является мое выступление в прессе по делу 26-ти расстрелянных в Туркестане комиссаров, я считаю необходимым предварительное свидание у себя с офицером штаба для определения об'ема этой темы и точного времени и места переговоров» (цитирую по памяти).

На другой день, 22 марта, в мою комнату «Северных Номеров» явился офицер британского генерального штаба, владеющий в совершенстве русским языком, и заявил, что он уполномочен генералом Томсон выработать со мной условия предстоящего свидания.

Я назвал эти условия: а) мною будет предложено генералу Томсону, поскольку он правомочен вести переговоры по этому вопросу, образование по делу убийства 26-ти комиссаров независимой следственной комиссии с участием представителей заинтересованных сторон; б) со мною будет собственный переводчик и секретарь; в) свидание, при этих условиях, может осуществиться завтра же, при чем я не возражаю против того, что бы оно произошло в помещении миссии.

Офицер выслушал меня и сказал, что он все это передаст лично генералу Томсону, и от него уже будет зависить окончательное решение вопроса. Сухо и чопорно простившись, мы расстались.

В тот же день, на таком же бланке «Intelligence Section» мне было вручено новое письмо:

«Господину Вадиму Афанасьевичу Чайкину.

Имеем честь сообщить, что генерал Томсон примет Вас в 11 часов утра, 23 марта. Автомобиль будет прислан за Вами в 10 час. 45 минут.

Капитан Английской Службы Британского Генерального Штаба

(Та же подпись)».

22 марта, 1919 года,

Тифлис.

В немногие часы, оставшиеся до свидания, которому, по моему же почину, придавалося строго официальный характер, предстояло найти соответствующих сложности положения секретаря и переводчика, а также обезопасить себя *с политической стороны* от вполне вероятной при британских оккупационных правах ловушки.

С этой последней целью мною тотчас же была составлена и передана на телеграф «с обратной распиской» о вручении обширная депеша трем главным социалистическим газетам Баку: «Знамени Труда», «Искре» и «Заре» (орган мусульманских социалистов). В ней я уведомлял бакинский пролетариат о назначенных на завтра переговорах с главой великобританской миссии и о тех мотивах, задачах и условиях, которые делают эти переговоры необходимыми и целесообразными.

Что касается переводчика и секретаря, то наиболее подходящими из всех возможных в Тифлисе кандидатов оказались: С. Л. Гафалович, владеющий безукоризненно всеми главнейшими европейскими языками, и на роль ответственного секретаря—присяжный поверенный Н. А. Тарханов, председатель закавказского областного комитета П. С.-Р.

Оба эти лица дали накануне свое принципиальное согласие на участие в переговорах 23 марта и к 10 часам утра были уже у меня в «Северных Номерах».

Без 5 минут одиннадцать мы втроем входили в помещение британской миссии. Здесь нас встретил уже знакомый мне офицер генерального штаба и очень вежливо извинился за генерала Томсона, «который сейчас крайне занят и просит несколько минут обождать».

Считая, что, независимо от формы извинения, с нашим общим достоинством было бы совершенно несовместимо ожидание лица, которое сам[illegible]лось инициатором переговоров и назначило для них определенный [illegible] в четверть двенадцатого заявил офицеру, что буду считать генерала Томсона отказавшимся от свидания и покину помещение миссии, если он немедленно не прервет все свои дела и не приступит к условленным переговорам.

— Передайте генералу Томсону от моего имени,—добавил я,—что мы возложим на него всю общественную и политическую ответственность за несостоявшееся свидание, так как не можем допустить, чтобы официальное условие дипломатического представителя о сроке переговоров, выраженное при том в письменной форме, игнорировалось этим же самым представителем».

Вопрос был поставлен настолько остро, что всем нам казался вполне вероятным молчаливый отказ генерала Томсона от свидания, тем более, что эта неожиданная отсрочка, при английском лоялизме и пунктуальности, по нашему общему впечатлению, не носила случайного характера. Надо думать, создавшееся положение разрешилось бы именно так, и все последующие перипетии «дела 26-ти» сложились бы по иному. Но у британской миссии и генерала Томсона был заготовлен для меня особый провокационный трюк, которого не могло предвидеть самое извилистое воображение, и отказаться от его исполнения *для рыцарей заговора и интриги* было бы слишком трудно.

Действительно, без минуты промедления нас пригласили из приемной во второй этаж, и вышедший навстречу дежурный офицер, осведомившись о моей фамилии, сказал на ломанном русском языке, что «генерал Томсон ожидает мистера Чайкина у себя в кабинете».

Я возразил офицеру, что могу вести переговоры только при наличности собственного переводчика и секретаря. Произошло минутное замешательство. Дежурный офицер ушел и скоро возвратился с заявлением, что, по словам генерала Томсона, в кабинете будет присутствовать *королевский переводчик* и секретарь для точной записи переговоров. Я подтвердил свое прежнее решение и указал на попытку генерала Томсона изменить выработанные накануне условия свидания. И только после этого и в результате совещания дежурного офицера с генералом Томсоном нас повели через ряд богато убранных комнат в *кабинет для приемов*.

По тому упорному и неожиданному сопротивлению, которое было оказано присутствию при переговорах двух посторонних лиц, я смутно догадался, что в планы миссии входит какое-то предательское «действо» и даже, быть-может, попытка «покончить дело миром» XII). Но для размышлений не оставалось времени и, предшествуемые офицерами штаба, мы вошли в кабинет Томсона.

Кроме самого генерала Томсона, здесь присутствовало еще четыре военных, которые, как выяснилось уже в процессе переговоров, были—генералом Бичем *), правительственным переводчиком миссии, почему-то называемым «королевским», и двумя офицерами миссии в роли секретарей и, как мы поняли позднее, свидетелей.

После обмена приветствиями—молчаливыми полупоклонами, мы заняли

---

*) Впоследствии секретарь верховного представителя Великобритании для Закавказья Оливер Уордропа официально сообщил Мустафе Чокаеву, что генерал Бич стоит во главе британской контр-разведки всего Кавказа.

места, при чем и сел в кресло напротив генерала Томсона, а Рафалович и Тарханов, приготовивший папку для записи переговоров, разместились по бокам.

Первым заговорил Томсон, энергичный, нестарый мужчина с бритым, резко выраженным лицом. Он задавал, обращаясь ко мне, свои вопросы по-английски; переводчик миссии пересказывал их по-русски, а Рафалович, внимательно следивший за каждым произносимым словом, исправлял допущенные неточности и сознательные умолчания. Я отвечал на русском языке, каждый раз в *острых местах* обращаясь к Рафаловичу с просьбой переводить сказанное мною дословно. Последнее было необходимо, так как несколько раз *королевский* переводчик, несмотря на полную взвешенность и лояльность произносимых мною фраз, беспокойно глядя на генерала Бича, который немного понимал по-русски, говорил мне: «Простите, мистер Чайкин, я не считаю возможным передать эти слова генералу».

Припоминаю два таких момента. Первый раз, когда я сказал, обращаясь сознательно всё время к переводчику и говоря о Томсоне в третьем лице: «Скажите генералу Томсону, что у него отсутствуют элементарные правовые представления, если он решается, будучи административным лицом и к тому же выступая в роли защитника корпоративной чести британского офицерства, требовать от меня о преступлении капитана Тига-Джонсона свидетельских показаний, которые могут быть сообщены только беспристрастной следственной комиссии». И второй раз, в ответ на прозвучавшую в тоне Томсона нотку совета—учесть последствия моего нежелания пред'явить ему документальные доказательства виновности Тига-Джонсона и Дружкина, «если документы у Вас, мистер Чайкин, имеются».

Обращаясь одновременно к переводчику миссии и Рафаловичу, я резко и отчетливо произнес: «Переведите генералу Томсону, что я, как социалист и общественный работник, который неоднократно избирался десятками и сотнями тысяч трудящихся для отстаивания их интересов, исключаю для себя возможность получать советы от английского бригадного генерала».

Когда официальный переводчик отказался пересказать Томсону приведенную фразу, это сделал дословно Рафалович. И я не мог отказать себе в удовольствии заметить, как побледнел «оскорбленный» генерал и нервно, по профессиональной привычке, сделал кистью правой руки порывистое движение, как бы щелкая хлыстом по голенищу сапога.

Сущность переговоров, продолжавшихся около полутора часа, достаточно точно передается следующей телеграммой, сообщенной пяти социалистическим органам Закавказья 24 марта и появившейся в печати через два дня:

«Уведомление телеграфом.

Баку, два адреса: «Знамени Труда», «Искре

Вчера, 23 марта, в присутствии присяжного поверенного [illegible]нова, привлеченного мною в качестве ответственного переводчика [illegible]

ра С. Л. Рафаловича, а также нескольких военных англичан, состоялось мое свидание с главою великобританской миссии Закавказья в лице генерала Томсона. Накануне я официально через офицера штаба, уведомил миссию, что буду настаивать на создании следственной комиссии из представителей: *первое*—судебно-следственных властей Англии, *второе*—Туркестана, *третье*—бакинского пролетариата; а также на других гарантиях нормального следствия по делу 26-ти бакинских комиссаров. Ответом было письменное приглашение штаба посетить миссию.

Разговор начался вопросом Томсона, располагаю ли я теми доказательствами по делу 26-ти, которые указаны в печати. Я ответил, что мое общественное положение и характер всей деятельности исключают не только необходимость, но даже допустимость подобного вопроса, раз статьи и телеграммы подписаны автором.

Далее, на вопрос Томсона от имени закавказского командования, о моих доказательствах, я заявил о необходимости срочно учредить указанную следственную комиссию; немедленно допросить через посредство следственной власти собирающегося покинуть под покровительством великобританской миссии Туркестана территорию России—Семена Дружкина и находящегося в Закаспии члена директории, закаспийского министра иностранных дел Льва Зимина, всемерно гарантировав жизнь и неприкосновенность привлекаемых по делу свидетелей Туркестана.

Вопреки предуведомлению мною миссии о теме переговоров и отсутствию в официальном приглашении штаба ее ограничений, Томсон отказался входить в существо перечисленных вопросов. Несмотря на это, я счел необходимым, в интересах немедленного обеспечения доказательства преступления и с целью способствования его раскрытию, указать представителю великобританского правительства, что Дружкин заявлял ряду ответственных деятелей Закаспия об обязательстве Тиг-Джонсона выдать после убийства 26 комиссаров документы, удостоверяющие принятие их английскими властями Мешеда и Индии и естественную смерть от болезней. Фамилии этих деятелей, заявил я, а также все данные и уличающие документы будут сообщены мной лишь следственной комиссии.

В процессе заключительных переговоров, в сопровождении группы вооруженных военных, в кабинет Томсона вошел незнакомый мне человек, занявший место поодаль. Генерал Томсон обратился к вошедшему с предложением дать показание о прикосновенности опрашиваемого к делу 26-ти. Пришедший в сопровождении охраны, оказавшийся Семеном Дружкиным, пытался говорить, что он оклеветан. Вскоре, я прервал его и заявил Томсону, что считаю недопустимым принимать участие в подобной фальсификации следствия. Огласив текст своего закаспийского протеста (в конце февраля) против насильственного введения великобританскою миссиею Туркестана в закаспийскую директорию обвиняемого теперь мною в тяжком преступле

нии Дружкина—я вместе с Тархановым и Рафаловичем покинул помещение миссии.

Обращаясь к редакциям социалистических газет с просьбой осведомить бакинский пролетариат, что осуществленными доныне действиями будущими теелграммами—в Лондон, председателю Палаты Общин, и в Константинополь, генералу Миллыну, я, как общественный работник, заключаю мое участие в деле 26-ти, будучи глубоко убежден, что бакинский пролетариат сочтет своей революционной обязанностью продолжить начатое дело Одновременно я подтверждаю заявленные мною прежде—непреклонную решимость и личную обязанность подтвердить конкретными данными все выводы своих сообщений и нести за них полную моральную, общественную и юридическую ответственность. *Вадим Чайкин*».

Для того, чтобы смысл происшедшего во время этого свидания стал совершенно понятен, необходимо пояснить то, что было уже известно читающему Закавказью из газет.

Вскоре после пред'явления Л. А. Зиминым закаспийской «директории» ультиматума о реконструкции власти и удалении Дружкина, *) в Асхабад пришли бакинские газеты со статьями, посвященными его роли в ахча-куйминском убийстве.

Одновременно закончился, как и следовало ожидать — оправданием всех обвиняемых, инсценированный Дружкиным процесс против «покушавшихся» на него офицеров—бичераховцев.

В этом вихре событий, которые обрушились на голову недавнего «диктатора» в течение одной недели (с 8 по 15 марта) трудно было бы установить с хронологической закономерностью причины и обуславливаемые ими последствия. Несомненно, что исход процесса о «покушении», за который высказывал опасение в своем ультиматуме Л. А. Зимин, стоял в известной зависимости от того, что влиятельный среди широких общественных кругов член «директории» пошел открытой войной на ненавистного всем «диктатора».

С другой стороны, и этот ультиматум Зимина мог бы не иметь тех политических последствий, какие повлекло за собою его пред'явление, если бы положение Дружкина не было в корне подточено широкой кампанией социалистической прессы против империалистических убийц и заговорщиков, а также—исходом асхабадского процесса.

Как бы то ни было, но британское закаспийско-персидское командование во главе с генералом Маллесоном, стало опасаться последствий своего поведения и приступило к постепенной ликвидации следов недавнего прошлого. В результате этого, поддерживаемый исключительно англичанами и ненавидимый всеми закаспийцами, начиная от туркмена и кончая [illegible] ватскими рабочими, всесильный «диктатор» в половине марта на [illegible] ден был спасаться бегством.

---

*) См. приложение № 3.

Как уже упоминалось прежде, он знал слишком многое из деятельности британских империалистов в Туркестане, Афганистане и Персии, чтобы решиться ехать в «Лондон» по Мешедской дороге на Герат, Дэли и Бомбей. И Дружкин, воле-неволей, спасая свою жизнь от руки наемного убийцы или «естественного» несчастия во время бесконечных переездов по горным дорогам Афганистана и Северной Индии, избрал самый тягостный для себя путь в Европу—через Баку, где одно имя его вызывало в рабочих кругах негодование и жажду мести.

К 23 марта, дню моего свидания с генералом Томсоном, в Тифлисе лишь было известно, что Дружкин, под охраной отряда британских солдат, только что прибыл на особом пароходе в Баку и что его выдачи судебным властям Азербайджана требует Бакинская рабочая конференция.

Из партийных конспиративных кругов в Тифлисе также доходили туманные слухи, что в случае, если это требование не будет удовлетворено, Дружкин будет убит группою террористов.

Будучи сам принципиальным сторонником политического террора, я, однако, считал террористическое выступление в данном случае нецелесообразным, так как оно сыграло бы только в руку британским империалистам и затруднило бы течение следствия по делу 26-ти. Но в социалистических кругах Тифлиса держалось упорное мнение, что бакинскому пролетариату путем всеобщей забастовки [18]) или другими мерами удастся задержать от'езд Дружкина за границу,—и идущие оттуда сведения как будто подтверждали такую уверенность.

Поэтому можно себе представить наше глубокое общее изумление, когда генерал Томсон, обращаясь к введенному в его кабинет вооруженной стражей человеку, раздельно и с аффектацией произнес по-английски: «Мистер Дружкин, дайте Ваше показание».

Еще до этого, когда широко распахнулась входная дверь и, гремя оружием, вошла толпа военных, мне стоило большого усилия воли не обернуться в своих просторных креслах, обращенных спинкой к двери, чтобы рассмотреть пришедших. В моей памяти запечатлелась одна зрительная деталь, которая может ярко характеризовать повисшее в воздухе настроение: я взглянул вправо на С. Л. Рафаловича и заметил, как свободно свисавшие пальцы его левой руки стали при входе стражи нервно и непроизвольно вздрагивать. И только один Н. А. Тарханов сохранял, повидимому, полное внутреннее спокойствие, хотя для него, видавшего «тифлисские виды», неожиданное появление вооруженных людей во время продолжающихся переговоров могло показаться очень дурным предзнаменованием.

«В такой атмосфере—с быстротой молнии пронеслось у меня в мозгу,—необходимо уловить момент и не отказаться в той предательской юридической западне, ради которой, в значительной степени было, повидимому, задумано всё это свидание.

Так как в планы Томсона, теперь это было ясно, входило опровоцировать

вать меня в присутствии многих лиц на участие в своеобразном «следственном производстве» по делу 26-ти и «свидетельскими» показаниями готового на все Дружкина добиться определенного политического эффекта, то все силы своего внимания я сосредоточил на обратном полюсе—на недопущении в нашем присутствии какого бы то ни было «следствия» и каких бы то ни было «показаний» Дружкина.

И еще один невольный *соблазн* мучительно владел в эти моменты моей психологией: во внутреннем кармане жилета у меня лежала копия показаний Фунтикова, Седых и Зимина; простое их оглашение взорвало бы на воздух все хитросплетания томсоновской провокационной игры и заставило бы великобританскую миссию круто изменить в то время свою *формальную* позицию относительно Тиг-Джонсона и Дружкина. Но надо мною, как рок, тяготело данное Фунтикову и Седых обещание не оглашать их показаний, пока они находятся в тюрьме; а об их вероятном после побега Дружкина освобождении не было получено ни в Баку, ни в Тифлисе, никаких сведений. И потому мне пришлось, к глубочайшему внутреннему сожалению, избрать единственно приемлемый путь—демонстративного бойкота Дружкина и насильственного прекращения его показаний и самих переговоров.

Вот почему в момент произнесения генералом Томсоном приведенной выше фразы, я с максимальной быстротой охватил мыслью все находящиеся в моем портфеле *легальные* документы по делу 26-ти и без колебаний выделил из них один—официальный бланк «директории» с разрешением Дружкина на свидание с Фунтиковым и с моею надписью—«к сведению закаспийской директории».

Расчет на этот раз был совершенно прост и показался мне безошибочным. Доказать оглашением официального документа, что я еще месяц назад отказался иметь дело с Дружкиным, как британским наймитом и агентом—это значило установить, даже для людей с готтентотскою моралью и навыками, полную об'ективность и обоснованность моего нежелания принимать участие в комедии «следствия» с этим купленным и зависимым от британского правительства человеком.

У меня не было возможности судить, какое впечатление произвело прочтение документа на генерала Томсона, так как вся розыгравшаяся сцена не заняла и 3 минут, а затем все мы удалились. Услышав слова Дружкина об оклеветании его врагами, я поднялся со своего места и впервые взглянул на этого человека. Он поразил меня своим жалким видом, какой-то придавленностью, которая при невысоком росте делала его еще невзрачней, и небрежным костюмом—с грязными манжетами и воротничком. До этого я никогда не видел «директора» Закаспия, а в момент входа стражи мог смотреть на него только боковым, периферическим зрением, при прямом взгляде на его жалкую фигуру и подергивающееся от волнения лицо, этот сыгравший свою презренную роль, палач, показался мне незаслуживающим оказываемого ему внимания. Я резко, повысив голос, прервал начатую им

фразу о клеветниках и прочел свое заявление закаспийской «директории».

Когда, уходя, я выразил удивление генералу Томсону по поводу его поведения, о котором я поставлю по радио в известность Спикера Палаты Общин и генерала Милльна, *), он, в противоположность самоуверенному виду при входе Дружкина, казался смущенным и как будто затруднился в реакции на эту угрозу. Тогда генерал Бич, все время хранивший молчание, сделал попытку спасти задуманный *трюк* от провала и с легкой дрожью в голосе, стал просить С. Л. Рафаилова остаться дослушать «показание» Дружкина.

Видя затруднительное положение Рафаловича, которому длительное пребывание в Париже и впитанные там внешние навыки очевидно мешали ответить Бичу резким отказом, мне пришлось прервать Бича словами: «Сергей Львович, я приглашаю вас следовать за мной!»—и мы трое повернулись к выходу. Я видел удовлетворенное лицо Н. А. Тарханова и всецело разделил его настроение, когда перед нами разступилась, шумя оружием, стража и раскрылась дверь *кабинета*. Казалось, что насилие и предательство манифестировало в этот момент свою капитуляцию пред правом.

Когда мы уходили, я искоса взглянул на растерянную многочисленную группу военных в кабинете Томсона, «оставшихся целоваться со своим Дружкиным», как грубо, но метко охарактеризовал эту немую сцену, при выходе из помещения миссии, Н. А. Тарханов.

Вырвавшись на волю из душных раззолоченных хором, где, казалось, самая атмосфера была пропитана заговорами и отзвуками преступлений, мы все вздохнули полной грудью.

Дорогою я от души поблагодарил С. А. Рафаловича за оказанную нам помощь, которая при его политическом нейтрализме должна была быть признана проявлением истинного джентельменства. Дальнейшее оправдало это непосредственное впечатление. Так, когда генралом Томсоном был помещен во всех бакинских газетах извращенный и клеветнический «точный отчет о беседовании с г. Чайкиным», и понадобилось для печати письменное удостоверение лживости этого отчета, С. Л. Рафалович без колебаний, открытым заявлением на мое имя, присоединился к самой резкой характеристике поведения генерала Томсона, хотя при тогдашней политической обстановке Закавказья такой *вызов* мог повлечь за собою неприятные последствия.

Через час я уже встретился с приехавшим к этому времени из Баку Чокаевым и просил его, как туркестанского общественного деятеля и участника закаспийской поездки, отправиться со мной по срочному делу к грузинскому министру иностранных дел и юстиции, известному Е. П. Гегечкори.

Срочное дело заключалось в получении от правительства Грузии определенных гарантий о невыпуске им за пределы республики оказавшегося в Тифлисе С. Л. Дружкина. В правовом отношении такое действие грузин-

*) См. приложение № 6 и главу XVII этого выпуска.

ского правительства представлялось мне не только допустимым, но и обязательным, так как выдача заграничных паспортов иностранным подданным составляет прерогативу государства, а опубликованных и перепечатанных грузинским официозом *) данных о преступлениях Дружкина было за глаза достаточно для социалистического министра юстиции и иностранных дел, чтобы, действуя в переделах закона, не дать тяжкому уголовному преступнику ускользнуть от правосудия.

Чокаев, юрист по образованию, вполне поддержал этот взгляд и охотно отправился со мною в здание министерства иностранных дел. Через несколько минут мы были приняты Гегечкори, которому я, специально оговорив официальный характер своей миссии, сделал заявление о пребывании на территории Грузии, в ее столице, в помещении британского дипломатического корпуса, организатора убийства бакинских комиссаров и трех офицеров—бичераховцев **)—С. Л. Дружкина. Моя просьба сводилась к тому, чтобы Гегечкори не только сделал, как министр иностранных дел, распоряжение о невыдаче Дружкину разрешения на проезд в Батум ***) и вообще за пределы Грузии, но также официальным отношением предупредил великобританское представительство, что он осведомлен о покровительстве, оказываемом Дружкину генералом Томсоном, и сочтет актом нелояльности по отношению к Грузинской республике неофициальный провоз чрез ее границы человека, которому публично заслуживающим доверия общественным работником, пред'явлены тяжкие и позорные обвинения. Тут же я сказал, уже в порядке личного разговора, что у меня имеются документальные доказательства виновности Дружкина, и просил Гегечкори усилить на ближайшие дни, пока не будет образована следственная комиссия, во всех пограничных пунктах надзор за высзжающими иностранцами.

Е. П. Гегечкори согласился с нашими доводами и обещал сегодня же переговорить о невыпуске Дружкина с представителем британского генерального штаба. Кроме того, он передал, что по доходящим до него из английских дипломатических сфер сведениям, там считают положение очень серьезным и, вероятно, будут вынуждены пойти на образование смешанной следственной комиссии. Через несколько дней Гегечкори, при свидании со мной, уже прямо сообщил слышанное им лично пессимистическое мнение одного из влиятельных генералов британского штаба, что образования комиссии не избежать. Таким образом, в этот период, до увоза Дружкина в Батум и полного разгрома деникинцами закаспийской «директории», высшие закавказские представители английского правительства чувствовали

*) См. «Борьбу», орган центрального комитета Грузинской С.-Д. Р. П.—№ 30 от 15 марта, со статьей «Казнь 26 комиссаров».

**) Обязательным для Дружкина, как именовавшего себя членом закаспийской «директории», асхабадским окружным судом была установлена невиновность убитых в покушении и, таким образом, Дружкин был косвенно признан сознательным виновником их смерти.

***) Тогда Батум был еще оккупирован союзными войсками и не входил в состав Грузинской республики.

себя «выбитыми из седла» и были накануне согласия на [illegible], который в то время, под давлением общественного мнения, казался им неминуемым.

Уходя от Гегечкори, я ещё раз подчеркнул, что делаю ему официальное заявление, как министру Грузии, и надеюсь, что Дружкин будет вынужден задержаться на грузинской территории до пред'явления ему формального обвинения.

Осталось невыясненным, чем были обусловлены бездеятельность Гегечкори и невыполнение им, поскольку речь идет о конкретном результате, данного мне и Чокаеву обещания. Известно только, что через несколько дней после этого свидания Дружкин под охраной британского патруля, покинул территорию Грузии и оказался в Батуме. Здесь следы его терялись; ходили, впрочем, упорные слухи *), будто он стал страдать манией преследования и умер от сыпного тифа. Но уже противоречивая несогласованность этих «болезней» и впечатление, что слухи о смерти Дружкина кем то сознательно раздуваются—наводили на предположение, что таким путем британское командование пытается снять с очереди вопрос о своей ответственности за устройство побега и сокрытие преступника. Как раз в это время бакинским «Знаменем Труда» было напечатано сообщение по радио—«всем, всем» закаспийского министра юстиции, в котором заключалась просьба к правительствам Западной Европы задержать «бывшего члена комитета общественного спасения», как привлеченного к уголовной ответственности за хищения. Позднее, даже называлась сумма хищений—в восемнадцать миллионов рублей. Мне не удалось установить (если не считать сообщения «Знамени Труда» и рассказа *Историка)* основательности приведенных слухов, и весь этот вопрос о сокрытии правительством Великобритании тяжкого уголовного преступника и об условиях его действительной или мнимой смерти еще ждет своего освещения.

XVII.

После «свидания» с генералом Томсоном, опубликования большею частью социалистических газет депеши от 24 марта и счастливо совпавшего по времени **) выступления «штаба Британской армии ***), предо мною стал во весь рост вопрос, как выйти из создавшегося, по существу своему—безвыходного положения.

Два тяжелых затруднения этического характера стесняли на этот раз, и при том в *противоположных направлениях,* свободу действий. Связанный своим первоначальным решением ****) еще до поездки в Асхабад, не руко-

---

*) Об этих случаях передавал мне лично в Тифлисе ферганский присяжный поверенный (из Коканда). Историк.

**) В один и тот же день, (26 марта)—см. №№ «Искры», «Знамя Труда», «Зари», «Борьбы» и др. от этого числа.

***) См. приложение № 5.

****) См. конец II главы этого выпуска.

водствовавшими всякими сторонами соображения при опубликовании фамилий лиц, замешанных в деле 26-ти, я считаю себя нравственно обязанным осведомить общественное мнение о роли в ахчи-куйминском убийстве Фунтикова и Седых, а также тех своеобразных общественных группировок Закаспия, которые своей преступной пассивностью относительно участников убийства разделили с ними долю политической ответственности за совершившееся. С другой стороны, данное Фунтикову и Седых честное слово о молчании, которого я не мог не дать им, без риска натолкнуться на прямое недоверие к искренности своих намерений, обязывало меня, несмотря на все улюлюканья «штаба Британской армии», сохранять в глубокой тайне асхабадские показания и имена их авторов.

Необходимо было во что бы то ни стало пройти между этими Сциллой и Харибдой, так как мое дальнейшее «бесстрастие» и ссылки на то, что письменные доказательства виновности Тиг-Джонса не могут быть переданы никому, кроме *международной следственной комиссии*—могли заронить даже в непредубежденных людях сомнение в силе и реальности этих доказательств. Угрожающе дерзкий тон высшего британского командования и невозможность отвечать на него прямыми документальными данными вынудили меня избрать иной путь—использования *третьих лиц*, обставленного всеми мыслимыми при создавшемся положении гарантиями тайны и об'ективности.

С этою целью четырем социалистическим комитетам Закавказья и Грузии было разослано официальное заявление о моем решении представить им необходимые уличающие данные по делу Тиг-Джонса и Дружкина и тем обязать социалистические партии принять активное участие в дальнейшей борьбе за международное расследование убийства комиссаров. Все четыре комитета (Закавказский областной комитет П. С.-Р., областной организационный комитет Р. С.-Д. П., центральный комитет С.-Д. Р. П. Грузии и центральный комитет П. С.-Р. Грузии из'явили согласие прислать своих представителей, и между нами чрез несколько дней было заключено соглашение о выдвигаемых мною *гарантиях тайны.* По этому соглашению каждый комитет выделял из своей среды одного члена, который должен был всесторонне исследовать мои данные об организующей роли британского командования в деле 26-ти и представить свое *не-мотивированное* мнение делегировавшему его комитету. В случае, если бы представленные материалы и свидетельские показания привели члена комитета к убеждению в справедливости и обоснованности моих обвинительных выводов, этот комитет *в целом* обязывался подписать соответствующее радиообращение в Западную Европу.

Таким способом мною была осуществлена трудная и тягостная попытка, не нарушая данного обещания, использовать свидетельские показания,—но не Фунтикова, Седых, Зимина и др., а четырех социалистических организаций Закавказья—об уличающей силе пред'явленных им документов и материалов.

В течение двух дней подряд я сделал *четыре* подробных мотивированных доклада представителям комитетов—Булгакову, Попову, Арсенидзе *) и Шенгелая.

В результате этих докладов, сопровождавшихся пред'явлением подлинных материалов, все четыре представителя без колебаний присоединились к выводам статьи «Казнь 26-ти комиссаров». После этого ими, кроме Арсенидзе, было подписано следующее радио, сданное под расписку грузинскому министерству иностранных дел для отправки через радиостанцию Навтлуга по назначению **):

„Suisse Berne Secretariat Conference internationale socialist.

Aprés rapport de membre assemblée constituante de Russie du Turkestan et secretaire pour convocation assemblée constituante du Turkestan Wadim Tchaykin sur meurtre traitre et brutal au Turkestan de vingtsix prisonniers commissaires bolschevistes de Bakou et ayant pris connaissance des données etablissant avec evidence suffisante participation dans organisation ce crime du chef de mission militaire britannique a Askhabad Reginald Teague-Jones virgule les representants des partis socialistes subnomés ont resolu deux points premierement communique au secretariat conférence internationale socialiste Berne agissements pouvoirs d'occupation britanniques pour information democratie internationale et premier lieu democratie anglaise deuxiemement prier secretariat conference Berne envoyer Caucase et Turkestan delegation speciale prendre connaissance ce crime abdominale.

Comité regional transcaucasien parti socialistes revolutionnaires en personne membre comité **Boulgakoff**

Comité central parti socialistes revolutionnaires Georgie en personne president comité **Schengelaya**.

Comité régional d'organisation parti socialistes democrates de Russie en personne vice president comité **Popoff**".

В решительный момент подписи представителя центрального комитета С.-Д. Р. П. Грузии под этим документом не оказалось, несмотря на категоричность предварительных договорных обещаний, от лица центрального комитета, и. о. председателя его Н. В. Рамишвили и самого Арсенидзе. Повидимому, нежелание портить отношения с английским генералитетом и теперь, как в вопросе о невыпуске Дружкина, взяло верх у этой в высшей степени оппортюнистической партии ***)—над принципиальными и этичеми соображениями.

В тот же день мною была отправлена рассыльным «Северных Номеров» на главный правительственный телеграф Грузии по адресу «Batoum, general Millne—to follw» депеша на английском языке следующего содержания:

«(Батум—вслед. Генералу Милльну.)

---

*) Впоследствии—министр юстиции республики Грузии.

**) У меня нет данных о том, выполнило ли министерство иностранных дел Грузии свое официальное обещание о передаче этой депеши и получена ли она в Берне.

***) См. мою статью — „Иначе не может быть", в „приложениях" к выпуску II — «Черноморское повстанчество 1919—1920 годов» (готовится к печати).

Посетив месяц назад, в качестве секретаря комитета по созыву Туркестанского учредительного собрания, Закаспийскую область, я натолкнулся там на ряд преступлений, совершенных при участии представителя великобританской мисси в Туркестане. Результатом этого было открытое обвинение мною в бакинской прессе главы великобританской мисси в Асхабаде капитана Реджинальда Тиг-Джонса и председателя Закаспийского розыскного бюро Семена Дружкина в организации по взаимному сговору тяжкого уголовного преступления-убийства на территории Закаспия двадцати шести пленных бакинских комиссаров. Выступая в печати открыто со столь тяжким уголовным обвинением и располагая соответственными документальными доказательствами, я, естественно, ожидал встретить со стороны высших дипломатических и военных великобританских представителей Закаспия и Закавказья всемерное желание способствовать обнаружению преступников, какое бы служебное положение они ни занимали. Однако, действительность решительно опровергла это мое предположение. Так, генерал Маллесон, к которому я обратился непосредственно с радио о преступлении Тиг-Джонса и Дружкина, вместо привлечения последнего к следствию, поторопился выдать ему *открытый лист* на беспрепятственный проезд из Асхабада в Константинополь, чем до чрезвычайности затруднил задачу следственных властей и правосудия. Аналогично поступил генерал Томсон, который, в ответ на мое настоятельное предложение о немедленном учреждении смешанной следственной комиссии для расследования кошмарного убийства 26 безоружных людей, выступил с реабилитацией Тиг- Джонса и Дружкина, не располагая для этого никакими об'ективными данными. При этом генерал Томсон имел решимость взять, на себя, вопреки российским и великобританским законам, судебно-следственные функции и требовал сообщения сведений, которые, в интересах тайны следствия и неуклонения преступников от ответственности, могут быть даны только следственной комиссии из представителей Англии, Туркестана и Баку. Полагая, что такое поведение генерала Маллесона и генерала Томсона об'ективно способствует сокрытию тяжкими преступниками следов своего преступления и уклонения их от заслуженной законной ответственности, я обращаюсь к вам, как к высшему представителю великобританского командования в Закавказьи и Туркестане, с настоятельным указанием на необходимость: *первое*—немедленного учреждения упомянутой следственной комиссии; *второе*—устранения генерала Маллесона и генерала Томсона до сорганизования этой комиссии от всякого прикосновения к делу об убийстве 26 комиссаров; *третье* срочного задержания в Закавказьи или в Константино[illegible] Дружкина, покидающего под покровительством великоб[illegible] миссии територию Закавказья, для предварительного [illegible] допроса существующими следственными властями; *четверто*[illegible]

тие всех доступных великобританскому командованию мер к обеспечению жизни и неприкосновенности привлекаемых по делу об убийстве 26 комиссаров свидетелей Туркестана. Ваш ответ на данную телеграмму благоволите направить по адресу: Тифлис, «Северные номера» члену Всероссийского Учредительного Собрания Вадиму Чайкину. *Вадим Чайкин»*.

Однако, эта депеша по неизвестным мне причинам не была отправлена и рассыльный гостиницы сделал на ней надпись—«Главный телеграф в приеме телеграммы отказал. Рассыльный гостиницы «Северные Номера» Адания».

Тогда, чувствуя свою изолированность и не будучи уверен в том, что иным путем удастся поставить в ближайшем будущем в известность западно-европейское общественное мнение о преступлениях британских властей *), я решил ускорить отправление своего обращения к Скиперу Палаты Общин, корреспонденция на имя которого, как мне передавали, пользуется по английским парламентским традициям, полной непрекосновенностью. Так как наиболее сильное радио правительства Грузии (в Навтлуге) не могла переговаривать непосредственно с Лондоном, то депеша должна была итти *с пересадкой* в Константинополе, также оккупированном военными силами Антанты.

Чтобы разорвать этот «порочный круг», я вычеркнул из радио несколько резких мест и ряд параллельных адресов (на имя парламентской рабочей фракции и др.), оставив лишь *один* адрес Спикера Палаты, настойчиво предложил грузинскому правительству немедленно передать эту *официальную* депешу в Константинополь с просьбой переслать ее оттуда непосредственно в Лондон. Любопытно, что Н. В. Рамишвили, которому, как министру внутренних дел, почт и телеграфов, было лично пред'явлено мною это требование, очень смутился, ознакомившись с содержанием депеши, и согласился на ее передачу лишь при двух условиях: что текст обращения *будет считаться* неизвестным правительству Грузии и что передача его произойдет не прежде, чем удастся улучить момент, когда «будут спать английские слухачи». Я с тяжелым чувством должен быть принять эти лицемерные кондиции социалистического» министра **) и, конечно, не имел никакого желания выяснить, почему бдительность английских слухачей и *официальное* прочтение членов грузинского правительства лойяльнейшей телеграммы на имя буржуазного парламента способны помешать С.Д. Р. П. Грузии выполнить пред международным пролетариатом ее социалистическую и просто общечеловеческую обязанность.

---

*) Почтовые отправления могли итти в то время только чрез Батум, где все учреждения находились в руках британского командования.

**) См. мою статью «Иначе не может быть»—в «приложениях» к выпуску II—Черноморское повстанчество 1912—1920 годов».

На следующий день я препроводил министерству иностранных дел в запечатанном пакете радио в Лондон, которое привожу полностью *):

«London Speaker House of Commons.

As member of constituant-assembly of Russia from Turkestan and secretary of comittee for election of Turkestan constituant-assembly. I visited a month ago the Transcaspian, where I found a heavy crime had been organised september last with participation of chief of British Mission in Askhabad capitain Reginald Teague Jones and of president of Transcaspian intelligence office Semen Droujkine, later delegated by British Mission as her repressentative to Transcaspian Directory stop. Being in possession of proofs establisching culpability of Teague-Jones Droujkine and others in murder of twenty six Bakou commissars on Transcaspian territory, I thought my duty to proceed against the criminals un the local press, with an open accusation and same time appealed to general MALLESSON pointing, out necessity institute inquiry comittee stop. Instead of helping justice general Mallesson hurriedly sent, one of the chief criminals Semen Droujkine from Askhabad to England delivering him a safe conduct and promit for journey from Transcaspian to Constantinople stop. Captain Teague-Jones wes directly chief of British Mission in Transcaucasia pointing out to his necessity of instituting without delay inquiry comittee composed of British Transcaspian and Bakou representatives, where I would produce the proofs in my possession of culpability of Teague-Jones and Droujkine stop. General Tomson instead of agreeing to institute this comettee, tryed in full contradiction with law to confront with me on Georgian terittory and in seat of British Mission Semen Droujkine, to whom possibility is given to go abroad under cover of British troops, although heavy accusation is brought out against him and Transcaucasian political organisations protest against his leaving stop. I consider it my task, as elected by people of Turkestan and secretary of institution, who is to make triumph the principles of right and justic to communicate these facts to House of Commons and ask that special measures be taken for an inquiry about the treacherous murder, of twenty six unarmed prisoners stop. The people of Transcaspian and Transcaucasia and the whole democracy of Russia do not admit the thought, that the great British democracy can remain indifferent in face of crime organised, with participation of chief of British Mission stop. Communicating further for information exact text, of radiogramm of Transcausasian comtees of socialistic parties, to secretary of Berne conference I apply to you sir, asking you, in favour of culture and humanity, by all possible mesures hasten the trial of those guilty of this crime, or having favoured or helped it stop Transcaucasia Tiflis Secretary of Comittee for election of Turkestan constituant assembly Wadim Tchaykin.

Radiogramm to Berne two points secretary international socialists conference stop Having heard declaration of member of constituant assembly of Russia and secretary of Comittee, for election Turkestan constitnent assembly Wadim Tchaykin concerning treacherous murder in Turkestan of twenty six Bakou commissars bolscheviks and having examined the proofs in a sufficient manner establisching het participation in the organisation of this crime of chief British Military Mission in Askhabad Reginald Teague Jones the representatives of further, named socialist parties, have decided

*) Русский текст (смотрите в приложении № 6. Этот, как и предыдущие переводы, принадлежит С. Л. Рафаловичу.

two points, firstly inform secretary of Berne international socialist conference about actions of british occupation powers in order to bring it to knowledge of international democracy and first of all of british democracy secondly, ask secretary of Berne Conference send to Caucasia and Turkestan special delegation, for inquiry about this horrid crim Transcaucasian regional comitee, of party of socialists revolutioneres, in person of member of comittee Boulgakoff, regional organisation comittee, of party of socialists democrats of Russia, in person of vice-president Popoff, Central comittee, of party socialists revolutionares of Georgia, in person of president of comittee Schengelaya stop Tchaykin".

Судьба этой телеграммы, как и всех обращений в Западную Европу, известна мне, в виду «политической блокады» Закавказского побережья британским флотом и сухопутными оккупаторами, только по косвенным признакам. Именно, уже значительно позже я встретил на вокзале станции «Поти» знакомого инженера Месхи (из Чиатур), который тогда только что возвратился из Лондона. На вопрос о тамошних политических новостях, Месхи между прочим, рассказал, что читал в апрельских лондонских газетах мое радиообращение к Спикеру Палаты Общин, которое буржуазные газеты напечатали без всяких коментарий, а социалистические сопроводили негодующими нападками на правительство Ллойд-Джорджа. К сожалению, проверить точность этого сообщения благодаря нерегулярному получению в Грузии английских газет мне не удалось, хотя последующее смещение *) генерала Томсона с поста командующего британскими силами Закавказья, прямые сведения, идущие из тифлисских дипломатических кругов и молчание обычно крайне чуткого в таких случаях британского штаба в ответ на мое открытое заявление в прессе **) о «вынужденном от'езде» с Кавказа генерала Томсона—давали серьезное основание думать, что обращение в Палату Общин имело на этот раз известные последствия.

Через несколько дней после сдачи на грузинское радио приведенной телеграммы в Тифлис пришли первые бакинские газеты ***), столбцы которых были заняты обширным, более 500 строк «опровержением» *искаженного отчета о беседовании Чайкина с генералом Томсоном в Тифлисе 23-го марта.*

Приводимые в «приложении» ****) материалы покажут с ясностью предубежденным и непредубежденным читателям, что только поразительным цинизмом безнаказанности и привычной уверенностью в том, что вся пресса покорно подставит, как для пощечины, свои столбцы под *писания* всесильного британского командования, может быть об'яснено это его выступление. Действительно, несмотря на явную лживость *отчета* генерала

---

*) 10 мая - 19 г.

**) См. приложение № 11.

***) См. «Знамя Труда» (№№ 71 и 72 от 2—3/IV), «Искру» (№№ 70 и 71) от 3—4/IV, «Единую Россию» (№ 71 от 4/IV) «Наше Время» (№№ 61 и 65) от 7—8/IV и т. д.

****) См. приложения №№ 8, 7 и 5.

Томсона, которая делалась особенно очевидной по сопоставлению с содержанием моей телеграммы от 24 марта, ни у одной даже социалистической газеты не нашлось духу отказаться от печатания этого «отчета». И только «Искра» в «скромном» и бестактном post-scriptum'e отметила, «что подписи В. А. Чайкина, которая подкрепила бы об'ективность этой беседы под ней не имеется».

Статья «Малодушие или рептильность» *) была моим негодующим ответом на такое принижение достоинства печатного слова. К ней остается добавить только несколько характерных штрихов, в свое время по раз-личным причинам не нашедших себе места на столбцах закавказской прессы.

Немедленно по прочтении «отчета» генерала Томсона я написал и отправил пяти главнейшим бакинским изданиям свое контр-возражение, которое было разделено на три части: *О «точном отчете» генерала Томсона, кто такой генерал Томсон?* **) *и На ком лежит ответственность за убийство 26-ти?*

Как уже знает читатель из «приложений», я требовал напечатания своего возражения на основании действующих в Азербейджане законов о печати ***), и, следовательно, редакции газеты ничем, в сущности, не рисковали, давая место этим трем статьям. К стыду бакинской прессы и особенно социал-демократической «Искры», только одно «Знамя Труда» *решилось* на частичное выполнение своей прямой обязанности, поместив лишь 1-ую и 3-ю части возражения; «Искра» же не только не напечатала *возражения,* но даже фактически уклонилась, несмотря на формальное согласие, от третейского суда по этому делу.

Одновременно, видя, как мало союзников остается у меня по мере перехода от общих антиимпериалистических положений к конкретным ударам по закавказско-туркестанскому режиму насилий и преступлений, я сделал последнюю попытку привлечь к борьбе бакинский пролетариат в лице его боевого органа—Бакинской рабочей конференции. С этой целью 5 апреля мною были отправлены три заявления—министру юстиции закаспийского правительства ****), судебному следователю асхабадского окружного суда—того участка, в районе которого входит перегон между станциями «Перевал» и «Ачка-Куйма» и президиуму рабочей конференции города Баку *****).

Конечно, посылая два первых заявления, я не обманывался, относительно их непосредственных результатов. Но этот шаг казался мне необхо-

---

*) См. приложение № 11.

**) Оригинал этой статьи был утерян во время перевозки [illegible] в Харьков.

***). По позднейшей официальной справке у азербайджа[illegible] ции—законов Временного Правительства, аналогичных закону, [illegible] лался в своем сопроводительном письме (см. приложения).

****)—*****) См. приложения №№ 16, 15 и 17.

димым по принципиальным соображениям; им я хотел достигнуть полной ясности в вопросе о пределах действия т.-н. «буржуазной морали», так часто и демонстаритвно противопологаемой социалистической «безнравственности». И эта попытка блестяще удалась. Именно, *обновленное* закаспийское правительство, уже после высылки Зимина, постановило: *следствия по делу 26-ти не производить в виду политического характера убийства 20 сентября.* А британское командование ответило на запрос президиума Бакинской рабочей конференции *) следующим письмом:

«В ответ на ваше письмо от 10 апреля за № 117 имею честь указать, что письмо Чайкина ничего нового в дело не вносит. Его заявление является лишь слухом, основанным на разговоре, состоявшемся якобы между Зиминым и Чайкиным. Как вам известно, это не может быть признано свидетельским показанием.

С другой стороны, у Британского командования имеются подписанные заявления **) о том, что заявления Чайкина абсолютно ложны. В виду приведенных фактов британское командование не находит возможным вмешиваться в это дело, являющееся всецело делом русского народа, равным образом как в делах о многочисленных обвинениях в убийстве, возводимых против покойных комиссаров.

Полковник генерального штаба *(подпись)*».

Таким образом, британское командование официальное показание Зимина мне и Мустафе Чокаеву ***) с игривой циничностью квалифицировано, как «слух основанный на разговоре, состоявшемся якобы между Зиминым и Чайкиным», а в дело 26 комиссаров *после их убийства* «не находит возможным вмешиваться», так как хочет уважать права и самостоятельность русского народа...

При этом главный штаб, отговаривавшийся, в сообщении 24 марта, своим неведением даже относительно факта убийства комиссаров 20 сентября ****), отвечая через полмесяца президиуму рабочей конференции, уже называет их «покойными комиссарами», а еще через месяц с небольшим делает снова официальное признание *****), но уже о том, что «капитан Тиг-Джонс предложил отправить комиссаров в Индию» и что затем, через два дня после *узнал* от одного из членов Асхабадского комитета *об их убийстве.*

Трудно было бы поверить, если бы свидетелями не были бесстрастные документы, что выходцы из страны, создавшей «Habeas-Corpus-Act», могут с такой беззастенчивостью разрубать Гордиевы узлы жизни и смерти зарубленных ими самими жертв.

*) После моего обращения к президиуму (см. приложение № 17).

**) Дружкина: см. приложение № 5 и конец приложения № 7.

***) См. приложение № 15 и главу X. этого выпуска.

****) « . . . . . . к убийству 26-ти бакинских комиссаров имевшему якобы место 20 сентября 1918 года» и т. д. (См. приложение № 5).

*****) См. заявление британского главного штаба от 21 V (в следующей главе).

XVIII.

Когда отшумели напряженные политические страсти, вызванные делом 26-ти, и обеими *сторонами* были сказаны, казалось, *последние слова,* два неожиданных обстоятельства вновь сосредоточили на этом деле внимание широкого общественного мнения.

24 мая во всех бакинских газетах появилось без всякого непосредственного повода, повидимому—излишнее и даже вредное *) для дела защиты Тиг-Джонса и Маллесона новое официальное заявление британского главного штаба **).

> «Возвращаясь к заявлениям Чайкина, обвиняющего капитана Тиг-Джонса в убийстве 26 бакинских комиссаров, сообщаются нижеследующие данные о *степени причастности капитана Тиг-Джонса к этому делу.*
>
> Капитан Тиг-Джонс предложил отправить комиссаров в Индию, на что один из членов Асхабадского (исполнительного) комитета ответил, что он может сделать свои распоряжения.
>
> Через два дня после этого капитан Тиг-Джонс узнал, что относительно комиссаров приняты меры, при чем намекалось на их убийство; *об этом капитан Тиг-Джонс немедленно сообщил генералу Маллесону.*
>
> Спустя некоторое время упомянутый член Асхабадского комитета, придя к капитану Тиг-Джонсу в взволнованном состоянии, заявил, что родственники Шаумяна справляются об его местопребывании и просил Тиг-Джонса удостоверить, что комиссары отправлены в Индию. Тиг-Джонс с негодованием отказался.
>
> Этим ограничивается вся причастность капитана Тиг-Джонса к убийству комиссаров.
>
> Заявление же Чайкина является сплошною ложью и сделаны им с единственной целью возбудить общественное мнение против англичан».

Приведенное сообщение поразило всех, следивших за перипетиями дела 26-ти, своей неожиданностью и таинственностью мотивов, которые побудили британский генералитет, в крайне невыгодной для него общественно-психологической обстановке и в явное опровержение своих прежних многочисленных заявлений, выступить с полупризнаниями о «степени причастности капитана Тиг-Джонса к убийству комиссаров».

Моим ответом на это новое заявление было *письмо* в редакции бакинских газет ***), не содержащее по необходимости, после урока со статьей «Кто такой генерал Томсон?» *общих выводов* ****) о причинах выступления британского главного штаба.

---

*) После выступлений высшего британского командования от 21 марта и 13 [illegible] реля (см. приложение № 5 и конец предыдущей главы).

**) Цитируется из газеты «Азербайджан» (№ 107, от 24/V—19 г.).

***) См. приложение № 10.

****) См. «Заключение» этого выпуска.

Второю *новостью,* сенсационность которой равнялась ее исключительному политическому значению, было доставление в мое распоряжение *подлинного показания* некоей Ревокатовой, данного ею 31 марта, после побега Дружкина из Закаспия.

«По вашей просьбе сообщаю вам, пишет В. Н. Ревокатова *), что 23 августа 1918 года, в Москве, на Николаевском вокзале меня познакомили с Семеном Львовичем Дружкиным. Он обещал меня провести без всяких хлопот до Бухары. От Москвы до Саратова мы доехали на поезде, от Саратова до Астрахани на пароходе,—при чем во время езды и на поезде и на пароходе его (Дружкина) ни разу не обыскивали и его вещи не осматривали, в то время, как вещи других пассажиров, в том числе и мои, буквально беспрерывно, днем и ночью перерывались и осматривались. Во время путешествия ему оказывали крупное содействие: на пароходе, как и в вагоне, он получал отдельные купэ и каюты, тогда, как я и другие пассажиры платили по 500 и 800 руб. **). Все эти услуги делались ему потому, что у него был документ Пермского Совдепа, *как члену Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией и саботажем.* Документ я этот видела сама при следующих обстоятельствах: ночью пароход «Казанец», на котором мы ехали по Волге, был остановлен недалеко от местечка «Дубовка» ***). Вскоре на пароходе начались обыски, аресты и мобилизация мужчин. У всех смотрели вещи по нескольку раз, у С. Л. Дружкина ни разу. Когда приходили матросы в его каюту, он высылал меня и жену и показывал какие-то документы. Какие—я не знаю, но после просмотра этих документов пред ним извинялись, и вещи его оставались необысканными. После этого я заинтересовалась документами и попросила показать их; С. Л. Дружкин один из них показал: это был упомянутый выше документ.

Раньше это я Вам сообщить боялась, потому что за мной С. Л. Дружкин учредил слежку и грозил заключить под стражу.

Вера Николаевна Ревокатова—слушательница Московских Высших Женских Курсов, историко-философского факультета, филологического отделения.

31 марта 1918 г.».

Показание это вносило новый зловещий свет в деятельность члена пермской большевистской «чрезвычайной следственной комиссии по борьбе с контр-революцией, саботажем и спекуляцией» С. Л. Дружкина, выдавшего себя через месяц в Закаспии за члена П. С.-Р., а затем открыто выступившего в роли наемного агента британского правительства.

Остался, естественно, необнаруженным тот страшный в условиях зака-

---

*) Показание это давалось, повидимому, следственным властям Асхабада и было переслано из Баку Л. А. Зиминым, Мустафе Чокаеву, а последним—мне.

**) Видимо, пропущено «за одно место».

***) Посад Дубовка в 60 верстах выше Царицына.

спийской действительности для жизни и неприкосновенности С. Л. Дружкина документ, о котором говорит показание Ревокатовой—с полномочиями от пермской че-ка. Но самый факт поездки члена розыскного губернского органа в Туркестан чрез занятый противниками Советской власти порт Красноводск нуждается в серьезном и внимательном исследовании *).

Счастливой случайности угодно было внести некоторые дополнительные штрихи в характер отношений этого тройного предателя с пермскими властями августовского периода 1918 года и тем исключить всякую возможность сомнений в об'ективности показаний Ревокатовой. Именно, указанным выше путем, т.-е. через Л. А. Зимина и Мустафу Чокаева, мне были переданы два печатных *удостоверения* (оригинал с отрывным талоном) следующего содержания.

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Пред'явителю сего гражданину *Дружкину С. Л. с женой* Исполнительн. Комитетом Пермского Окружного Совета Раб. Кр. и Арм Депутатов разрешен проезд по *ж. д.* до ст. *Андижан через Москву, Саратов, Астрахань и Красноводск*, что и удостоверяется.

«*13*» *VIII*—1918 г.

№ 10452.

Печать ПермскогоГубернского Совета Раб., Кр. и Солд. Депутатов. Отдел Управления.

Тов. Председателя Отдела Управления Исполнит. Комитета А. Рем..... (дальше подпись неразборчива).

За Секретаря Б.... (дальше подпись неразборчива).

(На бланке сбоку, справа) «Пермская Государств. Типография. 1918 г зак. № 2722».

Примечание. Все места удостоверения, набранные курсивом, заполнены в оригинале и дубликате секретарем от руки.

Каким чудом попал этот документ из рук Дружкина, который рисковал в Закаспии в августе—сентябре 1918 года головой в случае его обнаружения, Л. А. Зимину—мне неизвестно. Но, убедившись за время своей поездки в Асхабад в его личной корректности, я могу об'яснить это только какой-нибудь исключительной *позднейшей* случайностью, так как 2 марта, в день дачи письменного показания о Дружкине и Тиг-Джонсе, Зимин несомненно сообщил бы мне важную *новость* об удостоверении и возникающих отсюда политических выводах и предположениях.

На обороте одного из этих документов помещена за «печать» комис

---

*) С. Л. Дружкин выехал из Перми (вернее—получил проездные [illegible]) 13 августа 1918 г., а восстание кизил-арватских рабочих, отдавшее [illegible] Закаспием в руки Закаспийского исп. к-та, закончилось [illegible] первой [illegible]

сара ст. Вятка I, Пермск. ж. д.» следующая надпись, свидетельствующая об особо предупредительном отношении военной администрации к С. Л. Дружкину:

«Билетной кассе предписано выдать разрешение на получение билета. (Член Воен. Коллегии *Третьяков)*».

20/VIII.

А на талоне стоит отметка кассира о доплате за билет I класса до ст. Москва, и рукою самого Дружкина (по сличении с почерком его подписи на явочном листе 12/I—19 г.) записаны два асхабадских адреса.

Перечисленные детальные признаки, будучи сопоставлены с показаниями Ревокатовой, приводят к тому бесспорному выводу, что у Дружкина были важные полномочия или мандаты, удостоверяющие его принадлежность к пермской че-ка, которых он не считал возможным пред'являть на Волге, агентам Советской власти, при посторонних лицах и даже при жене.

Исчезновение Дружкина с закавказских горизонтов не опередило слухов об его недавнем «большевистском» и даже *чекистском* прошлом. Выехав в конце марта из Тифлиса в Батум, он, по сведениям Историка и других лиц, продолжал еще долгое время, вплоть до своей *дипломатической* «смерти», оставаться на территории, подчиненной фактически британскому оккупационному корпусу. И можно было опасаться, что союзное комадование Батума и Константинополя, узнав, с кем оно имеет дело в лице С. Л. Дружкина, обрушит на него свой слепой карательный аппарат, от которого гибли десятки и сотни людей по простому подозрению в симпатиях к большевизму. Но «практический гений» британского империализма и на этот раз показал свой, чуждый каких бы то ни было нравственных «предрассудков», практицизм. *Прошлое* Дружкина с лихвою покрывалось «оказанными им великобританскому правительству неоцепимыми услугами» *), и оно осталось *верным* своему соратнику в несчастии, основательно полагая, что привычный политический провокатор, «наскучивши предательством», может вдруг громко заговорить *всю правду*. Боязнь этой мрачной правды окутала Дружкина в глазах всего блестящего генералитета из Маллесоне, Кори **), Томсона и Мильна таким глубоким пиэтэтом, что ради презреннейшего из людей правительство Великобритании пошло на ряд нестерпимых ни с какой точки зрения правонарушений и рано или поздно ответит пред собственным пролетарским общественным мнением за кровавое сотрудничество с этим «Азефом империализма».

XIX.

Приближаясь к итогам дела 26-ти, читатель несомненно, должен задаться вопросом, почему оно не дало тех непосредственных международных результатов, которые были бы пропорциональны исключительности убийства 20 сентября, позорной роли в нем британского империализма и очень

---

*) См. приложение № 9.

**) См. приложение № 7 (показание Дружкина).

большому количеству усилий, затраченных рядом лиц для раскрытия всех пружин ахча-куйминского преступления.

Беспристрастное освещение этого вопроса дает приводимый ниже документ (проект), имеющий неспоримое преимущество пред всеми *теперешними* об'яснениями происшедшего: он написан задолго до заключительных шагов по делу бакинских комиссаров, и на его выводы не могли поэтому иметь никакого влияния *последующие* факты и умозаключения.

Привожу этот документ **in extenso**, несмотря на черновой характер

«Открытое письмо рабочей конференции города Баку.

Мое понимание обязанностей общественного работника и чувство этической ответственности побуждают меня выступить в социалистической печати *) с открытым запросом Бакинской рабочей конференции по делу об убийстве 26 бакинских комиссаров.

Как докажет последующее изложение, иного пути для раскрытия, изобличения и *наказания* всех вдохновителей этого безумного «акта» нет, ибо в условиях современной международной действительности молчание по данному вопросу Бакинской рабочей конференции, этого естественного и *единственного* общественного представителя интересов убитых комиссаров, лишает *сторонних* правозаступников необходимой юридической точки опоры и обрекает на неудачу все их, даже самые энергичные и настойчивые усилия посадить на скамью подсудимых отечественных и международных убийц.

24 марта, после свидания с генералом Томсоном, как высшим в то время в Закавказьи представителем британского командования, я закончил свой телеграфный отчет бакинской социалистической прессе о всем происшедшем словами: «Обращаюсь к редакциям социалистических газет с просьбой осведомить бакинский пролетариат, что осуществленными доныне действиями и будущими телеграммами Спикеру Палаты Общин и генералу Милльну я, как общественный работник, заключаю мое участие в деле 26-ти, будучи глубоко убежден, что бакинский пролетариат сочтет своей революционной обязанностью продолжить начатое дело».

В начале апреля, в своем «заключительном слове» **), я писал: «Дело о расстреле двадцати шести пленных комиссаров вступило в новый фазис своего развития. Начатое единоличными усилиями, оно стало достоянием общественной гласности и несомненно, сосредоточило на себе внимание широких кругов населения. Мощная пролетарская организация, какою является Бакинская рабочая конференция, вступила на путь открытых официальных заявлений великобританскому командованию о виновниках убийства, и скромная роль отдельных нарушителей «молчания правосудия» может почитаться законченной».—Такой казалось всем вначале, после общеизвестного обращения президиума рабочей конференции в главный штаб английск[illegible] командования и к закаспийскому правительству—с представлением [illegible] ус[illegible]

---

*) Открытой большевистской прессы в то время в Закавказь[illegible] не б[illegible].
**) См. № 73 «Знамени Труда» и др. газеты.

рении следствия по делу о казни 26 комиссаров и позднее—после требования задержать в Баку Дружкина. Но, к сожалению не то *оказалось* впоследствии, когда с ясностью определилось нежелание рабочей конференции сделать *все выводы* из создавшегося положения, перейти в своей борьбе за правду и достоинство высшего пролетарского органа ту грань, которая отделяет узкобакинские «интересы дня» от задач международного рабочего движения.

Не будучи сторонником большинства Бакинской рабочей конференции и не разделяя основ его тактики, я тем не менее считаю своей обязанностью социалиста-интернационалиста открыто указать наличному составу конференции на тяжелую ответственность, которую он создает для себя пред бакинским пролетариатом, международным социализмом и будущей историей революционного движения—фактом своего поразительного, ничем неоправдываемого бездействия в вопросе о раскрытии и наказании убийц 26-ти.

Многогранность и напряженность усилий, предпринятых в свое время, *помимо рабочей конференции,* для создания международной следственной комисси по этому явствует из нижеследующего.

Начиная с 11 марта в закавказской социалистической прессе, без различия партий и направлений, были помещены бесчисленные статьи, телеграммы, отчеты, справки и заметки, ставящие своей задачей вынудить высшее британское командование на предание суду одного из главных виновников преступления, капитана Тиг-Джонса.

2 апреля мною, в качестве секретаря комитета по созыву Туркестанского учредительного собрания была отправлена дошедшая по назначению и распубликованная лондонской прессой обширная радиограмма на имя Председателя Палаты Общин, в которой перечислялись главные участники закаспийского преступления и приводились исчерпывающие доказательства последующего преступного бездействия генерала британского оккупационного корпуса (Маллесона и Томсона).

Одновременно двумя областными и одним центральным комитетом закавказских социалистических партий была отправлена радиограмма по адресу: Швейцария, Берн, секретариату международной социалистической конференции, где, на ряду со ссылкой на наличность в деле данных, «достаточно изобличающих участие в организации этого преступления главы великобританской военной миссии в Асхабаде Реджинальда Тиг-Джонса, заключалось настойчивое указание на необходимость отправления в Туркестан и на Кавказ «особой делегации для расследования этого вопиющего преступления».

Наконец, в начале апреля мною было переслано, как членом Всероссийского Учредительного Собрания от Туркестана, заявление судебному следователю асхабадского окружного суда о начатии официального следствия по делу 26-ти, а копии с этого заявления препровождены Бакинской рабочей конференции и министру юстиции закаспийского правительства.

Приведенный краткий и далеко не полный перечень лучше всяких логических доводов раз'ясняет, с какой настойчивостью XIV) отдельные соци-

алистические группировки Закавказья и даже целые партии стремились в конечном счете, пролить полный свет на ужасное ахчи-куйминское дело; как много было потрачено солидарных,—индивидуальных и общественных,—усилий для раскрытия всех извилистых, восходящих к первоисточникам власти оккупаторов, нитей преступления. И не вина этих группировок и лиц, юридически неправомочных выступать, как стороны, в данном деле, если успехи их усилий не пошли дальше простой перестановки генеральских фигур и интернациональные убийцы и их покровители продолжают пользоваться всеми «благами культуры» Вестендского квартала и английским золотом, вместо того, чтобы отбывать каторгу в тюрьмах Великобритании и Туркестана.

Непонятным контрастом является за все истекшее время поведение бакинских большевистских организаций и их боевого органа—рабочей конференции. Начиная с половины марта, когда были уже возвращены в Баку семьи убитых комиссаров и перестали оставаться тайной все обстоятельства убийства 26-ти, Бакинская рабочая конференция ограничилась лишь двумя вялыми заявлениями, упоминавшимся выше обращением к британскому штабу и закаспийскому правительству и дурно мотивированным требованием о задержании на территории Азербейджана С. Л. Дружкина.

За весь четырехмесячный промежуток высшим рабочим органом города Баку не было предпринято никаких шагов по осведомлению международного и, в частности, английского пролетариата о роли великобританских оккупационных властей в закаспийском преступлении; не было сделано ни одной реальной попытки добиться назначения официального следствия по этому делу и настоять на расшифровании британским штабом его анонимных заявлений о непосредственных организаторах и исполнителях убийств(см. сообщение штаба от 24 мая).

Вместо всех этих, нравственно обязательных для рабочей конференции и бакинских большевиков действий, последним был осуществлен единственный шаг, о котором должно сказать несколько слов. Это распространенный бакинским издательством «Коммунист» в полугодовщину убийства комиссаров нелегальный сборник, посвященный памяти расстрелянных.

Изданный с большим вниманием, снабженный портретами наиболее видных из убитых комиссаров, сборник этого, независимо от воли и намерений составителей—закрывает ту элементарно-незатейливую и беспринципную «стратегию», ради которой бакинские коммунисты пошли *на козырянье трупами своих погубленных товарищей, на уязвление их смертью политических противников из с.-д. и с.-р. лагеря.*

Действительно на всех 16 страницах убористой брошюры in quarto *) десятки раз совершенно бездоказательно и вопреки установленным фактам повторяется в различных вариациях утверждение, что с.-ры и меньшевики

*) См. показание Дэлина (гл. X).

«отдали их (Шаумяна, Джапаридзе и др.) в руки империалистов, которые не могли поступить иначе, как они поступили...» **).

Этими словами прерывается *проект* «открытого письма» на имя Бакинской рабочей конференции. Однако, и сказанного было бы достаточно для общего понимания того мертвого тупика, какой создался в деле 26-ти в результате характерузуемой «письмом» *стратегии* бакинских коммунистов. Забыв интересы целого, они все свое внимание сосредоточили на сокрушении «внутреннего врага и супостата», при чем ради удачного разрешения этой задачи, не останавливались ни пред какими натяжками и передышками, не брезгали никакой «веревочкой», лишь бы она пригодилась для удушения ненавистных *социал-соглашателей*.

Приведенные ниже краткие сравнительные цитаты из траурного сборника: «Памяти Бакинских Коммунаров» доказывают с ясностью и бесспорностью это положение.

С одной стороны, сборник, в полном соответствии с выводами моей статьи: «Казнь 26-ти комиссаров» ***), признает:

1) «Они пали жертвою английского империализма—Тиг-Джонса и предателя, ослепленного английским золотом Дружкина и его соратников» ****).

2) «Но увы... Степана (Шаумяна) уж нет. Торжествующие империалисты и их подлые наемные слуги покончили с ним и зарыли его в песок» *****).

3) «... Тов. Алеша (Джапаридзе) и др. 25 комиссаров оказываются в руках английских палачей, которые 20 сентября прошлого года при загадочной обстановке зверски растреливают их» ******).

4) «И все же зверская расправа над 26 товарищами, лучшими борцами бакинского пролетариата, заставила содрогнуться привыкшее к зверствам мировых империалистов сердца» *).

5) 26 комиссаров «были казнены в условиях наигнуснейшей обстановки, какую только мог придумать изощренный коварный Альбион» **).

И в то же время тот же траурный сборник утверждает:

1) «И как предательски они были убиты! Обезоруженные, арестованные, *высланные* (!!!) в глубокую степь Закаспия... для кого они были опасны... И в этом кошмарном преступлении не последнюю роль играли так называемые «социалисты». Горе им, предателям рабочего класса. Скоро беспощадный суд истории наложит на них клеймо Каина» ***).

2) «Галлифе и Тьеры Бакинской коммуны—английские генералы и лже-социалисты, *по взаимному сговору на территории Туркестана с дру-*

---

*) Из заключительной статьи сборника—«Из истории советской власти в Баку» Тасошвили.

**) Эта статья, как указывалось, напечатана впервые 12 марта, а сборник «Памяти Бакинских Коммунаров» вышел в свет в двадцатых числах того же месяца.

***) Из статьи Гули—«На алтарь свободы».

****) Из статьи А. Мансуриана—«Степан Шаумян».

*****) Из статьи —Х— «Прокофий Джапаридзе—Алеша».

******) Из статьи Э.—«Бакинскому пролетариату».

*) Из статьи «Тасошвили»—«Из истории советской власти в Баку».

*) Из статьи Гули—«На алтарь свободы».

гими—столь великими вождями бакинского (!!!) пролетариата ****), нагло и дико положили конец жизни истинного и стойкого коммуниста» *****).

3) «С этим постановлением (о приглашении англичан—против турко татар) бакинский совет не мог согласиться, хотя бы по одному тому, что оно послужило бы поводом для втягивания в новую войну Советской России, не говоря уже о многих других, не менее важных принципиальных вопросах. Вследствие этого положения совет и его Совнарком сложили свои полномочия и передали (власть) пт. эс-р'ам и меньшевикам. Последние свою работу начали с того, что арестовали лучших представителей бакинского пролетариата, 26 человек, *и отдали их в руки империалистов,* которые не могли поступить иначе, чем они поступили» ******).

Результатом всех этих, противоречивых и одновременно проникнутых *единством настроения,* заявлений была своеобразная «общественная оберация», которую очень скоро учли наиболее проницательные из черносотенных публицистов и высшее британское командование.

Приунывшие-было вначале деникинские органы «Единая Россия» и «Наше Время», вынужденные силою общественного мнения печатать *жалкие* слова о «бесчеловечной расправе с 26 большевиками» и т. д. *), теперь сразу подняли голову и повели по примеру британского генерального штаба **), яростную атаку на *два фронта:* против бакинских социалистических организаций и против меня лично.

Так, в передовой статье от 26 марта «Наше Время» уже без колебаний заявляет, противополагая свое политическое постоянство *шатаниям* «Искры», что, *конечно, оно не способно, как меньшевики,* «сегодня предавать Шаумяна, а завтра устраивает траурный день по поводу его расстрела». Но наибольшую настойчивость в этих атаках проявила «Единая Россия», которая, не ограничиваясь отдельными заметками и выпадами, выступила 6/IV с обширной статьей ***) «О г. Чайкине», где, между прочим, писалось

В связи с кампанией, поднятой нашей социалистической печатью по поводу насильственной смерти 26 большевиков в Закаспийском крае, в последнее время фигурирует на страницах газет все чаще и чаще имя некоего господина Чайкина. На заявлениях г-на Чайкина было построено специальное обвинение офицера британской службы, капитана Тиг-Джонса, в интелектуальном участии, в убийстве указанных комиссаров.

Напечатанная во всех местных газетах, в том числе—и в нашей, беседа ген. Томсона с г. Чайкиным приводит к положительному выводу: 1) что г. Чайкин никаких доказательств своего обвинения не представил, хотя ранее и обя-

---

****) Здесь, повидимому—по недосмотру, отсутствуют иронические ковычки) с другими—столь «великими вождями»..).

*****) Из статьи без подписи—«Менгали Азибеков».

******) Из статьи Тасошвили—«Из истории советской власти в Баку».

*) См. «Единую Россию» (№ 56, от 15/III—19 г.), начало статьи «Революция и смертная казнь»: «Всякий человек, искренно исповедующий неприменимость смертной казни, как акта возмездия, как орудия борьбы общества против нарушителей общественного блага, должен поднять свой голос против тех, кто в смертной казни видит до сих пор верное средство борьбы». А также конец XV главы нашей той же статьи «Единой России».

**) См. в главе XVII (стр. 104) ответ британского командования президиуму Бакинской рабочей конференции.

***) Б. Байкова, № 73.

зался представить, и 2) что от дальнейшего представления этих доказательств г-н Чайкин Уклонился.

Уклоняясь от представления этих доказательств, г-н Чайкин настаивает на назначении особой следственной комиссии, (которой он обещал эти доказательства представить).

Повидимому, сконфуженная результатом беседы г-на Чайкина с ген. Томсоном, газета «Знамя Труда» в № 72, от 3 апреля, поместила статью—«Из прошлого Туркестана *), в которой, со слов некоего товарища И. Степаньянца, помещает ряд биографических сведений о личности г-на Чайкина, полагая, что сведения эти вполне об'ясняют право на особую авторитетность всех вообще заявлений, сделанных г. Чайкиным».

И далее—автором статьи приводятся «данные» об апокрифичности «приписанных» мне Степаньянцем, аналогичных с казавказским общественных выступлений в Туркестане, в трагический период т.-е. «восстания туземцев против призыва на тыловые работы».

Поразительная однородность позиций в вопросе *о представлении доказательств административным помпадурам,* проявившаяся у «двух генерал-губернаторов—А. Н. Куропаткина и В. М. Томсона, и одинаковость моей реакции на их беззаконные домогательства—вызвали неожиданное выступление И. В. Степаньянца.

Клеветническая статья «Единой России», подхваченная всеми сторонниками интервенции и британского империализма, делала определенную *ставку* на компрометацию моих доказательств по закаспийскому преступлению, и я принужден был отвечать. Приводимое ниже в «приложениях» мое «письмо в редакцию» **) вскрывает один из исключительных эпизодов нашей дореволюционной общественности и дает яркую характеристику тех бесконечно тяжелых условий, какие создались в Закавказьи ко второму периоду борьбы с высшим британским командованием, когда, при известной читателю этической невозможности воспользоваться имеющимися доказательствами виновности Тиг-Джонса, мне пришлось почти в одиночестве, на краю политической бездны, парировать нападения черносотенной правой при двусмысленном *нейтралитете* крайней левой.

Однако, своего предела падение разбойников империализма и их наемных агентов достигло в факте подпольного распространения *(при наличности своей прессы!)* целого ряда провокационных документов, в которых путем искусного смешения действительных фактов с вымыслом и подмены несомненной оппортюнистичности и беспринципности закавказских социалистических организаций их *предательством,* рисовалась чудовищная картина полного морального и политического распада социалистических партий.

Один из таких документов, читавшийся неоднократно представителями партии «Дашнакцутюн» во время предпарламентской избирательной борьбы в Армении в 1919 году, приводится мною в «приложениях» ***). По поводу этого документа я хотел бы сказать в заключение несколько слов. Зная за с.-д. и с.-р. организациями Закавказья целый ряд беспримерных по своей политической неразборчивости фактов и выступлений (приглашение англий-

---

*) См. приложение № 12.

**) См. приложение № 13.

***) См. приложение № 11

ских империалистов в Баку; близость ряда социалистических деятелей и даже организаций к англо-персидскому авантюристу генералу Бичерахову; получение от него пресловутых георгиевских крестов «за революционную защиту города Баку» и даже «за участие в последнем русском правительстве Закавказья; «наконец, денежные субсидии из «Бичераховского фонда» на прессу и т. д.), я тем не менее исключаю, на основании конкретного и всестороннего обследования дела 26-ти всякую прикосновенность бакинских социалистов к ахча-куйминской трагедии. Больше того, у меня существует непреклонная уверенность, что при международном расследовании этого преступления мне удастся не только подтвердить правильность такого вывода, но и доказать, что все главнейшие провокационные попытки сбить в данном вопросе с толку закавказское, российское и международное пролетарское общественное мнение принадлежит исключительно империалистическим убийцам 26-ти, этим подлинным организаторам ахча-куйминского предательства.

XX.

Как уже упоминалось прежде, впервые о казни Л. А. Зимина я узнал от бывшего секретаря Бакинской рабочей конференции Восканова в начале июня 1920 года *). В ответ на мои сомнения в правильности этого сведения Восканов развернул номер бакинского «Коммуниста» от 11 мая, где был приведен официальный список лиц, расстрелянных в Баку после установления там советской власти. Под одинадцатым номером этого списка действительно значилось—«Зимин Лев Александрович», а в графе «причины казни *«За участие в убийстве 26-ти комиссаров* и сообщение англичанам сведений, облегчавших им борьбу с советской властью» (цитирую по памяти, и вторую часть—лишь приблизительно).

Я был как громом поражен *первой* частью этой мотивировки смертного приговора. Считаю казнь Л. А. Зимина бессмысленной, никому и ни чему ненужной жестокостью, я, однако, способен был, кажется, легче примириться с самым фактом насильственной смерти человека, чем с такой вопиющей и непоправимой несправедливостью.

Восканов не мог дать мне никаких дальнейших пояснений, и я, горько сожалея о своем запоздалом приезде во Владикавказ, откуда можно было по прямому проводу добиться приостановки казни Зимина, выехал в Харьков и Москву. Здесь, уже в половине июля, состоялось мое свидание по делам повстанческого Черноморья с народным комиссаром иностранных дел Чичериным. В двухчасовом разговоре с ним я, между прочим, выяснил, что в Москве имеют самое смутное представление о причинах и характере смертных казней, производимых филиальными отделениями В. Ч. К. в формально независимых советских республиках, как Азербейджанская и другие. На мой вопрос о том, что известно комиссариату иностранных дел о мотивах расстрела б. министра иностранных дел Л. А. Зимина, Чичерин [illegible]

*) См. главу XII этого выпуска.

звался полным и искренним незнанием. При таких условиях я счел своевременным предать гласности некоторые документы по делу 26-ти и тем, на ряду с осуществлением более широких, международных целей, пролить свет на роль отдельных лиц в этом деле. Чичерин, которому было высказано предположение о распубликовании документов, заявил, что он приветствует появление в «Известиях ВЦИК'А всяких моих материалов по этому делу и гарантирует, поскольку это от него может зависеть, напечатание их без всяких изменений и урезок.

— Вы сами понимаете,—добавил он,—что ваши обвинения империалистов в столь страшных преступлениях, как не-коммуниста и во многом с нами расходящегося, особенно ценны: их нельзя опорочить тем, что автор—коммунист и потому его сведения тенденциозны.

Мы условились с Чичериным, что все материалы и документы, которые я сочту своевременным и приемлемым для себя поместить в московских «Известиях», будут по его просьбе беспрепятственно печататься там без всяких сокращений. В виду происходившего в то время в Москве II конгресса Третьего Интернационала и участия в нем нескольких английских делегатов, я решил поспешить с опубликованием документов и 22 июля сдал секретарю «Известий» Гренцюну законченный текст статьи «Черное дело».

Статья эта, содержащая ряд свидетельских показаний по делу 26-ти и выдержки из статьи «Казнь 26-ти комиссаров», предворялась следующим введением:

«—12 марта 1919 года, в день годовщины революции, тотчас по возвращении из закаспийской поездки, мною было напечатано во всех социалистических газетах Баку и Закавказья, приводимое ниже в выдержках сообщение о гибели 26 бакинских комиссаров: Шаумяна, Джапаридзе, Фиолетова и других.

Неудивительно, что когда был установлен и распубликован во всеобщее сведение факт организации, главою великобританской миссии (в Туркестане) Реджинальдом Тиг-Джонсом этого кошмарного, поистине беспримерного по своему вероломству и низости убийства, то негодованию широких кругов населения, не говоря уже о трудящихся Баку и Закавказья, не было границ. Английские генералы—попустители, пособники и укрыватели содеянного—Маллесон, Томсон, Бич и др., «как один человек», восстали на защиту капитана Тиг-Джонса и английского ставленника, провокатора Семена Дружкина.

23 марта 1919 года, по инициативе великобританской миссии, состоялось в присутствии генерала Бича, «королевского переводчика» и двух офицеров штаба—с английской стороны и со стороны обвинения—председателя закавказского областного комитета партии социалистов-революционеров Н. А. Тарханова, в качестве секретаря, и переводчика, поэта С. Л. Рафаловича, мое свидание с генералом Томсоном, как высшим в то время представителем Великобритании на территории Закавказья.

Отлагая на будущее время подробности этого исключительного «свидания», я считаю своевременным и целесообразным осветить здесь вопрос о «доказательствах виновности капитана Тиг-Джонса» и других прикосновенных к закаспийскому преступлению лиц.

Часть этих доказательств,—приводимые ниже, подлинные свидетельские показания, говорят слишком много, чтобы их следовало комментировать. Поясню только, что показания эти снимались мною в глубоко драматической обстановке ежеминутного смертельного риска, в занятой британской стражей (сипаями) асхабадской тюрьме, и потому, естественно, не могли отличаться исчерпывающей полнотой и точностью. Вадим Чайкин».

Москва, 22 июля 1920 года.

Сличение текста свидетельских показаний, вошедших в состав статьи «Черное дело», с точными документами этого выпуска покажет читателю, что «Известия ВЦИК,а» не оказались на той ступени об'ективности, какую им приписывал Чичерин. Именно, секретарь редакции «Известий» Грецион опротестовал в моей статье несколько мест, включая некоторые выражения подлинных показаний, а также post-scriptum о бессудности и ошибочности расстрела Зимина.

Моим первым ответным движением на эту попытку «корректировать историю» было желание взять назад рукопись и ожидать с опубликованием документов до тех пор, пока им не будет гарантирована неискажаемость. Но затем, опасаясь, что те или иные случайности могут навсегда отнять у меня возможность предать гласности необходимые материалы по делу 26-ти, я сказал Грециону, что не возражаю против предложенных им купюр. В результате 25 июля статья «Черное дело» увидела свет.

Последним, заключительным аккордом по делу 26-ти, прозвучавшим для меня из мрачной «страны воспоминаний» уже два года спустя после поездки в Закаспийскую область, было случайное, но знаменательное свидание с председателем *особого отдела* XI армии—В. Ф. Панкратовым.

В январе 1921 года, направляясь из Харькова в Тифлис, я принужден был для выполнения некоторых паспортных формальностей посетить в Баку особый отдел XI армии. Здесь, в виду временного закрытия грузинской границы для лиц, не имеющих визы московского отделения В. Ч. К., мне пришлось вступить в продолжительный спор о незаконности этой меры с упомянутым В. Ф. Панкратовым. В средине разговора, на мое замечание, что, быть-может, сопротивление «особого отдела» об'ясняется отсутствием у него сведений обо мне, Панкратов прервал меня, возгласив: «О, нет! Я вас хорошо знаю,—и быстро вынул из ящика стола стеклянный негатив. «Вот видите, у меня есть даже это»,—договорил он, протягивая мне фотографическую пластинку, с таким выражением лица, которое напомнило мне «доброе старое время», когда внезапным пред'явлением *улик* «ловцы человеков» пытались побудить улавливаемых к раскаянию и признаниям.

Я с интересом посмотрел на свет негатив; он оказался снимком, почти в натуральную величину, с асхабадского письма Л. А. Зимина от 5/III—19 г. на имя генерала Томсона *).

— Я сам диктовал этот текст Зимину. Откуда у вас снимок?—спросил я, узнав в пластинке по размерам и характерной царапине в правом углу один из моих негативов, оставленных у М. Я. Сундукьянц на хранение **). Панкратов сделал многозначительный, чисто *профессиональный* жест умолчания. Затем он обратился ко мне с вопросом, был ли причастен

---

*) См. главу XI, этого выпуска.

**) Перед от'ездом из Баку, в виду опасения обыска и отобрания подлинных документов, все они были сфотографированы и отпечатаны в нескольких позитивных снимках. М. Я. Сундукянц—старая деятельница народовольческого движения, нын[illegible]

Зимин к расстрелу комиссаров. На это я заметил, что считаю вопрос *слишком запоздалым* и, в свою очередь, являяесь человеком, несколько раз рисковавшим жизнью ради раскрытия дела 26-ти, прошу его, Панкратова, точно назвать данные, повлекшие обвинение Зимина в заговоре 20 сентября. Видимо, не ожидавший такой постановки вопроса, Панкратов дал *об'яснение,* которое ему самому должно было показаться глубоко неудовлетворительным и неудобным. Выписываю слово в слово этот ответ: «Но ведь он приглашал англичан и был за подписание договора с ними; значит, он не мог не принимать участия в этом убийстве».

Мне только оставалось вздернуть плечами и воскликнуть: «Неужели все ваши смертные приговоры так мотивированы, как этот?!. —«Тогда, в процессе дальнейшего разговора, продолжавшегося около часа, на помощь Панкратову пришел его помощник Н. И. Ашукин, который, подумав, чистосердечно признался: «Да, тут произошла *ошибка в мотивировке*».

Узнав, что я буду писать историю казни бакинских комиссаров, Панкратов и Ашукин обратились ко мне с просьбой выслать им по выходе из печати по экземпляру настоящего выпуска. Я дал обещание и записал адреса на своей визитной карточке.

В заключение мною было заявлено Панкратову, что на обратном пути из Тифлиса я допрошу его по делу 26-ти, при чем предложу в интересах всестороннего освещения вопроса, сказать по этому делу все, без малейшего умолчания.

Я умею хранить тайны и не сочту себя в праве сказать кому бы то ни было ничего, кроме того, что войдет в мою работу,—добавил я.—Точно так же, как теперь, имея целый ряд конкретных предположений о необнаруженных участниках убийства комиссаров, я ничего не скажу и не напишу о них, пока предположение не превратится в полную уверенность и, главное, общественный интерес не потребует раскрытия роли этих лиц».

При последних словах я видел, как сверкнули на мгновение *охотничьим блеском* глаза Панкратова. Но затем наш разговор принял спокойный, *теоретический* характер, и мы расстались.

Стечению случайностей было угодно впоследствии помешать моему свиданию с Панкратовым. Я не думаю, чтобы оно могло обогатить существенными новыми данными настоящий исторический очерк. Но за то это свидание представило бы крупный интерес в другом отношении, дав большее понимание психологии людей типа Панкратова и вскрыв трагедию последних дней жизни Зимина (XV), который, по дошедшим до меня слухам, перед казнью воскликнул:

«Я виноват перед Советской властью. Прошу расстрелять меня!»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

I.

Во второй половине июля 1920 года, после предварительных переговоров с Чичериным, состоялось мое свидание с заместителем народного комиссара по иностранным делам—Караханом.

Пересказав ему в самых общих чертах историю своей пятимесячной борьбы с высшим великобританским командованием Туркестана и Закавказья, я заявил:

«Теперь, когда вы находитесь, в стадии переговоров с английским правительством, мною делается советской власти следующее формальное предложение. Когда и если вами будет подписан тот или иной политический договор с Англией, в него должно войти непременным условием требование расследования смешанной комиссией—быть может, при участии представителей одной из нейтральных стран или социалистических организаций Западной Европы—обстоятельств убийства 26 бакинских комиссаров, среди которых, как известно, находился официальный представитель Советской России—чрезвычайный комиссар Кавказа Степан Шаумян. С своей стороны, я обязуюсь при такой постановке вопроса явиться в любое место следственного разбирательства и предоставить следственной коллегии—подлежащие и не подлежащие еще в настоящее время оглашению доказательства о виновности главы великобританской военной миссии Асхабада, капитана Реджинальда Федоровича Тиг-Джонса, в организации убийства Степана Шаумяна и его 25 товарищей. Параллельно я сочту своей обязанностью сообщить следственному органу многочисленные косвенные признаки преступной прикосновенности ко всему этому делу нескольких высших представителей британского командования и дипломатического корпуса. Почти не сомневаюсь, что в своем логическом развитии эти данные приведут любой следственный орган, стоящий даже исключительно на почве формального права, к необходимости предания уголовному суду целой плеяды высших британских сановников по обвинению в тяжких преступлениях».

Карахан от имени комиссариата иностранных дел согласился с моими доводами и предложением, хотя одновременно просил переговорить с женой убитого Шаумяна—Е. С. Шаумян—о вчинении ею гражданского иска к английскому правительству за гибель мужа.

II.

Для этого способа действий, на мой взгляд, нет препятствий и сейч[illegible] а он *пока*, до расследования всего дела, способен дать очень утеши[illegible]тельные результаты»—закончил Карахан.

Я думал и продолжаю думать, что при отсутствии [illegible] конвенции с Англией едва ли судебный процесс Е. С. Шаумян мог бы [illegible]

реальным фактом *). Необходимо *предварительное конституционное* соглашение именно по расследованию дела об убийстве Шаумяна, как *наместника Советской России на Кавказе,* для того, чтобы английское правительство пошло на этот тягостнейший для него процесс.

Для многих, знавших общественную и международную обстановку, в которой протекала борьба британского командования *против судебного преследования* Тиг-Джонса, долгое время было загадкой то упорство, каким высшие представители Англии, жертвуя авторитетом своего правительства и возбуждая к себе в Закавказьи глубокое презрение всех слоев населения, отстаивали неприкосновенность этого простого армейского капитана. Только в последующем, когда определилась «до конца» солидарная сплоченность действий таких крупных колониальных сановников Великобритании, как генералы Маллесон, Бич и Томсон, и появилось *необходимое* сообщение английского главного штаба от 24 мая, закавказские знатоки Переднего Азиатского Востока и тамошней британской политики приняли в качестве серьезной гипотезы мое первоначальное *интуитивное* об'яснение происшедшего.

По этой гипотезе, находящей себе подтверждение в биографии Р. Ф. Тиг-Джонса, «простой армейский капитан», заведывавший, по слухам, несмотря на свою относительную молодость, еще до мировой войны, великобританской контр-разведкой на индийских границах Афганистана, имел огромное влияние на ход колониальной политики Англии в Туркестане и Персии, как *тонкий знаток своего дела,* и был здесь ответственным руководителем важнейших мероприятий метрополии, в процессе осуществления которых его подчиненными часто оказывались многие генералы британской армии.

Необходимо припомнить, что второстепенный ,на первый взгляд, уголок русской Туркмении, между Мангишлакским полуостровом, Красноводском и персидским Мешедом, в виду подготовлявшегося германо-турками грандиозного вторжения «через трое ворот» **), в пределы Туркестана ***), приобрел для Великобритании в период, предшествовавший неожиданному крушению Балканского фронта центральных держав, исключительное, из ряда вон выходящее значение. Повернись на Балканах военное счастье спиною к союзникам, не рухни так стремительно во Франции германский главный фронт, и Великобритании, быть может, пришлось бы подвергнуть на полях Переднего Туркестана самому тяжелому испытанию судьбу своей Индийской империи и даже всего Соединенного Королевства. Не допустить переброски в Закаспийскую область турецких сил, которые в то

*) При свидании с Е. С. Шаумян я убедил ее, несмотря на тяжелую удрученность гибелью мужа, начать этот процесс. Однако, имело ли какие-нибудь практические последствия ее согласие—мне неизвестно.

**) См. главу 1 этого выпуска.

***) См. выпуск V «Туркестан и империалисты».

время ***), во главе с Нури-пашой, уже победоносно продвигались к Апшеронскому полуострову, удержать в повиновении волновавшихся мусульман Туркестана и Пенджаба—было жизненной необходимостью для лондонского правительства. Секретный Мешедской договор, подписанный исполнительным комитетом Закаспийской области и генералом Маллесоном 19 августа 1918 г., т.-е. в момент наибольших опасений Англии за спокойствие в своих индийских владениях ****), с полной ясностью и прямотой признает эту опасность. Так, одним из его главных пунктов предусматривается *****) разрушение сооружений Красноводского порта и железнодорожных станций Закаспия, снятие и увоз вглубь Туркестана всей рельсовой сети Средне-Азиатской жел. дор.

И как раз в этот ответственный момент, когда казалось накануне осуществления многовековая мечта пантюркистов о создании великой империи исламитов под главенством константинопольского падишаха и о крушении владычества Англии в стране великих Моголов, — в это время все дело охраны британских интересов на пути предстоящего германо-турецкого натиска вверяется капитану Тиг-Джонсу *). Генерал Маллесон, глава великобританской миссии в Персии, впервые появляется в Асхабаде, административном и военном центре сопротивления этому натиску, только 17 ноября *), т.-е. в день возвращения в Баку англичан и окончательной ликвидации «германо-турецкой опасности».

Поэтому было бы глубоким заблуждением считать «акт» 20 сентября *индивидуальным эксцессом* капитана Тиг-Джонса. Этот «акт», как и самое пребывание Р. Ф. Тиг-Джонса в центре напряжения грандиозных империалистических сил, в заключительные месяцы мировой схватки двух империализмов, не могут быть признаны *случайностью*. Случайными были лишь те «счастливые обстоятельства», которые облегчили Тиг-Джонсу и его наемным агентам план обезглавления *восточного большевизма* одним ударом, распыления и обезличения той силы, которая, как имел полное основание 20 сентября 1918 года, т.-е. через 5 дней после занятия Баку турками, опасаться *предусмотрительный* британский империализм, была способна, вступая в тактические временные об'единения с воинствующим пантюркизмом, нанести в Индии Соединенному Королевству непоправимый удар.

И потому, при внесении некоторых поправок на особенности «восточного коммунизма», и за вычетом естественных преувеличений, совершенно верна была мысль автора траурного сборника «Памяти Бакинских Коммунаров», когда они писали:

«Все комиссары, в числе 26-ти цветущих жизней, сделались об'ектом дикой расправы и кровавой мести кровожадных слуг мирового империализма»

***) В августе—сентябре 1918 года.

****) Войска Нури—й Мурсель-паши с бою заняли Баку 14—16 сентября.

*****) В случае высадки и движения на Туркестан (подлинный текст договора).

*) См. далее «Письма» Зимина генералу Томсону, глава XI.

Почему?

Баку—один из мировых центров рабочего движения, один из крупных узлов пролетарской революции. Он входит в орбиту столкновения двух гигантских воспламененных социальных миров—буржуазии и пролетариата, двух великих классовых идеологий современности—империализма и коммунизма. Центр борьбы есть центр внимания. Все взоры представителей, как того, так и другого мира устремлены на этот центр. Своим имманентным магнетизмом он притягивает и приковывает мысли и мечты сторонников империализма и сторонников коммунизма.

Отрубить этот узел, умертвить эту живую и действительную ячейку всемирно-пролетарской революции, свести на нет его центробежное влияние кругом своего радиуса и этим, обеспечив себе «тыл», сузив круг решительной битвы, дать генеральное сражение коммунизму у Москвы (Берлина и Будапешта),—вот задача империалистической Антанты и ее полипа—английского капитала.

Укрепить диктатуру пролетариата в этом революционном оазисе пустыни, сделать его источником света новой жизни для угнетенных и эксплоатируемых, с поразительным терпением несущих позорную кабалу народов Закавказья и Кавказа, Закаспия и Персии, Азии и Индии, и этим ударить в тыл европейско-американскому империализму—вот противоположная задача бакинской революционно—пролетарской советской власти и ее руководителей—товарищей Шаумяна, Джапаридзе и др.

Только одним удовлетворением низких инстинктов звериной кровожадности и дикой мести нельзя достигнуть цели. Была более «высокая задача», которая являлась категорическим императивом торжествующего империализма: истребление коммунизма в среде бакинского пролетариата». *).

Р. Ф. Тиг-Джонс, с богатым прошлым в области сыска и международного шпионажа, был незаменимым представителем воинствующего британского империализма в эту переходную, *тяжелую* для него эпоху. Незначительный чин капитана **), не стоявший ни в каком соответствии с размахом деятельности этого «государственного человека», только облегчал положение. Не будет слишком смелым допущение, что большинство закаспийских и закавказских генералов британской службы были множеством нитей связаны с капитаном Тиг-Джонсом, которому вверялись свыше интересы и тайны первостепенной важности. Не может также подлежать сомнению, что ему было известно многое из уголовно-административной личной практики этих генералов и против каждого из них он имел *на всякий случай* свой «волчий зуб».

Исключительный разврат хищничества и обогащения, охвативший в этот период огромное большинство пришлых «освободителей» Закавказья и Туркестана, может показаться почти злостной выдумкой. Для примера достаточно сослаться на обошедший закавказские газеты и стыдливо замолчанный официозной прессой Тифлиса и Эривани *несчастный случай* с госпожей Гаскель, женою верховного комиссара С.-А. Соединенных Штатов для Грузии, Армении и Азербейджана. Выехав из Тифлиса через Батум на родину, после нескольких месяцев пребывания ее мужа на посту верховного комиссара, она в числе других пассажиров парохода подверглась на высоте

---

*) Из статьи—«Почему». С. Касьяна.

**) В Закаспии я слышал суждение, что крупнейшие деятели британской контр-разведки умышленно содержаться «в малых чинах», чтобы не компрометировать в случае каких-либо разоблачений своего правительства.

Трапезунда ограблению шайки разбойников. При этом у м-м Гаскель, по ее собственному неосторожному признанию, тотчас же сообщенному газетам и никем из членов американской миссии впоследствии не опровергнутому, была похищена грабителями запаянная коробка с *одним кило* *) бриллиантов **). Где могла взять эта жена «верховного комиссара», даже при высоких окладах американских дипломатических представителей, достаточное количество золота для приобретения такого неслыханного количества бриллиантов—осталось невыясненными; но несомненно, она и ее муж не являлись исключением. Напротив, о мистере Гаскеле писали, как о джентльмене, приехавшем спасти Закавказье от голода и разрухи, которого в Эривани осыпали цветами, а в Тифлисе чествовали от имени *благодарной Грузии* торжественным five-o-clock'ами и блестящими ужинами.

Удивительно ли, что при таком *уровне нравов* даже у представителей парламентарной «Великой Заатлантической Республики» у опытного сыщика Тиг-Джонса должна была скопиться богатая информация о *мирных завоеваниях* его сановных соотечественников, не говоря уже об использовании ими многомиллионных кредитов на нужды обороны и борьбы с большевизмом.

Как бы то ни было, но в результате общности, быть может, самых разнообразных интересов, среди высших представителей британского командования установилась своеобразная «круговая порука», и в первую очередь застрахованным от всяких посягательств правосудия оказался влиятельнейший капитан Тиг-Джонс. Однако, напряженность поднятой кампании по делу 26-ти и очевидная замешанность в этом преступлении британской военной миссии, поставили в очень тяжелое положение главное английское командование Закавказья, вынудив его в самом начале выступить с очень сдержанным и осторожным обращением—просьбой к бакинским газетам: «...или привести доказательства, на которых вы основываете это сообщение (статью «Казнь 26 комиссаров»), или опубликовать опровержение».

Затем, видя, что по каким-то неоглашаемым причинам я задерживаю опубликование документальных доказательств виновности Тиг-Джонса, британский генералитет воспрянул духом и стал говорить языком Томсона и Бича. Но у Тиг-Джонса и его многочисленных, вольных и невольных приверженцев, после опубликования мною статьи «На ком лежит ответственность за убийство 26-ти» ***), где заключались ссылки на ряд секретнейших по тому времени документов, снова появились настойчивые опасения за свое будущее.

И вот Тиг-Джонс, имевший, по моим сведениям, большое непосредственное влияние на бакинский главный штаб британского командования, решается

---

*) Около 2½ ф. или 5.000 каратов.

**) Не подлежит сомнению, что это были личные бриллианты г-жи Г..., т.-к. еще задолго до этого в Тифлисе ходили анекдотические слухи о той ловкости, с какою жена верховного комиссара приторговывала бриллианты даже у знакомых дам на балах—благотворительных вечерах и т. д.

***) См. приложение № 9 и, в частности, место: «...в данное время ... ряд данных» и т. д.

показать *первый* «волчий зуб» своему бывшему шефу—генералу Маллесону, который, прежде других, мог сильно повредить ему простым заявлением прессе о сложении с себя ответственности за действия подчиненного лица, в бытность его на самостоятельном посту главы асхабадской военной миссии.

Только так и только такими внутренними мотивами может быть удовлетворительно об'яснено запоздалое появление сообщения британского главного штаба от 24 мая и, в особенности, следующие его признания: «...об этом (убийстве комиссаров) капитан Тиг-Джонс немедленно сообщил генералу Маллесону», и пред этим, несколькими строками выше: «Капитан Тиг-Джонс предложил отправить комиссаров в Индию» *).

По тем же мотивам, обеспечивая всеми доступными им средствами безнаказанность Тиг-Джонсу, генерал Маллесон, Кори **), Томсон и Бич укрывали среди всеобщего негодования бегущего за границу Дружкина. Не зная изречения российской народной мудрости: «Коготок увяз—всей птичке пропасть»,—британские генералы, однако, всецело следовали ее глубокому, предостерегающему смыслу. В своем падении Дружкин, а за ним Тиг-Джонс—увлекли бы за собой также империалистические «столпы общества», что ради предотвращения катастрофы имело смысл рисковать чем угодно.

И опасность временно была ликвидирована до дерзости смелым провозом Дружкина чрез клокочущий негодованием Баку, циничной попыткой сорвать мои обвинения «очной ставкой» с ***оклеветанным «директором»***, его исчезновением в Батум и, наконец, предостерегающим выступлением Тиг-Джонса 24 мая.

Такова моя *гипотеза*, в рамки которой вчерчиваются *без остатка* все факты необ'яснимого иначе поведения высшего британского командования.

III.

Всем изложенным российскому советскому правительству повелительно диктуется, по моему глубокому убеждению, следующая линия поведения. Необходимо еще до подписания какого бы то ни было политического соглашения с лондонским правительством широко информировать пролетарские организации Запада, и, в первую очередь, английские, об ахча-куйминском преступлении и о всех тех обстоятельствах, которые устанавливают руководящее и организующее участие в этом преступлении ответственных агентов официальной Англии.

В своей практической постановке такая кампания должна вылиться в требование.

1) выдачи российскому правительству правительствами Англии Семена

---

*) Конечно, с ведома и согласия генерала Маллесона, чрез резиденцию которого—персидский Мешед—пленные комиссары должны были проследовать в Индию и которому, как гласит то же сообщение штаба, капитан Тиг-Джонс докладывал о всем, не исключая слухов (см. начало главы XVIII).

**) См. доклады С. Л. Дружкина Томсону—приложение № 7. Кори был преемником [illegible] главным [illegible] начальника генерала Томсона.

Львовича Дружкина, как уголовного преступника, которому генералами Маллесоном и Томсоном был устроен побег за границу несмотря на пред'явленные ему уголовные обвинения

2) предании уголовному суду капитана британской службы Реджинальда Федоровича Тиг-Джонса за организацию убийства 26 граждан России и в их числе—высшего представителя российской власти на Кавказе. Степана Шаумяна;

3) предания уголовному суду генерала британской службы Маллесона за непротиводействие убийству указанных 26 граждан, несообщение *законным*, с точки зрения правительства Англии, властям Закаспийской области о совершенном преступлении **) и за активное способствование уклонению С. Л. Дружкина от грозившей ему судебной ответственности;

4) предания уголовному суду генерала британской службы Томсона за активное способствование побегу С. Л. Дружкина на территорию Батума, подчиненную союзному командованию, где благодаря непринятию предупредительных мер, Дружкин успел скрыться;

и 5) предания уголовному суду генерала британской службы Маллесона за незаконное лишение свободы и увоз через Персию в Индию 65 граждан России, дальнейшая судьба которых российскому советскому правительству продолжает оставаться неизвестной ***).

Конечно, нельзя питать наивных иллюзий, будто правительство Великобритании признает для себя обязательным эти обвинительные пункты, формулированные к тому же сознательно без соблюдения существующих норм буржуазного «международного права». Но эти естественные, простые требования, говорящие достаточно много уму и сердцу западно-европейского пролетария и всякого непредубежденного, честного человека, будут неуклонно подготовлять почву для истинного торжества правосудия в деле 26-ти. Не закрывая глаза на то, что такое «истинное торжество правосудия» немыслимо в рамках существующего в Британской империи правопорядка, я, однако, убежден в невозможности для лондонского правительства уже и теперь уклониться от *всякой ответственности* за исключительное по своей отвратительности и дерзости закаспийское преступление его высших официальных агентов.

Создание смешанной комиссии по делу 26-ти также могло бы явиться очередным требованием российского правительства; и отказ от его выполнения был бы, по многим признакам и соображениям, крайне неудобен для правительства Ллойд-Джорджа и самого лорда Керзона.

Заключительным же государственным актом по делу 26-ти явилось бы согласно принятого уже комиссариатом иностранных дел решения, ультимативное требование российского правительства о включении в будущий

**) См. сообщение британского главного штаба от 24 мая (гл. XXIII

***) См. приложение № 18.

литический англо-русский договор особого пункта, обязывающего лондонское правительство организовать на паритетных основаниях для всестороннего освещения условий и причин ахча-куйминского убийства независимую следственную комиссию с неограниченными полномочиями.

С своей стороны, такой комиссии я, в интересах права и человечности, *представил бы все без исключения материалы и документы по этому делу, по различным причинам остающиеся неопубликованными и до настоящего времени.*

Вадим Чайкин.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Уже после того, как эта работа была 1 августа в законченной редакции сдана всеукраинскому государственному издательству, и я приехал в Москву для переговоров с народным комиссариатом иностранных дел о напечатании ее заграницей, случаю угодно было натолкнуть меня здесь на кровавый эпилог ахча-куйминской драмы. Именно, И. Р. Фонштейн, к которому я обратился за получением справок, оказался б. председателем военно-революционного трубунала Туркестанского фронта, расстрелявшего в Красноводске, в конце апреля 1921 года, по процессу о виновниках казни бакинских комиссаров—41 человека.

В виду важности новых данных по этому процессу и желательности присоединения их к настоящему историческому очерку, я в срочном порядке, в ночь на 10 августа, произвел опрос И. Р. Фонштейна.

Эта, быть может, заключительная страница закаспийского мартиролога так же густо залита свежей человеческой кровью, как и все предыдущие системы политического террора, вопреки общественной целесообразности и даже наперекор элементарному международному расчету, продиктовала военным властям Туркестана ту же *торопливость в действиях,* какою отличались, в накаленной атмосфере Закаспия, все имевшие там место человеческие гакатомбы.

Для освещения всего вопроса и доказательства этой простой, бесспорной мысли, я приведу важнейшие ответы И. Р. Фонштейна на двадцать заданных ему мною, заранее систематизированных вопросов.

1. Когда происходило слушание дела в Красноводске и сколько времени оно продолжалось?

1. С 16 по 27 апреля 1921 г.

2. Какой был вынесен военным трибуналом приговор?

2. Из 42 подсудимых—41 приговорен к казни, а двое рабочих, взятых на процесс непосредственно от станков, сбитых, по мнению трибунала, с толку, благодаря условиям великобританской оккупации и собственной темноты, — к срочному заключению. Все осу- [illegible]

денные на казнь, расстреляны в Красноводске.

Общий вопрос. Во всем ли совпадает с тем, что выяснилось на суде, мое изложение причин, условий и обстановки казни бакинских комиссаров, напечатано в статье «Черное дело»? Статья эта, по словам И. Р. Фонштейна, еще до слушания дела, поступила в его распоряжение и была оглашена в публичном заседании трибунала).

Ответ. Во всем без исключения, касающемся причин и условий заговора и казни; относительно обстановки убийства комиссаров—с единственным техническим исключением: комиссары, как выяснилось неожиданно во время самого процесса, были не расстреляны, а обезглавлены.

3. Какие именно данные говорят за обезглавление комиссаров, а не за расстрел?

3. Свидетельские показания врача-эксперта, делавшего свой доклад публичному заседанию трибунала в течение пяти часов (с часа ночи до 6 утра) при напряженном внимании всех собравшихся. По его расследованию на месте казни, все 26 голов были отделены от туловищ. Кроме того, у общей могилы, в которую на-скоро убийцы зарыли комиссаров, было найдено только 7 пустых гильз от браунинга и ни одного винтовочного. Наконец,—и это явилось самым важным показанием—трибуналу были поданы две записки с подписями, в которых передавался случайно слышанный еще во времена Закаспийской «директории» в железнодорожном вагоне хвастливый рассказ туркмена, начальника туркменской стражи, о том, как он отрубил головы 26 большевикам. Туркмен этот (единственный из туземцев Закаспия, принявший участие в казни комиссаров) был тотчас арестован через комендатуру Красноводска и приведен в зал суда в качестве обвиняемого. Хотя этот человек от-

рицал свою вину, но свидетельские показания убедили всех в том, что именно он был палачем комиссаров.

4. Кто, по данным трибунала, был идейным вдохновителем казни 26-ти и ее организатором?

4. Высшее английское командование в лице Тиг-Джонса и Маллесона.—Принявшие участие в заговоре лица — многие, как Кун, за деньги, — были организаторами и и исполнителями самой казни.

Общий вопрос. Назовите фамилии 41 человека, осужденных на казнь.

Ответ. «Дело 41-го» составляет 12 томов, с массою дат, названий и фамилий. Постараюсь припомнить наиболее видные фамилии:

Седых (председатель кизил-арватского стачечного комитета;

Яковлев (нотариус гор. Красноводска, правая рука председателя красноводского «правраскома» т.-е. правительственного распорядительного комитета Куна); чтился англичанами, как *ученый человек* и их ближайший соратник, был на расстреле);

Герман (конторщик службы движения Средне-Азиатской ж. д., член красноводского стачечного комитета, переименованного впоследствии в «правраском»).

5. Сознался ли в какой нибудь мере на суде Седых?

5. Нет. Он признавал факт своего выезда в Красноводск, но отрицал участие в казни.

6. Был ли в какой бы то ни было степени причастен к делу казни 26-ти Зимин?

6. Нет.

7. Выяснилась ли на суде описанная мною в «Черном деле» роль Дружкина, Фунтикова и др.?

7. Да, вполне: роль Дружкина, Фунтикова и еще Баклеева (расстрелян).

8. Выяснился ли во время процесса факт прибытия Дружкина в Закаспий в августе 1918 года из Перми с мандатом и по документам пермской чрезвычайной следственной комиссии по борьбе с контр-революцией, саботажем и т. д.?

8. Нет. Я первый раз об этом слышу.

9. Где, по сведениям трибунала, находился к моменту суда Фунтиков?

9. Расстрелян в 1920 году в городе Полторацке (Асхабаде).

10. Тоже—Белов (член «директории», уехавший из Закаспия, по-видимому, вместе с Дружкиным)?

10. Неизвестно.

11. Тоже—Дружкин?

11. Неизвестно. Ходили слухи, будто он расстрелян (но это едва ли вероятно).

12. Тоже—Кун?

12. О В. Г. Куне—также ничего точно не известно, хотя и передавали, что его, тяжело больного, видели в Грузии.

13. Где Доррер? *).

13. Расстрелян в Полторацке—вместе с Фунтиковым.

Общий вопрос. Почему, стоя даже на почве специфических интересов военной юстиции, не говоря уже о международных интересах советской государственной власти, военно-революционный трибунал так *поторопился* с процессом и казнью всех приговорен-

Ответ. Я настаивал на перенесении процесса в Баку, просил приехать в Красноводск журналистов т. д. Очень сожалею, что трибунал не знал вашего апрельского адреса. Я задержал бы процесс на целый месяц — при условии, что вы прибыли бы в Красноводск для да-

ных? Неужели индивидуальная кара была с его точки зрения важнее, чем спокойное выяснение всех страшных закулисных пружин этого дела...

чи показаний. Тогда, по моему убеждению, процесс из общетуркестанского превратился бы в европейский, и было бы выяснено многое, что пока, стараниями империалистов, остается затемненным и туманным.

На этом обрываются мои сведения о деле 26-ти и связанных с ним событиях.

В. Чайкин.

Харьков.
28/VIII—21 г.

ПРИМЕЧАНИЕ К ВЫПУСКУ I-му.

П р и м е ч а н и е I. Постепенная эвакуация Закаспийской области и стягивание вооруженных сил на границы Персии несомненно входили в планы индо-персидского британского командования и *прежде*, как только удержание за собою Туркмении потеряло для правительства Великобритании более широкий смысл (см. «Заключение» этого выпуска, глава II). Но катастрофическое падение созданной переворотом 1 января 1919 г. «директории» и вынужденный побег из Туркестана С. Л. Дружкина (см. страницы и этого выпуска) форсировали этот процесс, превратив его в беспорядочное отступление британской дипломатии по всей линии ее недавних туркестанских завоеваний.

П р и м е ч а н и е II. К сожалению едва ли серьезно приходится учитывать возможность воздействия на английское правительство, в сторону освобождения его политики от элементов насилия своекорыстной преступности, каких-либо иных классовых группировок, кроме пролетарской. Так, мое двукратное обращение к Палате Общин, первое—по делу 26-ти, формулированное в силу ряда внешних причин (см. стр. этого выпуска), в высшей степени *лояльно*, без нарушения *парламентских обычаев, а второе*—с резким предостерегающим протестом против лицемерного попустительства английского парламента черноморским мероприятиям генералов Киза и Коттона (см. в выпуске II—«Черноморское повстанчество 1919—1920 годов»,—мое радио по поводу неочищения английскими войсками Новороссийска), не вызвало со стороны представительного органа Великобритании соответствующей положению вещей и его достоинству реакции. Передача Спикером Палаты Общин текста радио лондонской прессе (см. стран. этого выпуска) — и это, до чего, повидимому, способен был возвыситься *лоялизм* этого «весьма почтенного» учреждения.

Примечание III. В январе 1919 года весь Туркестан был потрясен восстанием нескольких красноармейских частей во главе с народным комиссаром Туркестанской республики по военным делам Осиповым. Восстание это сопровождалось убийством значительной части членов туркестанского совета народных комиссаров и ряда видных советских работников, захватом столицы республики Ташкента и т. д. После подавления восстания стянутыми к Ташкенту военными силами, не перешедшими на сторону мятежников, Осипов, захватив государственные ценности и часть военного имущества, скрылся с частью единомышленников в ферганском направлении.

Примечание IV. «Заключенные подали Асхабадскому комитету общественного спасения коллективное требование, чуть-ли не в десятый раз о том, чтобы их или отпустили, или пред'явили, наконец, обвинение.

В ответ на это лично явившийся член комитета Дружкин в беседе заявил, что, хотя комитет и не может пред'явить им обвинения, но отпустить тоже не может до взятия Ташкента, ибо они на бакинцев смотрят, как на большевистских заложников. «И если в Ташкенте будут расстреливать наших, то мы поступим с вами так же».

(Из статьи: «Казнь двадцати шести», по рассказам жен казненных комиссаров. «Знамя Труда», № 61 (225), от 20 марта 1919 г.)

NB. Повидимому, посещение Дружкиным жен и детей комиссаров в асхабадской тюрьме относится к 14—20 февраля. В. Ч.

Примечание V. По отзывам компетентных людей, знавших бухарские придворные нравы того периода, эмир Бухарский, с страстной ненавистью относясь к большевикам и опасаясь их вооруженного посягательства на его власть (впоследствии осуществившегося и повлекшего падение эмирата), называл себя «меньшевым» *(меньшевиком)*, так как наивно считал, что этим понятием охватываются все не-большевистские элементы.

Примечание VI. «Социал-демократ». Я был в числе прочих «социалистов», которые выносили 22 июля 1918 г. *тайный* смертный приговор девяти большевистским комиссарам Асхабада.

Примечание VII. К сожалению, мною не могли быть прочтены в подлиннике шифрованные депеши, которыми обменивались отправленный в Мешед исполнительным комитетом Закаспийской области для переговоров с англичанами Дохов и находившийся в Асхабаде, тогда еще только в качестве общественного работника, Зимин. Некоторые признаки, однако, дают основание предполагать, что запрос Дохова из резиденции генерала Маллесона— персидского города Мешеда, куда сходились из всего Туркестана, не исключая Ташкента, нити провокационной работы британского правительства *), носил не совсем тот характер какой ему придал Л. А. Зимин. Эта *разница взглядов*, корни которой восходят к событиям 22—25 июля 1918 года, заключалась в том, что в то время, как Дохов принимал участие в закрытом сове-

---

*) См. в выпуске IV. «Туркестан и империалисты», запись рассказа б. советского [illegible] погибшего Б. Ч. Шмидта.

щания временного Исполнительного Комитета 22 июля, вынесшего смертный приговор девяти асхабадским комиссарам **), Зимин (это он говорил мне сам лично, показывая номер) напечатал в закаспийской газете, за подписью «старый эс-эр», негодующую статью против этой казни.

Примечание VIII. Чрезвычайный комиссар Московского совнаркома по Средней Азии и Западной Сибири, инженер Кобозев, в своей речи, произнесенной 13 марта 1919 года на заседании Ташкентского совета р. и с. д. признает это с полной определенностью: «... Если будут повторяться ошибки прошлой истории, если наши товарищи коммунисты не сумеют высоко поднять знамя коммуны, отныне всем нам дорогое знамя, тогда смогут пробудиться национальные страсти со всеми печальными последствиями. Минувший год не был особенно благоприятен для нас в смысле творческой работы. Оторванный от центра коммунизм уклонился в сторону, благодаря создавшемуся положению. Поход против национального движения вылился в самую грубую форму». («Наша Газета», орган Ц. И. К. Туркестанской Социалистической Республики, № 54, от 16 февраля 1919 г.).

Примечание IX. В январе 1918 года, я, по телеграфному поручению туркестанского с'езда декканов (туземных крестьян-землевладельцев и рабочих-мусульман, обратился через члена Всероссийского совета народных комиссаров В. А. Алгасова к комиссару по делам национальностей Джугашвили-Сталину с запросом, считает ли он для себя, как представителя интересов национальных меньшинств, идейно обязательным поддержать переход власти в Туркестане к туземным рабочим и крестьянам. На это Джугашвили-Сталин, как известно, разошедшийся на одном из с'ездом советов со всероссийским комиссаром местных самоуправлений Трутовским, именно, по вопросу о сужений функций *власти на местах* *), ответил через того же Алгасова буквально следующее: «Советы автономны в своих внутренних делах и действуют, опираясь на собственные реальные силы. Поэтому туземным пролетариям Туркестана надлежит не обращаться к центральной Советской власти с ходатайствами о роспуске, опирающегося, по их мнению, на посторонние Туркестану войсковые части Туркестанского совнаркома, а распустить его силой, если такая у туземных пролетариев и крестьян найдется».

Примечание X. «Ночью на 20-ое сентября в сопровождении отряда, к арестованным явились: Кун, Алания, Яковлев (см. «Послесловие» к этому выпуску) и другие и заявили, что всех, кроме женщин и не значившихся в красноводском списке, отправят сейчас же в Асхабад. Была полночь: в это время поезда обычно не отходили... Начальство, видимо, спешило. На следующее же утро Сатеник Мартикян тайком получила от мужа (с воли) записку, в которой последний сообщал ей, что он боится тайных слухов: весь город уже знает об увозе комиссаров; говорят, что конвой забрал с со-

---

*) Джугашвили-Сталин остался в меньшинстве при голосовании [illegible] централистической резолюции.

**) См. выпуск IV—«Материалы по истории революционного народничест (1904—1920 годов)»—письменное показание Н. Гаудина.

бой для чего-то кирки и лопаты...» («Казнь двадцати шести», по рассказам жен казненных комиссаров—«Знамя Труда», № 61 (225)—от 20 марта 19 г.).

Примечание XI. Жертвою этой *независимости* пал анархо-коммунист Вилли Янович Штадт, бывш. резидент Советской власти Туркестана при бухарском эмирате. Играя видную, хотя и полуконспиративную роль в рабочем профессиональном движении Баку и ведя напряженную работу по организации здесь активных антиимпериалистических сил, он был схвачен на одной из бакинских пристаней английским патрулем, препровожден оттуда в британскую миссию и затем, при молчаливом бездействии азербейджанского правительства, передан в Петровск на расправу деникинцам, где и расстрелян.

Примечание XII. Такое предположение не должно показаться читателю невероятным, если он вспомнит о 5.000,000 руб. золотом, предлагавшихся закаспийской «директории», в сущности, *за молчание* (поездка-побег в Лондон), и в том числе Л. А. Зимину, личная честность которого не заподазривалась, насколько я знаю, никогда даже его злейшими политическими противниками.

Развращенное до мозга костей высшее британское командование Закавказья и Туркестана, как и большинство дипломатов союзных стран, не исключая С. А. Соединенных Штатов (см. «Заключение» этого выпуска), потеряли всякую нравственную перспективу, возведя в систему подкуп, воровство и предательство. В частности, после *предсказывавшейся* многими во время побега в Батум дипломатической «смерти» Дружкина, его жене, по упорным, идущим из Батума слухам, был уплачен британской миссией,—также, повидимому, за молчание,—один миллион рублей, но уже «романовскими» знаками.

Примечание XIII. Всем в то время был памятен случай увоза из Баку в Энзели отрядом *гуркосов*, по распоряжению высшего английского командования, известного общественного работника, Сако Саакяна. Только энергичному вмешательству бакинского пролетариата, об'явившего всеобщую забастовку, Сако Саакян был обязан спасением своей жизни. Британский штаб об'яснил его пленение и увоз *недоразумением*, и Саакян был «с почетом» возвращен из Энзели в Баку.

Примечание XIV. Некоторое несоответствие этого утверждения с фактическим положением дел (см. главу II этого выпуска) было одним из мотивов, поколебавших мое решение выступить в прессу с «открытым письмом» по адресу бакинской рабочей конференции.

Примечание XV. 7 января 1921 г. я виделся в Баку с женою Зимина—М. Б. Зиминой. Она рассказала, что ее муж имел возможность уехать из Баку еще при переходе советскими войсками азербейджанской границы у ст. «Ялама», но не пожелал этого сделать. «Я не вижу оснований уклоняться от ответственности за свои ошибки»,—говорил он даже во время ареста. Последние полгода Зимин был профессором Азербейджанского университета,

преподавая арабистику и историю Востока; и, по словам жены, конечно, не допускал мысли, что будет обвинен в убийстве комиссаров, всю *вину* свою в деле которых он ясно формулировал в показании 2 марта.

Поразительно, что Л. А. Зимин был расстрелян и *притом за участие в убийстве* 26-ти, несмотря на то обстоятельство, что в распоряжение карательных органов власти были своевременно переданы М. А. Сундукьянц фотографические копии показаний Фунтикова, Седых и самого Зимина.

Примечание XVI. В мою бытность на Кавказе мне передавали *), что великобританская миссия, сознательно, не желая создавать конфликта с Советской Россией на почве тяжкого, но случайного эксцесса, придала убийству члена своей северо-кавказской миссии в официальных актах характер не-преднамеренности, хотя в действительности оно было совершенно не случайно и при том агентами Советской власти.

Примечание XVII. Относительно судьбы 65 человек, плененных британским командованием в Красноводске и увезенных в Персию—Индию, мне не удалось впоследствии получить совершенно достоверных сведений об их возвращении в Россию. В частности, заявления об этом бывш. председателя рев.-воен. трибунала Туркестанского фронта И. Р. Фонштейна (см. о нем в «Послесловии» к настоящему выпуску) стоят в противоречии с некоторыми другими сведениями. Во всяком случае, данный вопрос должен быть выяснен, на-ряду с «делом 26-ти» и в известной связи с ним, как одно из проявлений жестокого самовластия британского командования на чужой территории.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1.

ОТ ЧЛЕНА ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ В. А. ЧАЙКИНА.

Товарищи!

На IV. с'езде П. С.-Р. уже с достаточной ясностью определились те непримиримые расхождения правого и левого крыла Партии, которые последовательно дали окончательный откол т.-н. «левых социалистов-революционеров интернационалистов», образование «Союза Возрождения», вместившего в себя партийные оппортюнистические элементы справа и, наконец, Уфимское государственное совещание с безответственным правительством в результате.

Грозное положение страны и нашей Партии, на ряду с определившейся невозможностью воздействовать на партийную линию поведения чрез центральный комитет, вынуждает меня обратиться с наст[illegible] письмом к подлинной силе Партии, рядовым ее работникам

*) См. выпуск III—«Межнациональные отношения револю[illegible]

Как известно товарищам, участникам IV с'езда, вместо двух списков —об'единенного лево-центрового и правого, при выборах центрального комитета боролись *тринадцать* самых разнообразных списков, составленных по признакам «деловитости», «работоспособности», «проходимости», «согласованности» и т. д... Результатом такого распыления и раз'единения, в большинстве случаев неотражавшего ни в какой степени существующих в Партии течений, явился действующий ныне центральный комитет.

Будучи избран в состав его членов относительным большинством голосов, я немедленно, еще до сообщения с'езду результатов баллотировки, заявил обширной группе своих избирателей, что считаю новый центральный комитет не удовлетворяющим его основному назначению—прервать властными и суровыми мерами равнение Партии направо, по ее отдельным, стоящим вне партийного фарватера членам, и тем самым положить предел прогрессивному параличу революционно-социалистической идеологии.

«При создавшихся условиях», заявил я, «не питая никаких иллюзий относительно равнодействующей вновь избранного центрального комитета Партии, я считаю невозможным входить в его состав, о чем и доложу с подробной мотивировкой с'езду, как целому».

В ответ на это заявление (целиком поддержанное кандидатом в члены центрального комитета М. Л. Коган-Бернштейном) группа товарищей, которой мы оба давали свое согласие на включение наших фамилий в баллотировочный список, потребовали от нас соблюдения «элементарной самодисциплины» и отказа от каких бы то ни было шагов, клонящихся к ослаблению левой части центрального комитета. При этом мне и М. Л. Коган-Бернштейну было поставлено на вид, что своим отказом от мандата с'езда мы создадим безвыходное положение для наших избирателей, которые, в виду определившихся результатов баллотировки, окажутся не представленными в центральном комитете соответственно своим численности и значению.

Ссылка товарищей на нашу *моральную обязанность* остаться в составе центрального комитета, имела решающее значение. Вследствие этой ссылки ни я, ни М. Л. Коган-Бернштейн, не сочли себя вправе сложить полномочия членов центрального комитета и приняли участие в работе, ясно сознавая, еще до приступа к ней, всю бесплодность своих будущих усилий.

Откладывая до V с'езда партии подробный документированный отчет о предпринимавшихся мною попытках—если не предотвратить, то, по крайней мере, констатировать сдачу центральным комитетом революционно-социалистических позиций, я перечислю здесь лишь главнейшие моменты из деятельности центрального комитета, не совпадающие, по моему глубокому убеждению, с программными требованиями и былыми традициями Партии.

Первые ответственные шаги центрального комитета, связанные с разгоном Учредительного Собрания, выяснили неспособность руководящего партийного органа к быстрым и активным действиям.

Мое предложение о созыве второго заседания Учредительного Собрания в кратчайший срок вне Петербурга было принято центральным комитетом (в заседании 7 января 1918 года) лишь *принципиально*, при чем зафиксирование срока было подано только четыре голоса. Никакие ссылки на техническую невозможность собрать в будущем всех с'ехавшихся к 5 января депутатов, на необходимость использовать безотлагательно их энергию и возмущение страны советской властью за насилие над народным представительством—не имели успеха, и дело Учредительного Собрания на многие месяцы оказалось похороненным.

После заключения Советом Народных Комиссаров мирного Брестского договора и в виду предстоящей ратификации его на III с'езде с.-р. и кр. д., я вторично внес в центральный комитет предложение о созыве в Москве, в день открытия III с'езда советов, пленарного заседания Учредительного Собрания, где односторонней воле советского представительства было бы противопоставлено решение всей страны. Однако, и на этот раз за принятие точного срока возобновления работ Учредительного Собрания и за немедленное приглашение председателем Учредительного Собрания всех депутатов на Московскую сессию его высказалось меньше половины членов центрального комитета. В результате была безвозвратно погублена возможность пред лицом всего мира отвергнуть именем народов России Брестский договор и, может быть, оторвать от ура-большевизма противников Брестской капитуляции, колеблющихся преимущественно-окраинных «левых с.-р. интернационалистов».

Одновременно центральный комитет, высказываясь в основе против активной вооруженной борьбы с Советом Народных Комиссаров, не находил в себе решимости открыто заявить об этом всем членам Партии. Мое предложение (в первой половине февраля), включившее в числе прочих, тезис об отказе Партии организовать вооруженную борьбу против Совета Народных Комиссаров вне инициативы и боевого союза с трудовой демократией—собрало всего три голоса. *) Такое же количество голосов собрала моя февральская интерпелляция центральному комитету о политической линии поведения центрального органа Партии «Дело Народа», при чем косвенное одобрение большинства получил общий, крайне некорректный и лишенный тени политического такта, тон «Дела Народа» того периода, и не было официально осуждено совершенно недвусмысленное выражение им своих симпатий финляндскому «белогвардейскому» движению.

В вопросах нейтрального политического строительства центральный комитет фатально, в силу мозаичности своего состава, был обречен на ту же

---

*) «...Не признавая за III с'ездом советов права на роспуск Учредительного Собрания и подписание Брест-Литовского мирного договора, партия социалистов-революционеров, однако, отказывается путем особого акта, публикуемого во всеобщее сведение, от вооруженной борьбы с советом народных комиссаров, пока трудовые массы России сами властно не потребуют его ухода от управления страною». (Из внесенной мной в пленум ц. к. и отвергнутого им проекта резолюции)

систему колебаний, оттяжек, полурешений и компромиссов. Единственная крупная работа («Проект переустройства Партии на федеративных началах»), порученная мне центральным комитетом и доведенная до конца, несмотря на ряд принципиальных и тактических затруднений, не была даже поставлена на обсуждение VIII совета, и вместо неё в повестку был включен вопрос о дальнейшей *централизации* Партии. Таким образом, бесплодно погибли результаты полуторамесячного напряженного труда комиссии специалистов из 25 лиц, во главе которой я был поставлен вотумом центрального комитета, и которая пришла к единогласному решению как о формах федерирования партии, так и о необходимости срочного проведения разработанного ею проекта в жизнь.

Вспыхнувшее в Поволжьи чехо-словацкое движение застало центральный комитет на его прежних, неясных и колеблющихся позициях. 5-го июля, в Москве, мною было подано в центральный комитет мотивированное письменное заявление о необходимости для Партии, как целого, резко и четко отмежеваться от солидарности с лондонскими выступлениями члена Партии А. Ф. Керенского, в которых он призывал английское правительство к вооруженному вмешательству во внутренние дела России. Несмотря на крайнюю двусмысленность, создавшуюся в результате молчания руководящего партийного органа по этому ответственному вопросу, центральный комитет уклонился от официальной оценки выступления А. Ф. Керенского и большинством всех против двух постановил: *не вынося никакой резолюции, перейти к очередным делам.*

Исключительная пагубность подобной тактики замалчивания станет особенно очевидной, если принять во внимание общеизвестное поведение самарской делегации центрального комитета и, на ряду с этим, постановление VIII совета Партии, гласящее буквально следующее: «Ни в каком случае трудовая демократия не может опираться для восстановления народовластия на поддержку иностранной, хотя бы и союзной военной силы. Совет констатирует, что в рядах Партии нет течения, которое бы искало опоры для внутреннего возрождения России не в её собственных материальных, духовных и социальных рессурсах».

Деятельность Самарского центрального комитета Партии (в отличие от параллельно функционировавшего до конца августа—Московского) привела Партию к последствиям, изменить которые оказались не в силах прибывшие в Самару к концу Уфимского государственного совещания члены центрального комитета—Н. И. Ракитников, В. И. Чернов и я.

Дав санкцию на созыв в Уфе государственного совещания с его ярко выраженным реакционным большинством, Самарский центральный комитет делегировал в согласительную комиссию совещания представителей меньшинства центрального комитета—В. М. Зензинова и М. Я. Гендельмана, снабдив их полномочиями, выходящими по своей исключительности далеко за пределы прав даже совета Партии.

В результате работ согласительной комиссии, с руководящим участием в них В. М. Зензинова и М. Я. Гендельмана, как официальных представителей Партии, центральный комитет:

1) подписал декларацию совещания, обходящую молчанием земельный закон Учредительного Собрания от 5-го января; конституционный акт Учредительного Собрания о государственном устройстве России, как федеративной демократической республики, и изданный Самарским комитетом членов Учредительного Собрания закон о 8-часовом рабочем дне, а также санкционировал восстановление Восточного фронта без определения целей войны;

2) отказался от ответственности всероссийского временного правительства пред С'ездом членов Учредительного Собрания;

3) запретил членам Партии, депутатам Учредительного Собрания, до 1 января 1919 года голосовать за возобновление работ Учредительного Собрания,

и 4) вопреки формально установленному на совещании принципу суверенности прав Учредительного Собрания, с его подавляющим социалистическим большинством, санкционировало образование безответственной «директории» из представителей буржуазных и полубуржуазных группировок.

Считая перечисленные действия центрального комитета противоречащими постановлениям IV-го с'езда Партии, а последствия государственного совещания—таящими в себе огромную опасность укрепления буржуазной реакции за длительный период ее узаконенно-безответственного хозяйничания в стране, я счел себя вынужденным сделать два следующих заявления:

I.

В президиум государственного совещания—члена совещания, депутата Учредительного Собрания от Ферганской области:

В виду моего коренного расхождения с тактикой согласительной комиссии государственного совещания по вопросу о персональном составе всероссийского временного правительства и вследствие предопределенных ходом переговоров антигосударственных результатов общих работ этой комиссии—прошу президиум государственного совещания считать меня выбывшим из числа членов совещания, *В. Чайкин.*

Уфа.
22 сентября, 1918 г.

II.

Во фракцию с.-р., членов государственного совещания
дительного Собрания от Ферганской области, члена п. с.-р.

Прибыв по независимым от меня причинам лишь к концу работ
дарственного совещания и приняв участие в двух заседаниях фракции

членов совещания, я вынужден был констатировать полную неспособность фракции после допущенных ею вначале тактических ошибок и вследствие безграничной склонности к уступкам в пользу правых групп совещания *), добиться создания такой всероссийской власти, которая бы искренно стояла на страже суверенных прав Учредительного Собрания. В виду такой оценки мною поведения фракции с.-р., членов государственного совещания, и создавшегося в результате его работ безпримерного политического положения, я настоящим довожу до сведения фракции о своем выходе из ее состава и из числа членов совещания. *В. Чайкин.*

Уфа. 22 сентября 1918 г.

Мои дальнейшие попытки побудить центральный комитет отказаться от продолжения гибельной для страны и партии тактики уфимского совещания не привели ни к чему. Верный своим навыкам и традициям—искать компромисса во что бы то ни стало, не считаясь ни с программными требованиями, ни с логикой действительности, центральный комитет продолжает свою разрушительную работу. От безответственной «директории» он неуклонно идет к безответственности своих официальных представителей в «директории», за деятельность которых впоследствии жестоко ответит партия с.-р. и демократическая Россия.

Будучи бессилен при сложившихся условиях в какой бы то ни было мере задержать надвигающуюся на партию катастрофу полного обезличения и распада **), я, в силу принятой пред IV с'ездом ответственности и по долгу революционной совести, считаю необходимым выйти до V с'езда партии из состава членов центрального комитета. *В. Чайкин.*

Екатеринбург. 10—15/XI—18 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2.

К С'ЕЗДУ ЧЛЕНОВ ВСЕРОССИЙСКОГО УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ.

Париж. Редакция «L'Humanité» ***).

Прибыв на несколько дней из России на территорию Закавказья, я ознакомился здесь из прессы с обращением инициативной группы политических эмигрантов, во главе с Николаем Авксентьевым, приглашающим всех членов Всероссийского Учредительного Собрания в Париж для участия в созываемой группою конференции. Вызов этот, пересланный через французскую дипломатическую миссию г. Грузию, сопровождает скрепою (бывшего)

*) См. приложение № 2.

**) Цитируется из тифлисской газеты «Кавказское Слово», № 15 от 22/I—21 г.

***) Передано по-французски через министра иностранных дел республики Грузии.

премьера Франции Лейга и тем самым предусматривает оказание едущим со стороны агентов французского правительствав всестороннего содействия.

Квалифицируя указанный шаг парижской эмигрантской группы членов Учредительного Собрания, как глубоко унизительный для социалистического правосознания и остро затрагивающий политическое достоинство всех тех, к кому он прямо или косвенно обращен, я считаю своей общественной обязанностью:

1) со всей решительностью протестовать против беспримерного дискредитирования самой идеи социалистического представительства трудящихся фактом сговора с вдохновителями мировой реакции и империализма;

2) заявить во всеобщее сведение от имени трудового населения, которое 3 года тому назад уполномочило меня представлять его интересы в пленуме Всероссийского Учредительного Собрания, что никакой группе эмигрантов, как бы она себя не называла, не может принадлежать вне собственной территории и действенного общения с трудящимися страны,—право представительства ее интересов, и

3) тем снять с себя и со всех тех из моих товарищей, которые силою обстоятельств лишены возможности разделить данный протест — всякую ответственность за недопустимый шаг парижской группы.

Тифлис. 14 января 1921 г.

Избранный в ноябре 1917 г. от Туркестана в члены Всероссийского Учредительного Собрания *Вадим Чайкин*».

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3.

В КОМИТЕТ ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ.

Члена комитета Л. А. Зимина.

З А Я В Л Е Н И Е.

В декабре месяце прошлого года Закаспийское правительство в лице Вр. Исполнительного Комитета и Совета управляющих делами были поставлены в чрезвычайно тяжелое положение вследствие того, что обещанная Великобританским Правительством денежная субсидия затягивалась и выдавалась суммами, неудовлетворявшими действительной потребности. Благодаря этому приходилось задерживать уплату жалованья рабочим и фронту [illegible] создавалось общее неудовольствие, способствовавшее развитию большевистской агитации. Совпавшее с этим освобождение красноармейцев [illegible] составленное «воззвание по ту сторону фронта» усилили большевистское движение в области. В результате произошел митинг 31 декабря 1918 г.

вызвавший вмешательство английской вооруженной силы *). Было выпущено воззвание за подписью представителя Великобританской миссии капитана Тиг-Джонсона, угрожавшее вооруженной силой в случае нарушения порядка, и были заняты английскими караулами важнейшие государственные учреждения, в том числе и помещение Исполнительного Комитета. Одновременно стало известно мне, как управляющему иностранными делами, что Великобританская миссия *до митинга* уже вела *переговоры* с отдельными лицами об образовании директории, которая бы произвела переворот, захватив власть и распустив Исполнительный Комитет вместе с Советом управляющих делами. Сообщение об этих переговорах было сделано мне сначала начальником розыскного бюро Дружкиным, а затем капитаном Тиг-Джонсом, задавших мне вопрос, соглашусь ли я войти в директорию. Я заявил, что войти в состав правительства, которое низвергнет власть и будет опираться только на иностранную вооруженную силу, никогда не соглашусь,—а затем довел об этом до сведения Совета управляющих, который постановил войти с представлением в Исполнительный Комитет об образовании новой власти из пяти лиц. Вследствие такого постановления, немедленно доведенного до сведения Великобританской миссии, насильственный переворот не состоялся. Исполнительный Комитет, как известно, согласился с постановлением Совета управляющих и выбрал 12 кандидатов, из числа которых Совету управляющих совместно с президиумом Исполнительного Комитета, предоставляя выбрать трех лиц по соглашению с Великобританской миссией, оставив два места туркменам.

Во исполнение постановления Исп. Комитета Совет управляющих совместно с президиумом Исп. Комитета, с представителем Великобританской миссии 3 января 1919 г. выбрали в состав директории, названной Комитетом Общественного Спасения, генерала Крутен, Белова и меня. Но на следующий день 4 января, когда Совет управляющих снова собрался на заседание для разрешения вопроса по реорганизации административного аппарата, туда явился представитель Великобританской миссии капитан Тиг-Джонс и сделал два предложения: 1) выделить из состава Комитета Общественного Спасения управляющего военными делами, предоставив ему только право присутствовать на заседаниях Комитета с решающим голосом (?) и 2) заместить в составе Комитета Общественного Спасения ген. Крутен начальником бюро Дружкиным. Собрание, неожиданно поставленное лицом к лицу перед предложением Великобританской миссии, фактически распоряжавшейся в то время в городе, не нашло в себе сил протестовать, и вынуждено было на все согласиться.

Таким образом, создалось такое положение: в составе директории оказались—два лица: я и Белов, законно избранные; генерал Крутен, избранный.

---

*) См. приложение № XXIII, а также дальнейший рассказ самого Зимина (в этом же документе) о предварительных до митинга, совещаниях и переговорах заговорщиков.

не входящий в состав директории, не как член ее, и Дружкин, введенный в директорию Великобританской миссией.

В течение первой недели своего существования Комитет Общественного Спасения действовал без представителей туркмен, а затем в состав Комитета вошли: Хаджи-Мурат и Ораз-Сердар, при чем первый был избран с'ездом туркмен, а второй введен в состав директории по желанию Великобританской миссии вместо Овез-Баева, избранного туркменским с'ездом. Создалось положение ненормальное, при котором структура директории оказалась совершенно не той, какую установил Исп. Комитет. Вместо трех русских оказалось четыре, а всего вместо пяти—шесть членов, из которых только четыре избранных, два же назначенных Великобританской миссией. То обстоятельство, что один из представителей туркмен Ораз-Сердар все время находится на фронте, осложнило дело, сократив фактическое представительство туркмен в Комитете Общ. Спасения до одного человека.

Таким образом, при самом создании директории получилось такое положение, которое таило в себе всякого рода нежелательные возможности. Они не заставили себя ждать. Прежде всего, создалось некоторое недоверие туркмен к русским членам Комитета, которые молчаливо допустили совершение несправедливости в отношении их. Затем, в обществе создалось впечатление, что Комитет находится в полной зависимости от англичан и действует только в их интересах, так как в состав Комитета входят лица ими назначенные. Особенно же тяжелым для Комитета оказалось то, что введенный в директорию англичанами Дружкин, используя, с одной стороны, свою зависимость от англичан, с другой стороны—сосредоточив в своих руках заведывание тайной полицией, стал постепенно пользоваться все большей властью, действуя часто от имени Комитета без специальных от него полномочий. Вследствие этого создалось положение, при котором многие действия Дружкина приписывались обществом Комитету Общественного Спасения без всякой вины со стороны последнего и не будучи даже известно ему. Не считая нужным перечислять все случаи, когда поступки Дружкина бросали известную тень на Комитет Общественного Спасения, остановлюсь только на последнем, наиболее неприятном случае. Я имею в виду так называемое «покушение на жизнь Дружкина», которое, повидимому, не подтверждается судебным следствием, сильно подорвало доверие общества к Комитету Общ. Спасения и стоило жизни нескольким человекам, благодаря неумелым, если не сказать больше, распоряжениям самого Дружкина. Это дело является последней каплей в том потоке всякого рода правонарушений, которые допущены Дружкиным и которые переполнили чашу моего терпения. Присутствуя при совершении убийства двух бичераховцев, я вынес определенное впечатление о том, что никакого покушения не было, но не считаю возможным об этом говорить до конца судебного следствия, надеясь на его беспристрастие. Но и в этом отношении я могу ошибиться, так как прокурор Зыков был отстранен от дела единолично Дружкиным через несколько

дней после того, как заявил в заседании Комитета Общ. Спасения о том, что 6 из обвиняемых должны быть освобождены, за отсутствием всякого обвинительного материала, а один может быть предан суду, но имеется 95 шансов из 100 за его оправдание. При таком давлении на суд со стороны лица, возбудившего все дело, оно может и не дать удовлетворительных результатов и только раздражит еще больше общество. Во всех слоях последнего это раздражение против Комитета вообще и против Дружкина в частности существует уже давно и может кончиться катастрофой, если не будут приняты чрезвычайные, героические меры.

Видя всю трудность положения и сознавая лежащую на мне, как на члене правительства, тяжкую обязанность приложить все силы для того, чтобы спасти Закаспий от неизбежного потрясения, имею честь предложить следующее. Немедленно восстановить директорию в ее легитимном составе, устранив из нее Дружкина и заменив Ораз-Сердара Овез-Баерым. Когда же будет восстановлен Комитет Общ. Спасения в его законном составе, необходимо будет в первом же заседании обсудить меры, ставящие целью коренное изменение конструкции власти, сделав ее более демократичной и опирающейся на широкие круги населения.

Считаю, что в случае сохранения существующего положения неизбежна катастрофа и полное крушение закаспийской государственности, а также не находя в себе больше сил выносить ненормальность в смысле этическом установившегося порядка, заявляю, что отклонение настоящего предложения поставит меня в необходимость немедленно сложить с себя звание члена Комитета Общ. Спасения и Министра Иностранных Дел.

Л. Зимин.

4 марта 1919 г., 7 ч. веч.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 4 *).

НАШ ОТВЕТ БРИТАНСКОМУ ШТАБУ.

В Главный Британский Штаб.

В ответ на Ваше отношение от 13 с. м. (марта 1919 г.) настоящим сообщаем, что у автора статьи «Казнь 26 комиссаров», члена Всероссийского Учредительного Собрания В. Чайкина, имеются все доказательства, на которых основаны сведения, помещенные в инкриминируемой нами статье. В. Чайкин ныне выехал в Тифлис и на-днях приедет обратно в Баку.

Наша газета, как и всякая другая, помещает на своих страницах все сведения, кои, по нашему убеждению, являются обоснованными. Мы, однако, просим Британский штаб указать нам конкретно на те сведения, кои по дан-

*) Цитирую [illegible] бакинской [illegible] газеты «Искра», № 56 (85), 15/III—19 г.

ным Британского штаба не соответствуют действительности и мы будем весьма рады опубликовать дополнительные данные, способные пролить свет на темное, кошмарное дело с исчезновением 26 бывших бакинских комиссаров.

Вместе с тем мы заявляем, что за все статьи, помещаемые в нашей газете, мы несем полную ответственность перед нелицеприятным и независимым судом и, если Британский штаб усматривает в статье Чайкина противоречие с действительностью, то как автор статьи, так и редакция готовы дать ответ перед гласным судом.

Редакция.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 5 *).

«Бакинской прессе от штаба Британской армии.

23 марта генерал-майор Томсон, командующий Великобританскими войсками в Закавказье, пригласил Чайкина на свидание, продолжавшееся час и двадцать минут. Во время свидания генерал Томсон неоднократно предлагал Чайкину представить имеющиеся у него якобы доказательства причастности капитана Тиг-Джонса к убийству 26 бакинских комиссаров, имевшему якобы место 20 сентября 1918 г.

Чайкин абсолютно никаких доказательств представить не мог.

Кроме этой невозможности со стороны Чайкина представить какие-либо доказательства, у генерала Томсона имеются заявления, подписанные Дружкиным, нижеследующего содержания.

б) Заявление Чайкина о том, что Дружкин сообщил, что капитан Тиг-Джонс якобы обещал представить свидетельство о смерти комиссаров от естественных причин—абсолютно ложно.

в) Заявление о том, что капитан Тиг-Джонс, будто бы, предложил Дружкину расстрелять комиссаров—абсолютно ложно.

г) Заявление о том, что британскими властями, будто бы, выдана Дружкину росписка в передаче комиссаров—абсолютно ложно».

ПРИЛОЖЕНИЕ № 6.

АНГЛИЯ. ЛОНДОН, ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПАЛАТЫ ОБЩИН.

Месяц назад я, в качестве члена Всероссийского Учредительного Собрания от Туркестана и секретаря комитета по созыву Туркестанского Учредительного собрания, посетил Закаспийскую область, где обнаружил [illegible]

---

*) Цитируется из бакинского органа мусульманских социалистов, [illegible] от 26/III—19 г.

уголовное преступление, организованное в сентябре прошлого года при участии главы великобританской миссии в Асхабаде капитана Реджинальда Тиг-Джонса и председателя закаспийского розыскного бюро Семена Дружкина, впоследствии делегированного английской миссией в качестве ее представителя в закаспийскую *директорию*. Получив доказательства виновности Тиг-Джонса, Дружкина и других лиц в позорном преступлении организации убийства на территории Туркестана двадцати шести пленных бакинских комиссаров, я счел своей гражданской обязанностью выступить в местной прессе с открытым обвинением преступников и параллельно обратился к генералу Маллесону, высшему дипломатическому и военному представителю Великобритании в Туркестане и Персии, с заявлением о необходимости начатия по делу предварительного следствия. Вместо способствования интересам правосудия генерал Маллесон взял на себя решимость поспешно отправить одного из главных преступников Семена Дружкина из Асхабада в Англию, снабдив его охранной грамотой великобританской миссии Туркестана, из Закаспийской области до Константинополя. Учитывая такой образ действий генерала Маллесона, которому во время совершения преступления непосредственно был подчинен капитан Тиг-Джонс, я обратился к высшему в настоящее время представителю великобританского командования в Закавказьи генералу Томсону с новым заявлением о необходимости срочного образования по данному делу следственной комиссии из представителей Англии, Туркестана и Баку, каковой комиссии я буду в состоянии сообщить имеющиеся у меня доказательства виновности Тиг-Джонса и Дружкина. Генерал Томсон решительно уклонился от образования указанной комиссии и пытался самолично, в полном противоречии с существующими законами, произвести на территории Грузии, в стенах великобританской миссии, допрос Семена Дружкина, которому, несмотря на пред'явленные обвинения и протест общественных организаций Закавказья, попрежнему предоставляется беспрепятственная возможность выезда за границу под охраною великобританского оружия. Считаю своим общественным долгом, как избранник населения Туркестана и секретарь учреждения, которое ставит своей задачей торжество в крае начал права и справедливости, сообщить об изложенных фактах Палате Общин и просить принять исключительные меры к расследованию кошмарного и предательского убийства 26 безоружных, сдавшихся в плен людей. Население Туркестана и Закавказья вместе со всей российской демократией не допускает мысли, чтобы великобританская демократия в лице ее представительного органа могла остаться безучастной к совершенному главою великобританской миссии на далеких подступах к Индии преступлению. Сообщая ниже к сведению Палаты Общин точный текст радиограммы закавказских областных и центральных комитетов социалистических партий секретариату Бернской социалистической конференции о посылке на Кавказ и в Туркестан особой комиссии для расследования преступления, я прошу вас, господин президент, употребить в интересах культуры и человечности все усилия к ско-

рейшему привлечению к судебной ответственности виновников злодеяния, его пособников и попустителей. Россия. Тифлис. 3 апреля, 1919 года.

Секретарь Комитета по созыву Туркестанского учредительного собрания *Вадим Чайкин*.

Приложение. «Швейцария. Берн, секретариату международной социалистической конференции *):

Заслушав сообщение члена Всероссийского Учредительного Собрания от Туркестана и секретаря комитета по созыву Туркестанского учредительного собрания Вадима Чайкина о предательском и злодейском убийстве в Туркестане двадцати шести пленных бакинских комиссаров-большевиков и ознакомившись с данными, достаточно изобличающими участие в организации этого преступления главы великобританской военной миссии в Асхабаде Реджинальда Тиг-Джонса,—представители нижеподписанных социалистических партий постановили:

1) сообщить секретариату Бернской международной социалистической конференции о действиях великобританских оккупационных властей для осведомления международной демократии и, в первую очередь, демократии Англии;

2) просить секретариат Бернской конференции направить на Кавказ и в Туркестан особую делегацию для расследования этого вопиющего преступления.

Областной организационный комитет Российской Социал-Демократической рабочей партии—в лице товарища председателя комитета,—*Попова*.

Закавказский областной комитет партии социалистов-революционеров,—в лице члена комитета,—*Булгакова*.

Центральный комитет партии социалистов-революционеров Грузии,—в лице председателя комитета,—*Шешелая*».

ПРИЛОЖЕНИЕ № 7**).

К КАЗНИ 26-ти.

«От Британского штаба.

В виду искаженности отчета о беседовании Чайкина с генералом Томсоном в Тифлисе 23 марта, британское командование препровождает следующий точный отчет, записанный во время переговоров, и считает дальнейшие комментарии излишними.

---

*) Цитируется из № 11 бакинского «Рабочего Знамени» от 8/IV—19 г.

**) Цитируется из бакинской с.-д. газеты «Искра» № 70, 99 от 3/IV—19 г. и № 71, 100 от 4/IV—19 г.

Свидание генерала Томсона с г-м Чайкиным 23-го марта 1919 года.

Генерал. В бакинской прессе появились статьи, обвиняющие британского офицера капитана Тиг-Джонса в убийстве 20 сентября 1918 года нескольких русских. Так как пресса сообщает, что доказательства этих статей находятся в руках г-на Чайкина, я прошу г-на Чайкина пред'явить эти доказательства.

Чайкин. До разбора этого вопроса, я желал бы узнать, состоит ли генерал Маллесон под начальством генерала Томсона.

Генерал. Г-н Чайкин телеграфно сообщил из Тифлиса бакинской прессе свой адрес и заявил, что в случае, если британское командование пожелает иметь какие-либо сведения, он готов поставить себя в *их* распоряжение.

Чайкин. Я задал последний вопрос потому, что желал бы узнать, имеет ли тифлисская британская миссия полномочия разбирать вопрос об убийстве 26 русских, о которых идет речь.

Генерал. Без сомнения, я это право имею.

Чайкин. Я желал бы узнать, состоит ли командование Закаспийской области и Туркестана под начальством генерала Томсона.

Генерал. Чайкин сделал заявление бакинским и тифлисским газетам. В данное время Чайкин находится в Тифлисе, где нахожусь и я. Вопрос о командованиях не имеет ничего общего с вопросом, *который я хочу расследовать.* Чайкин заявил, что он может засвидетельствовать свое заявление, опубликованное в газетах; теперь я прошу его это сделать.

Чайкин. Если генерал Томсон согласен *расследовать* вопрос, то я готов представить свои доказательства.

Генерал. В третий раз я прошу г-на Чайкина представить свои доказательства.

Чайкин. В Англии и других странах имеются три инстанции юрисдикции (?). Я желал бы убедиться, что будет назначена следственная комиссия для расследования этого вопроса. Гражданская власть должна, однако, быть представлена (?) в этой комиссии, и такой комиссии я готов представить свои доказательства.

Генерал. Кап. Хунт прочтет выдержку из статьи в газете «Новая Заря», свидетельствующую, что Чайкин выразил готовность представить доказательства об убийстве 26 человек по приказанию офицера британской миссии кап. Тиг-Джонса (статья была прочитана). Теперь я прошу г-на Чайкина в четвертый раз представить имеющиеся у него неопровержимые доказательства.

Чайкин. Я готов представить их следственной комиссии, составленной из: 1) представителя британского правительства; 2) представителя той части Туркестана, которая находится под властью большевиков, и 3) представителя бакинского населения.

Генерал. Должен ли я это понимать, как отказ Чайкина представить все имеющиеся у него сейчас доказательства?

Чайкин. Я готов представить сейчас часть доказательств для того, чтобы дать вам возможность принять меры для созыва следственной комиссии.

Генерал. Прошу начать.

Чайкин. Политическое положение Туркестана очень тяжелое, и если я представлю все свои доказательства сразу, то могут получиться нежелательные результаты. Поэтому-то я и не хочу представлять их все сразу.

Генерал. Я напоминаю г-ну Чайкину, что он обвинил британского офицера в убийстве 20 сентября 1918 года 26 человек. Это ничего общего с политическим положением Туркестана не имеет.

Чайкин. Я *не* придерживаюсь мнения, что убийство вышеупомянутых людей тесно связано с настоящим политическим положением Туркестана. Британское командование в Баку заявило, что капитан Тиг-Джонс ничего общего с этим делом не имеет. Я считаю неправильным заявлять о невиновности обвиняемого лица таким путем и до произведения следствия. На очереди стоит также вопрос о Дружкине, который является свидетелем (?) этого дела и *может оказаться* (?) одним из соучастников убийства. Насколько мне известно, этот человек посылается британской миссией в Лондон. Он должен быть допрошен по этому делу до своего выезда.

Генерал. Представите ли теперь вы ваши доказательства?

Чайкин. Дружкин заявил ряду общественных деятелей в Закаспийской области, что капитан Тиг-Джонс является ответственным за убийства названных лиц. Лица, которым Дружкин сделал заявление, будут названы впоследствии.

Генерал. Согласны ли вы их назвать сейчас?

Чайкин. Я полагаю, что Дружкин теперь находится в Баку. Лица, с которыми он говорил, ныне письменно изложили сообщения Дружкина. Я не желаю назвать тех лиц, с которыми Дружкин говорил, так как политическая ситуация в Закаспии такова, что если я их назову, прежде чем будет образована следственная комиссия, их легко могут убить.

Генерал. Я так понимаю, что Чайкин заявляет, что Дружкин заявил неким лицам в Закаспии, что капитан Тиг-Джонс является ответственным за упомянутые убийства.

Чайкин. Дружкин заявил ряду ответственных лиц в Закаспии, что Тиг-Джонс преступно причастен к убийству 26 комиссаров.

Генерал. Назовете ли вы теперь фамилии указанных лиц или нет?

Чайкин. Прежде чем ответить на этот вопрос, я желаю узнать, согласны ли вы образовать комиссию, о которой я просил

Генерал. Вы заявили в вашей телеграмме, что вы готовы пред[illegible] ваши доказательства британской миссии, то есть мне. Исполните вы это обещание или нет?

Чайкин. С тех пор, как мною была отправлена эта телеграмма, в положении дела произошла некоторая перемена. Мне известно, что Дружкин выехал из Асхабада и теперь находится в Баку. Его выезд состоялся с согласия британской миссии, что как будто указывает на то, что британцы считают Дружкина непричастным к убийствам. Однако, Дружкина следует опросить, а также министра иностранных дел Туркестана.

Генерал. Вами сделаны заявления о том, что Дружкин сделал другие заявления неким лицам в Закаспии. Вы отказываетесь назвать тех лиц, с которыми Дружкин говорил. *Потому ли, что Дружкина здесь нет?*

Чайкин. Прежде, чем будет созвана следственная комиссия, я затрудняюсь назвать упомянутых лиц, так как при существующих условиях свидетели могут быть убиты, прежде, чем соберется комиссия.

Генерал. Значит ваше заявление о том, что вы якобы имеете известные положительные доказательства, которые вы согласны представить британской миссии — не верно?

Чайкин. Имеющиеся у меня доказательства состоят лишь из списка (?) фамилий лиц, которых необходимо опросить по этому делу(?). Мне непонятно, какие еще нужны вам доказательства. Желаете ли вы, чтобы я вам представил трупы убитых лиц?

Генерал. Вы заявили, что у вас имеются положительные доказательства, что убийство 20 сентября совершено по приказу Тиг-Джонса и что вы согласны представить эти доказательства. Не мне вам указывать, в какую форму вам надлежит облечь эти доказательства.

Чайкин. Согласно заявления самого Дружкина, он был близко причастен к делу капитана Тиг-Джонса. Капитан Тиг-Джонс обещал представить свидетельство врачей о том, что убитые лица умерли естественной смертью.

Генерал. Чьи это слова?

Чайкин. Это слова Дружкина. Известно ли вам, что в русском законе имеется статья, гласящая, что заявление незаинтересованного лица по уголовному делу достаточно для возбуждения судебного следствия по таковому делу?

Генерал. Ваши заявления записаны мною в следующих словах: «Чайкин заявляет, что Дружкин сказал, что капитан Тиг-Джонс (?), что он согласен представитель свидетельства врачей о том, «что убитые лица умерли естественной смертью». Правильно ли это?

Чайкин. То, что вы записали, правильно(?). Я вас прошу ответить на мой вопрос. Согласны вы или не согласны образовать следственную комиссию, о которой я просил?

Генерал. Я желаю, чтобы вы придерживались существа. Вы говорите, что у вас имеются доказательства; я предлагаю вам их представить.

Чайкин. Разве вы не считаете мое заявление о представлении медицинских свидетельств доказательством (?)?

Генерал. Вы сделали заявления. Заявления—не доказательства, последних же я все еще жду.

Чайкин. Если вы не считаете это заявление доказательством, то я не понимаю, какого рода вам доказательства нужно.

Генерал. Вы не представили никаких доказательств. Прошу вас представить доказательства.

Чайкин. Я полагаю, что указания фамилии лица, состоявшего при британской миссии достаточно для того, чтобы признать это доказательством, а не заявлением (?).

Генерал. Представите ли теперь ваши доказательства?

Чайкин. Вы не признаете того, что я вам уже сказал, доказательством (??)?

Генерал. Я своего мнения не высказываю. Я предлагаю вам представить ваши доказательства, что капитан Тиг-Джонс является ответственным за убийство 20 сентября прошлого года указанных лиц.

Чайкин. Я считаю, что я уже представил одно доказательство. Я еще раз спрашиваю, согласны ли вы образовать следственную комиссию, о которой я просил?

Генерал. Вы обвинили английского офицера в убийстве и говорите, что вы это обвинение можете доказать; я этого и хочу.

Чайкин. Часть моих доказательств я уже представил. Остальную часть я согласен представить, если вы гарантируете безопасность свидетелей в этом деле, находящихся в Туркестане.

Генерал. В Баку вы ваши доказательства представили. Предлагаю вам сделать то же самое здесь. Вы заявили, что вы согласны это сделать.

Чайкин. Так как доказательства этих убийств близко касаются разных лиц в Туркестане, согласны ли вы гарантировать безопасность свидетелей в Туркестане?

Генерал. Этот ответ неудовлетворителен. В бакинской прессе говорилось, что вы эти доказательства представили в Баку. Я вас должен просить сделать то же самое здесь.

Чайкин. Имея в виду, что я состою членом социалистического комитета (?) в Баку (?), вполне естественно, что я представил мои доказательства названному комитету. Что касается неудовлетворительности моего ответа, то я считал вопрос относительно обеспечения безопасности свидетелей в Туркестане (??).

Генерал. Я в десятый раз повторяю. Вы явились сюда для того, чтобы представить известные доказательства британской миссии. Вы теперь находитесь в присутствии британской миссии, но вместо того, чтобы представить доказательства, вы начинаете разговор о комиссиях и о безопасности людей проживающих за 1,000 миль отсюда.

Чайкин. Желая (?) вам напомнить о моем общественном положении, я был назначен наместником Закавказья при первом Временном правител

стве. Я готов представить все доказательства, о которых я говорил, но только на поставленных мною условиях. Туркестанский комитет телеграфировал генералу Милльн и в Лондон с просьбою сделать заявление в Палате Общин относительно этих убийств.

Генерал. Мы разговариваем уже час о всевозможных предметах, включая ваше социальное положение, но вы не соглашаетесь представить доказательств в подтверждение вашего обвинения английского офицера в убийстве. Не сделаете ли вы теперь что-нибудь в этом направлении?

Чайкин. Я отказываюсь далее обсуждать это дело, так как вы, очевидно, не желаете созвать следственную комиссию и отказываетесь гарантировать безопасность свидетелей, которых я мог бы назвать. *Кроме того, Дружкина здесь нет (?).*

Генерал. Разве только отсутствие Дружкина мешает вам говорить?

Чайкин. Два обстоятельства особенно удерживают меня от желания высказаться:

1) Образование следственной комиссии.

2) Безопасность жителей (?) Закаспийской области.

Генерал. Я желал бы определенно услышать от вас, что вы отказываетесь от своего заявления, что вы имеете доказательства и что вы представите их британской миссии (?).

Чайкин. Я не отказываюсь представить доказательства, но, прежде, чем это сделать, я желал бы, чтобы некоторые условия, которые я уже упомянул, были исполнены. А так как вы, повидимому, не согласны исполнить эти требования, то я думаю, дальнейший разговор ни к чему не приведет.

Генерал. Значит вы отказываетесь от своего заявления и признаете, что оно было неправильным.

Чайкин. Я представил вам часть доказательств, остальную часть я не могу представить до тех пор, пока условия, упомянутые мною, не будут приняты.

Генерал. Я прочту вам те доказательства, которые вы мне представили:

1) Чайкин заявляет, что Дружкин сообщил некоторым лицам в Закаспийской области, имена которых вы отказываетесь назвать, что капитан Тиг-Джонс ответственен за убийство 20 сентября 1918 года. Правильно это?

Чайкин. Вполне правильно (?) так формулировать мое заявление, как вы это сделали. Капитан Тиг-Джонс имел разговор со многими лицами, занимающими высокое социальное положение. Ему хорошо было известно об убийствах и он говорил, что он выдаст медицинские свидетельства о том, что эти лица умерли естественной смертью. Если британская миссия не считает мои доказательства достаточными, то она может возбудить против меня судебное дело о диффамации (?)

Генерал. В цивилизованных странах люди считаются невиновными до тех пор, пока не будет доказана их виновность. Вы никаких доказательств

не представили... ограничились одними заявлениями. Поэтому капитан Тиг-Джонс остается невиновным.

Чайкин. Невиновность кого-либо может быть установлена только трибуналом (?). Такого трибунала здесь нет.

Генерал. Я вас попрошу дать мне письменное заявление о том, что ваше прежнее заявление о том, что вы готовы представить ваши доказательства, было неправдой.

Чайкин. Я согласен подписаться под таким заявлением (?), если вы, с своей стороны, выдадите мне письменное заявление о том, что вы отказываетесь образовать следственную комиссию и отказываетесь гарантировать безопасность свидетелей в Закаспии.

Генерал. Я о таких отказах не заявлял. Я желаю придерживаться существа дела и отказываюсь беседовать о погоде или о вашем общественном положении или вообще о каких бы то ни было посторонних предметах. Вы заявили, что вы представите доказательства, но вы этого не сделали.

Чайкин. В приглашении вашем посетить вас ничего не было сказано относительно предмета разговора, и я полагал, что мне будет позволено обсудить этот вопрос во всех подробностях (?).

Генерал. Я жду доказательства уже час и двадцать минут, и пока еще ничего не слышал о них. Вы имели 1 ч. 20 мин. для представления ваших доказательств, и за это время вы сделали только два заявления, которые касаются г-на Дружкина. Я теперь попрошу г-на Дружкина ответить на эти заявления.

(Входит г-н Дружкин).

Чайкин. Я указывал на двух лиц: г.г. Дружкина и Зимина, как на лиц, которых следует опросить. Я не могу согласиться на образование следственной комиссии в этой комнате и я не считаю допустимым остаться в комнате, если будет здесь начато такое следствие.

Генерал. Обращается к Дружкину. Сделали ли вы когда-нибудь заявление о том, что капитан Тиг-Джонс сказал, что он представит свидетельства о том, что убитые лица умерли естественной смертью.

Во время перевода этого вопроса г. Чайкин собрал своих двух спутников и свои бумаги и встал. Когда вопрос был переведен, он сказал длинную речь о том, что он крайне недоволен (?) обращением с ним(?) и пожалуется (?) генералу Милльн. Окончив эту речь, он в сопровождении своих спутников вышел из комнаты.

Дружкин. В первый раз я услышал об этом деле, когда генерал Кори и генерал Маллесон показали мне в Асхабаде газету от 12 марта. Это было первый раз, что я что-либо слышал об этом деле. 21 сентября я был в Асхабаде и того же числа был приглашен членом следственной комиссии по расследованию убийства. Я прибыл из Перми.

Генерал. Говорили ли вы кому-нибудь в Закаспийской области, что капитан Тиг-Джонс причастен к убийствам.

Дружкин. Я об этом ничего не знаю и не знаю лиц, замешанных в этом деле. Я думаю, что заявление относительно меня было сделано исключительно из-за недоброжелательного отношения ко мне нескольких лиц.

Затем Дружкин пред'явил письменное заявление.

От редакции («Искры»). Печатая беседу генерала Томсона с В. Чайкиным отмечаем, что подписи В. Чайкина, которая *подкрепила бы* (?) об'ективность изложения этой беседы, под ней не имеется.

Что касается существа дела, то редакция «Искры» считает нужным отметить, что В. Чайкин правильно ставил вопрос, когда добивался учреждения следственной комиссии. Только комиссия, на которой настаивал В. Чайкин, правомочна была бы судить, имеются ли у Чайкина исчерпывающие данные или нет.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 8).*

«О ТОЧНОМ ОТЧЕТЕ».

(Письмо в редакцию В. А. Чайкина) **).

Основываясь на п. 12 приложения к ст. 114 Устава о печати, каковой пункт в различных редакциях свойственен всем действующим ныне европейским законодательствам,—прошу в *трехдневный срок по получении сего, тем же шрифтом и, по возможности, на том же месте* (как и упоминаемое ниже сообщение) напечатать в вашей газете приводимое ниже возражение на помещенное в №№... сообщение великобританского штаба о моем свидании с ген. Томсоном.

В. Чайкин.

Тифлис.
11 апреля 1919 года.

В первых числах апреля во всех бакинских газетах появилось за подписью «британского командования», датированное 23 марта, сообщение о моем свидании с генералом Томсоном.

Сообщение это британский штаб, действующий по личному уполномочию генерала Томсона, называет «точным отчетом», а свое выступление в свет об'ясняет «искаженностью отчета о беседовании г. Чайкина с генералом Томсоном».

Официальное свидание с кавказским представителем великобританского правительства имел 23 марта я; мне же принадлежит напечатанная

---

*) Цитируется из бакинской газеты «Знамя Труда» № 89, 253 от 30/IV—19 г.

**) Бакинским газетам: «Знамени Труда», «Заре», «Искре», «Азербайджану», (на русском и тюркском языках), «Единой России», «Нашему Времени» и др.

в № 68 тифлисской газеты «Борьба» и отправленная 24 марта бакинской социалистической прессе телеграмма, которая одна может быть названа *отчетом* в собственном смысле этого слова, исходящим от моего имени. Упомянутое сообщение «британского командования», таким образом, имеет ко мне двоякое отношение: генерал Томсон пытается возражать в моем лице и туркестанскому общественному работнику, инкриминирующему отдельным агентам великобританского правительства тяжкие уголовные преступления, и автору телеграфного отчета о свидании 3 марта.

Такое двуединство цели, преследуемое «британским командованием», всемерно приветствуется мною, так как оно открывает общественную возможность говорить сразу о двух сторонах вопроса, о соответствии отчета генерала Томсона действительности и об общественно политической природе «дела 26-ти», затемненной или искаженной этим отчетом.

Поэтому, несмотря на запоздалое прочтение мною *сообщения «британского командования»*, я считаю своей общественной обязанностью точно и отчетливо ответить на все недоуменные вопросы, какие, несомненно, возникали у читателей моего «беседования» (в изложении «британского командования») с генералом Томсоном.

ТОЧЕН ЛИ «ТОЧНЫЙ ОТЧЕТ» ГЕНЕРАЛА ТОМСОНА?

«Точный отчет» генерала Томсона о свидании 23 марта начинается указанием на «искаженность отчета о беседовании г. Чайкина с генералом Томсоном». Ниже в приложении мною приводится текстуально фактическая часть моего телеграфного отчета бакинской социалистической прессе *). В полном согласии с записью исполнявшего при переговорах обязанности секретаря присяжного поверенного Н. А. Тарханова, *я утверждаю, что все сообщенное в этом отчете вкратце, но с абсолютной точностью, передает сущность нашего разговора с генералом Томсоном.*

Иначе рисуется дело с «точным отчетом» генерала Томсона, и я представлю этому исчерпывающие доказательства, придерживаясь по необходимости сумбурного и до странности неграмотного изложения «британского командования».

1. *Генерал (Томсон).* «Г-н Чайкин телеграфно сообщил из Тифлиса бакинской прессе свой адрес и заявил, что в случае, если британское командование пожелает иметь какие-либо сведения, он готов поставить себя в их (чье?) распоряжение».

— Разумеется, ничего подобного изложенному я бакинской прессе не телеграфировал, а также не говорил приписанных им впоследствии самому себе слов генерал Томсон. В моей телеграмме из Тифлиса в Баку [illegible] редакции «Знамени Труда» заключались лишь следующие слова: «Сооб[illegible] к сведению редакции и официальных лиц мой тифлисский адрес...» Для всех, кто хоть сколько-нибудь разбирается в моих отношениях [illegible]

«британского командования» в лице г.г.: Тиг-Джонса, Маллесона и Томсона, должно быть очевидно, что только беззаботному в политическом отношении и не выбирающему терминов генералу могло прийти в голову,—даже задним числом, будто я «готов поставить себя в их распоряжение».

Речь шла лишь о сообщении мною «необходимых для начатия следствия данных», да и то дипломатическому представительству Великобритании, а не генералам, выступающим *до производства следствия* с реабилитацией Тиг-Джонса и увозящим всеми правдами и неправдами «за пределы досягаемости» г-на Дружкина, которому публично пред'явлены уголовные обвинения.

Итак, я утверждаю, что в цитированном пункте «точного отчета» заключается, выражаясь мягко, «неточность».

2. *Генерал (Томсон).* Капитан Хунт прочтет выдержку из статьи в газете «Новая Заря».

Ни в Баку, ни во всем Каказказьи нет газеты, которая носила бы такое название, и это устанавливает с неопровержимой ясностью, что «точные отчеты» британского командования, в противоположность английской корректности и пунктуальности, составляются «по памяти».

3. *Чайкин.* (В ответ на просьбу Томсона о доказательствах). «Я готов представить их следственной комиссии, составленной из: 1) представителя британского правительства; 2) представителя той части Туркестана, *которая находится под властью большевиков* и 3) представителя бакинского пролетариата».

На этой ответственнейшей части моего заявления я приглашаю читателей остановить свое особенное внимание, ибо вся она в передаче генерала Томсона представляет из себя сплошную, на этот раз злостную (п. 2) неправду. Именно, я ультимативно требовал создания смешанной следственной комиссии: 1) из представителя следственных властей Великобритании; 2) представителя *несоветского Туркестана* (конкретно, заявил я, от общедемократического с'езда Закаспийской области или при невозможности созвать таковой, от комитета по созыву Туркестанского учредительного собрания) и 3) от бакинского пролетариата.

Если еще 1 и 3 пункты могут быть доброжелателями генерала Томсона об'яснены его неосторожностью в выборе терминов и недостаточной подготовленностью по части «тонких» социологическо-юридических понятий, то 2-ой пункт должен быть квалифицирован только, как попытка извратить «с заранее обдуманным намерением» самое существо моей позиции в вопросе об убийстве 26 бакинских комиссаров. Потому что приписать мне требование представительства «той части Туркестана» которая находится под властью большевиков», и умолчать о ссылке (в «точном отчете») на закаспийский общедемократический с'езд и комитет по созыву Туркестанского учредительного собрания,—это значит действовать без тени джентльменства, не учитывая последствий такого поведения.

Мотивы этого поведения прозрачны и не возбуждают сомнений и, в то же время бьют решительно мимо цели: мое отношение к всероссийскому и, в частности, туркестанскому большевизму выявлялось не раз с достаточной ясностью, и надо иметь «мораль дикаря», чтобы делать вывод, будто всякий, кто против предательского убийства безоружных людей, является их идейным единомышленником или близок к этому. Для достижения полной ясности в данном вопросе, однако, оговорюсь, что не вижу ни политических, ни юридических препятствий к введению в состав будущей следственной комиссии и представителя большевиков, поскольку будет признано целесообразным формировать ее по признаку представительства *сторон* (так как были убиты 26 членов партии большевиков-коммунистов). Так точно, как в свое время я выскажусь за введение, с решающим или совещательным голосом, в соответственную коллегию представителя партии социалистов-революционеров, когда будут предметом общественно-следственного обследования неистовства большевистского «красного террора».

44. *Генерал (Томсон):* «Я напоминаю г-ну Чайкину, что он обвинил британского офицера в убийстве, 20 сентября 1918 года, 26 человек. Это *ничего общего с политическим положением Туркестана не имеет*».

Видимо переводчик генерала Томсона, не желая ронять престижа своего патрона, «смягчил» данное заявление, потому что такой именно фразы мне сказано не было. Не сомневаюсь, что моим ответом на *такую* фразу было бы только следующее: «Скажите генералу Томсону, что у него отсутствует элементарное понимание того, что происходило и происходит в Закаспии, если он думает, будто официальный увоз из «взятого англичанами под контроль города Красноводска 26 человек для убийства не имеет «ничего общего с политическим положением Туркестана».

5. *Чайкин. Я не придерживаюсь* мнения, что убийство вышеупомянутых людей тесно связано с настоящим политическим положением Туркестана».

Бессмысленность приписывания мне подобного заявления очевидна, ибо мое выступление в печати по делу об убийстве 26 бакинцев, помимо чисто этических побуждений, обусловлено как раз желанием вскрыть и доказать насколько связаны закаспийские преступления с существующим там *оккупационным режимом*.

Не желая утомлять внимания читателей дальнейшим анализом «точного отчета» генерала Томсона, я вкратце перечислю лишь явные несуразности, умолчания и измышления этого «отчета» и остановлюсь в конце на двух прямых доказательствах *сознательного желания* генерала Томсона, путем опубликования официальной неправды, ввести в заблуждение закавказское общественное мнение.

а) Генералом Томсоном скрыто в официальном отчете мое, сделанное в самом начале переговоров 23 марта заявление, что я подтверждаю и попрежнему отвечаю полностью за все мои сообщения в печати о преступлении Тиг-Джонса и Дружкина.

б) Генералом Томсоном скрыта от общества моя точная ссылка на необходимость допросить по делу о 26 убитых бакинцев в качестве свидетеля *Льва Александровича Зимина* *), члена закаспийского комитет общественного спасения, которому известны обстоятельства, устанавливающие прикосновенность к убийству комиссаров капитана Тиг-Джонса и присяжного поверенного Дружкина.

в) «Точный отчет» генерала Томсона приписал мне заявление, будто я «был назначен наместником Закавказья при первом Временном правительстве», хотя это—совершеннейшая выдумка: я был назначен «наместником» вернее председателем туркестанского комитета Временного правительства не Закавказья, а туркестана, и не при первом Временном правительстве, которое, как известно, было ликвидировано после апрельского выступления в Петербурге против Милюкова, а в начале августа 1917 г., по представлению «Тукрамуса» (Туркестанского краевого мусульманского совета) и шести министров социалистов. Указ о моем назначении был контрассигнирован министром внутренних дел И. Г. Церетелли **).

г) Ни туркестанский комитет (к сведению генерала Томсона это совсем не то, что комитет по созыву Туркестанского учредительного собрания) и никакая другая организация телеграммы в Лондон с просьбой сделать заявление в Палате Общин относительно этих убийств не посылали. Обширную депешу по адресу: London, Speaker House Commons (Лондон, председателю Палаты Общин) с изложением роли Тиг-Джонса, Маллесона и Томсона во всем этом виде и с присоединением текста телеграфного обращения социалистических организаций Закавказья к секретарю Бернской международной социалистической конференции—отправил лично я, В. А. Чайкин.

д) Генералом Томсоном извращенно передано мое заявление о готовности в письменной форме отказаться от дачи ему дальнейших, относящихся к виновности Тиг-Джонса и Дружкина, сведений. Конечно, я, располагая такими сведениями, не говорил и не мог сказать, будто согласен подписаться под *таким* заявлением, (что *моя готовность представить доказательства была неправдой*).

е) Мне приписано генералом Томсоном заявление: «Если британская миссия не считает мои доказательства достаточными, то она может возбудить против меня судебное дело о *диффамации*». Мною было сказано буквально следующее: «Если генерал Томсон так убежден в невиновности капитана Тиг-Джонса и не видит выхода из создавшегося положения, то я подскажу ему этот выход—привлечь меня от имени великобританской миссии (подразумевалось—по уполномочию Тиг-Джонса) к судебной ответственности *за клевету*».

*) О допросе Л. А. Зимина и бывшего начальника красноводской милиции Ф. Алания в начатом следствии об убийстве 26 бакинцев, мною подано заявление судебному следователю Кизил-Арватского участка (по месту совершения убийства) и генерал-прокурору закаспийского правительства.

**) О моем отказе от поста см. выпуск III. («Межнациональные отношения революционной России») и выпуск I. («Туркестан и империалисты»).

Не трудно видеть, насколько второе мое заявление отличается от приписанного мне генералом Томсоном, особенно если учесть, что по делам о диффамации (сообщение позорящих честь сведений) обвиняемый лишен представлять какие бы то ни было доказательства, кроме письменных, в то время, как при обвинении в клевете привлекаемый к ответственности может доказывать правильность инкриминируемых им кому-либо обвинений всеми способами, включая свидетельские показания.

С неменьшим цинизмом, но гораздо большей безоглядностью рассек генерал Томсон «Гордиев узел» всего вопроса—об имеющихся у меня доказательствах виновности Тиг-Джонса.

Чайкин (на вопрос о доказательствах). «Имеющиеся у меня доказательства *состоят лишь из списка фамилий лиц*, которых необходимо опросить по этому делу».

Не приходится пояснять, что ничего подобного я не говорил, что вся эта фраза из «точного отчета» генерала Томсона есть заведомая ложь. Напротив, мною неоднократно и в печати и во время переговоров 23 марта подчеркивалось, что у меня имеются изобличающие Тиг-Джонса и Дружкина *доказательства*. Какова сила этих доказательств, явствует из упоминавшейся выше телеграммы социалистических организаций Закавказья Интернационалу.

«Швейцария. Берн. Секретариату международной социалистической конференции.

Заслушав сообщение члена Всероссийского Учредительного Собрания от Туркестана и секретаря комитета по созыву Туркестанского учредительного собрания Вадима Чайкина, о предательском и злодейском убийстве в Туркестане двадцати шести пленных бакинских комиссаров-большевиков и *ознакомившись с данными, достаточно изобличающими участие в организации этого преступления главы великобританской миссии в Асхабаде Реджинальда Тиг-Джонсона,*—представители нижепоименованных социалистических партий, постановили: 1) сообщить секретариату Бернской международной социалистической конференции о действиях великобританских оккупационных властей для осведомления международной демократии, и, в первую очередь, демократии Англии; 2) просить секретариат Бернской конференции направить на Кавказ и Туркестан особую делегацию для расследования этого вопиющего преступления.

Закавказский областной комитет партии социалистов-революционеров в лице члена комитета *Булгакова*.

Областной организационный комитет социал-демократической рабочей партии в лице товарища председателя комитета *Попова*.

Центральный комитет партии социалистов-революционеров Грузии—в лице председателя комитета *Шенгелая*».

Но характернее всего по внутреннему комизму и по беззастенчивости обращения с фактами заключительная часть «точного» отчета генерала Томсона.

«Когда вопрос (Дружкину) был переведен, он (Чайкин) сказал длинную речь о том, что крайне недоволен обращением с ним и пожалуется генералу Милльн». В действительности-же, мною в это время была вынута из портфеля и прочтена, в об'яснение моего нежелания присутствовать при допросе Дружкина, внимательно выслушанная переводчиком-англичанином бумага, следующего содержания:

«*К сведению закаспийской директории.* Считая господина Дружкина незаконно присвоившим себе права члена закаспийской директории, как вошедшего в его состав по ордеру английского командования, и вопреки постановлению исполнительного комитета Закаспийской области от 1 января 1919 года,—я от использования двух пропусков в областную тюрьму (для свидания с заключенными) за подписью «С. Дружкин», отказываюсь. В. Чайкин. Город Асхабад. 28 февраля 1919 года».

Затем, уже уходя, я выразил сожаление, что генерал Томсон не понимает всей серьезности положения и пытается наивной фальсификацией следствия потушить дело, о котором уже сообщено Бернскому секретариату социалистической конференции, и на-днях будет послана телеграмма Спикеру Палаты Общин, а также—генералу Миллыну.

Таков «точный отчет» генерала Томсона, с которым он решился выступить на суд общества, яко-бы вследствие «искаженности отчета о беседовании г. Чайкина».

Приложение к письму В. А. Чайкина.

Удостоверение Н. А. Тарханова.

Соответствующая часть настоящего возражения (стр. 1—7) в окончательной редакции, до отправки бакинской прессе, была пред'явлена тов. В. А. Тарханову, который полностью подтвердил правильность и точность всех исправлений к отчету генерала Томсона.

Заявление С. Л. Рафаловича.

«Подтверждаю, что исправления В. А. Чайкина (от 11 апреля 1919 г., стр. 1—7: «Точен ли «точный отчет» генерала Томсона?») к отчету генерала Томсона в точности соответствуют тому, что говорилось во время свидания 23 марта и в переводе чего я принимал участие.

Сергей Рафалович».

ПРИЛОЖЕНИЕ № 9 *).

НА КОМ ЛЕЖИТ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УБИЙСТВО 26-ТИ?

В сообщении британского командования, напечатанном 25—26 марта во всех бакинских газетах, а позднее — в отчете генерала Томсона от 23 марта, на убийство 26 бакинских комиссаров устанавливается тот взгляд, что оно является посторонним для великобританских оккупационных властей делом и потому ни в какой мере не может быть об'яснено общей неудовлетворительностью, сложившейся в Закаспии под английским влиянием системы управления. Разбиравшийся выше отчет генерала Томсона ставит одною из своих основных целей именно эту мысль, когда в нем упорно, в нескольких местах, подчеркивается, что «ничего общего с политическим положением Туркестана» убийство 26-ти не имеет. В то же время, в ряде актов и заявлений дипломатических представителей Великобритании в Туркестане и Закавказьи был неоднократно и торжественно возглашен принцип невмешательства британского командования *во внутренние дела* России и новых государственных образований на территории бывшей Российской монархии.

Местная практика, однако, внимательно опрокидывает эту сен-джемскую «теорию», созданную, повидимому, исключительно для «наружного употребления» — в Западной Европе и особенно в Новом Свете. В связи с этой двойственной великобританской политики в Туркестане (точнее— в Закаспийской области) пришло время опубликовать ряд данных, способных пролить свет на ту *общую обстановку*, в которой делается неизбежным появление Тиг-Джонсов и Дружкиных.

В секретном договоре, заключенном 19-го августа 1918 года великобританским правительством (в лице генерала Маллесона) и исполнительным комитетом Закаспийской области, пунктом «В» раздела 1-го определенно характеризовалась цель соглашения—как «оказание сопротивления турко-немецким планам военных захватов и политического господства в Закаспии и Туркестане». Указанная цель просачивает собою весь этот любопытный документ, кстати сказать—подписанный по «брест-литовскому рецепту», без обсуждения его другой стороны.

В частности, Красноводск, которому в то время грозили исключительно турко-немцы, выделяется в особый «договорный момент», и за англичанами, «в виду морского и специально-технического значения» защиты этого портового города, признаются здесь особые права по сравнению с их правами на прочей территории Закаспия. Было бы естественным ожидать, что по мере ослабления и даже полной ликвидации турко-немецкой опасности для Красноводска и всего Закаспия, права английского командования здесь должны сужаться, а не возрастать. Не то, однако, оказалось на практике. Уже задолго до начала ноября простое право англичан имет[illegible] *в Красноводск[illegible]*

---

*) Цитируется из бакинской с.-р. газеты «Знамя Труда», № 93 (257) [illegible]

свои войска «под исключительным командованием старшего английского офицера» разрастается до пределов «контроля над портами Красноводска *и Энзели*» (Персия). Несколько позже, опять-таки, вопреки логике и фактам, генерал Маллесон упорно «настаивает на праве англичан распоряжаться (несмотря на официальные протесты закаспийского правительства) красноводским портом в военном отношении», при чем в это последнее понятие вкладывается смысл, *превращающий Красноводск фактически в английский город.* Я останавливаю особое внимание читателей на этом обстоятельстве, так как, имея общее значение, оно в то же время ближайшим образом относится и к истории убийства 26 бакинских комиссаров.

Не менее своеобразно и широко трактуется формула о «полном невмешательстве во внутренние дела Закаспия» в области гражданского управления краем. По авторитетному свидетельству члена закаспийского комитета общественного спасения и министра иностранных дел закаспийского правительства Л. А. Зимина в конце декабря «английскими караулами были заняты внешние государственные учреждения в Асхабаде, в том числе и помещение исполнительного комитета. Одновременно стало известно мне, как управляющему иностранными делами,—продолжает Л. А. Зимин,— что великобританская миссия *до митинга уже* (31 декабря, который явился формальной причиной вмешательства англичан) вела переговоры с отдельными лицами об образовании директории, которая произвела бы переворот, захватив власть и распустив исполнительный комитет (с которым, напомним, был заключен великобританским правительством договор 19 августа) вместе с советом управляющих делами. Сообщение об этих переговорах было сделано мне сначала начальником розыскного бюро Дружкиным, а затем Тиг-Джонсом, задавшим мне вопрос, соглашусь ли я войти в директорию. Я заявил, что войти в состав правительства, которое низвергнет законную власть и будет опираться только на иностранную вооруженную силу, никогда не соглашусь».

Лично мне известно, что еще за неделю до митинга, решившего формально участь исполнительного комитета, как «безсильного бороться с анархией», при ближайшем участии Тиг-Джонса, Дружкина и др., происходило тайное заседание, на котором переворот 1 января был решен вне всякой, разумеется, связи с будущим «внезапным народным волнением». Таким образом, на практике, «невмешательство во внутренние дела» привело высшего представителя великобританского правительства в Асхабаде к тщательно подготовленному заговору против законной, признанной англичанами договаривающейся стороной, власти. При этом заговор осуществился вкупе с главою закаспийского розыскного бюро Дружкиным, который «за оказанные им великобританскому правительству неоценимые услуги» (подлинное выражение генерала Маллесона), конечно, не должен был остаться за флагом при разверстании риз закаспийского «законного правительства».

В результате капитан Тиг-Джонс, действуя именем великобританского

правительства, на заседании 4 января потребовал в ультимативной форме включения в число «директоров» комитета общественного спасения своего соратника С. Л. Дружкина, что «в виду безвыходности создавшегося положения»—и было выполнено.

Подходя вплотную к вопросу о том, кто, помимо названных мною в свое время прямых организаторов убийства 26-ти, должен нести за него ответственность, необходимо вспомнить обстановку увоза из Красноводска 19 сентября бакинских комиссаров и поведение в это время властей взятого «под английский контроль» города. Комиссаров брали из красноводской тюрьмы в-открытую, не таясь: об этом знали все, даже обыватели, не говоря уже о русско-английских властях,—при чем выдача 26 заключенных происходила без соблюдения обычных формальностей, обязательных всегда, когда речь идет о переводе арестованных из одного города в другой. Но ведь это был увоз *туда,* где не требуется «сдаточных ведомостей». Об увозе 26 комиссаров неизвестно куда узнал даже находившийся в Мешеде (в Персии) закаспийский министр внутренних дел Дохов, тревожно запросивший о судьбе комиссаров Л. А. Зимина шифрованной депешей. *Не знают,* делают вид, что не знают—об этом только двое: глава великобританской миссии в Асхабаде капитан Тиг-Джонс и председатель розыскного бюро всей Закаспийской области Дружкин.

И генерал Томсон, оставшись 23 марта в неожиданном tête-a-tête'е с этим господином, с удовлетворением записывает в официальном отчете «британского командования»:

Генерал (Томсон—Дружкину)—Говорили вы кому-нибудь в Закаспийской области, что капитан Тиг-Джонс причастен к убийству?

Дружкин. Я об этом ничего не знаю и не знаю лиц, замешанных в этом деле».

Краска негодования зальет лицо всякого честного человека, который прочтет эти лицемерные официальные строки отчета «британского командования».

Остается сказать несколько слов о генерале Маллесоне. Во время совершения преступления на перегоне «Перевал»—«Ахча-Куйма», 20 сентября 1918 года, он занимает пост главного представителя великобританского правительства для Персии и Туркестана и является непосредственным начальником главы великобританской миссии в Асхабаде капитана Тиг-Джонса. Резиденция генерала Маллесона находится в Мешеде. Документальные данные, пред'явленные мною социалистическим организациям Закавказья, устанавливают с ясностью, что именно от властей Мешеда принимал на себя обязательство капитан Тиг-Джонс, а через его посредство Дружкин—доставить непосредственным исполнителям *казни* удостоверения о фиктивной сдаче там 26 убитых комиссаров.

Казалось бы, генерал Маллесон, на которого, таким образом, падает страшная тень непонятной солидарности с Тиг-Джонсом и Дружкиным, что

жен был принять чрезвычайные меры к организации независимой следственной комиссии и, прежде всего, к допросу следственными властями Дружкина. Вместо этого Дружкин получает от генерала Маллесона *охранную грамоту* великобританского правительства до Константинополя и щедрые «тридцать сребренников» за оказанные им великобританскому правительству неоценимые услуги».

Вся эта таинственная цепь событий, причудливо связавшая Тиг-Джонса, Дружкина, Томсона и Маллесона, их необыкновенное доверие друг к другу, переходящее границы здравого смысла, наконец, их солидарность и стойкое отстаивание друг другом интересов друг друга,—все это, конечно, рано или поздно, приведет дело к судебному разрешению.

И я,—в заключение,—выражаю глубокую уверенность, что вызвавший настоящее возражение, извращенный и сумбурный отчет генерала Томсона о свидании 23 марта явится, помимо воли его автора, одною из тех ступеней, которые приведут общественную совесть к открытому изобличению *всех вдохновителей* и непосредственных виновников злодеяния 20 сентября.

Вадим Чайкин.

Тифлис.
11 апреля, 1919 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 10. *).

ПО ПОВОДУ ОФИЦИАЛЬНОГО СООБЩЕНИЯ (от 29/V—19 г.).

Б бакинских газетах опубликовано новое официальное сообщение британского штаба—«О степени причастности капитана Тиг-Джонса к убийству 26 бакинских комиссаров».

Руководимый дурными юристами британский штаб, прежде отрицавший какое бы то ни было прикосновение Р. Ф. Тиг-Джонса к закаспийскому преступлению, на этот раз уже признает, что «капитан Тиг-Джонс предлагал отправить комиссаров в Индию» и затем «через два дня узнал, что относительно комиссаров приняты меры, *при чем намекалось на их убийство;* об этом капитан Тиг-Джонс немедленно сообщил генералу Маллесону».

Достаточно сопоставить три официально установленных факта, чтобы понять, какую роковую роль способно сыграть в судьбе капитана Тиг-Джонса, С. Л. Дружкина и их соучастников это запоздалое признание британского штаба.

1) Капитан Тиг-Джонс, действуя именем великобританского правительства, 4 января потребовал включения в число «директоров» комитета общественного спасения Закаспийской области С. Л. Дружкина.

---

*) Цитируется из бакинской с.-р. газеты «Знамя Труда», № 107 (271), от [illegible]

(Письменное заявление члена директории Л. А. Зимина от 4 марта).

2) *Генерал Томсон* (допрашивая в Тифлисе 23 марта С. Л. Дружкина): «Говорили ли вы кому-нибудь в Закаспийской области, что капитан Джонс причастен к убийству».

С. Л. Дружкин, «Я об этом ничего не знаю и *не знаю лиц, замешанных* в этом деле».

(Официальный отчет британского штаба от 23 марта).

3) Капитан Тиг-Джонс предлагал отправить комиссаров в Индию, получил заверение «одного из членов асхабадского комитета», что тот «может сделать *свои распоряжения»;* через два дня узнал об убийстве комиссаров и «спустя некоторое время» — «с негодованием отказался» «удостоверить, что комиссары отправлены в Индию».

В последующем на протяжении полугода (с конца сентября по 23 марта) ставленник и «ближайший друг» Тиг-Джонса С. Л. Дружкин, занимавший все время непрерывно пост главы закаспийского розыскного бюро, «об этом ничего не знает и не знает лиц, замешанных в этом деле», а капитан Тиг-Джонс и генерал Маллесон, хранят и по сей день упорное молчание об «*одном члене асхабадского комитета*», хотя мрачная тень самых тяжких подозрений давно уже окутала в общественном правосознании их имена вместе с именем скрывшегося «директора» Закаспия С. Л. Дружкина.

Не приходится доказывать, что только беспристрастная следственная комиссия, облеченная чрезвычайными полномочиями, способна обнаружить всех виновников злодеяния 20 сентября.

Выступление британского штаба заканчивается «раз'яснением», что все мои заявления в печати об убийстве 26 комиссаров сделаны «с единственной целью возбудить общественное мнение против англичан».

Всех тех, кто прочел или прочтет эту безответственную клевету, я отсылаю к моей радиограмме на имя Скипера Палаты Общин—от 2 апреля, где подчеркивается дружественность российской демократии к великой демократии Англии и выражается уверенность в готовности последней властно вмешаться в деяния закаспийско-закавказских оккупационных властей.

Обращаясь к тифлисским и бакинским периодическим изданиям с просьбой дать в интересах общественности место настоящему моему заявлению.

Вадим Чайкин

Тифлис.
25 мая 1919 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 11 *).

МАЛОДУШИЕ ИЛИ РЕПТИЛЬНОСТЬ...

(Письмо в редакцию В. А. Чайкина).

Во второй половине апреля т. г. я обратился к пяти бакинским газетам «Знамени Труда», «Искре», «Азербейджану», «Единой России» и «Нашему Времени» с письменным предложением напечатать возражение на отчет «британского командования» о моем официальном свидании с генералом Томсоном. **). Возражение это устанавливало с исчерпывающей ясностью умысел генерала Томсона ввести общественное мнение Закавказья в заблуждение относительно имеющихся у меня доказательств преступности капитана английской службы Р. Ф. Тиг-Джонса и агента английской контр-разведки, присяжного поверенного С. Л. Дружкина.

Посылая газетам возражение, я полагаю, что бакинская пресса, услужливо предоставившая свои столбцы писаниям генерала Томсона, сочтет гражданской обязанностью дать место моему возражению, полная об'ективность которого, кстати сказать, была официально, в письменной форме, удостоверена свидетелями переговоров — С. Л. Рафаловичем и Н. А. Тархановым.

К сожалению, все перечисленные издания, кроме «Знамени Труда», не нашли в себе достаточно мужества для напечатания возражения и даже не решились осведомить своих читателей о наличности действительных или воображаемых «независящих обстоятельств».

Единственым достойным ответом на такое поведение почти всей бакинской прессы было бы принудительное напечатание моего возражения, по крайней мере—в его конкретной части, что я предполагал осуществить путем привлечения четырех перечисленных изданий к судебной ответственности.

Однако, калейдоскопическое чередование событий в Баку и во всем Закавказьи, *общественное заявление итальянской* миссии в Батуме ***) и вынужденный от'езд с Кавказа генерала Томсона—все это в корне изменило политическую «обстановку дня» и делает теперь запоздалым и излишним напечатание возражения, которое ставило себе цели, ныне в значительной части осуществившиеся.

Но за вычетом из поведения газет их формальной ответственности—остается обязанность всякого уважающего себя органа печати выяснить обществу меру своей неосторожности, малодушия или рептильности, когда этого требует отказывающаяся от содействия формального суда сторона.

Руководствуясь изложенными соображениями и не считая возможным

---

*) Цитируется по Бакинской с.-р. газеты «Знамя Труда», № 107 (271), от 1/VI—19 г.

**) См. №№ 89 и 93 «Знамени Труда» от 30 апреля и 6 мая (1919 г.).

***) [illegible]

входить в какие бы то ни было отношения, кроме как через официальный суд, с об'единенной редакцией «Единой России» и «Нашего Времени»,—я по телеграфу привлек газеты «Искру» и «Азербейджан» к третейскому суду «*ненапечатание моего опровержения, умолчание о нем и недачу своевременного об'яснения такому поведению*».

Этим шагом, на ряду с осведомлением читателей перечисленных газет о поведении «большей прессы» города Баку, я хотел бы способствовать обнажению ее подлинных позиций и установлению правды там, где «тактические соображения» часто выливаются в старинное, но надежное правило:

«...угождать всем без из'ятия
Слуге, который чистит платье,
Собаке дворника, чтоб ласкова была...».

Вадим Чайкин.

Тифлис, 25 мая, 1919 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 12 *).

ИЗ ПРОШЛОГО ТУРКЕСТАНА.

В беседе с т. И. Степаньянцем, членом исп. комитета раб. и солд. депутатов г. Андижана, Ферганской области, нам пришлось познакомиться с несколькими интересными эпизодами из прошлой деятельности В. А. Чайкина, с именем которого связан сейчас ряд разоблачений о «современном» Туркестане.

Тов. Чайкин прибыл в Туркестан осенью 1916 г. и немедленно принялся за трудную в тех условиях общественную работу.

В первый раз в крупнейшем хлопковом центре Ферганы-Андижане появилась газета «Туркестанский голос»—«радикально-левого направления, по обывательской терминологии. Душой газеты были—В. А. Чайкин и скрывшиеся под чужими фамилиями В. М. Качинский и Ю. Н. Подбельский, впоследствии выехавшие в Россию. Одним из членов редакционной коллегии был и сам тов. Степаньянц. Газета стойко выдержала все обычные кары административных мероприятий «доброго» старого времени и сыграла исключительную роль в истории Туркестана. «Туркестанский Голос», с Чайкиным во главе, был первым органом, который сумел создать тесную связь с сартской демократической интеллигенцией на народнической платформе.

В недрах «Туркестанского Голоса» возникло впервые в Туркестане революционное ядро сартской демократии, ядро, выдвинувшееся в эпоху ...

*) Перепечатка из бакинской с.-р. газеты «Знамя Труда» № ...

люции в сильное и организованное течение, сыгравшее не последнюю роль в общественно-политическом мнении Туркстана. Всем, кто следил за русской жизнью последних лет, памятны, вероятно, «повстанческие события» в связи с призывом мусульман на тыловые прифронтовые работы. Гор. Джизак, с десятками тысяч туземного насеелния, вместе с окрестными селами, был разрушен до тла экспедицией полк. Иванова, позже назначенного Ферганским губернатором за удачное истребление мирного населения. Неизвестно, каких размеров могло бы достигнуть это ужасное бедствие, вызванное провокацией и питаемое невежеством и темнотой туземцев, если бы В. А. Чайкин не выехал в Петербург и не успел убедить тогда члена государственной думы А. Ф. Керенского и др. выехать в Туркестан и тем обратил внимание русского «парламента» на грозное бедствие.

Перешедшая границы власть опомнилась. Генерал-губернатор был смещен, и на вакантное место был назначен небезызвстный ген. Куропаткин, которому дана была инструкция окончить дело миром. «Восстание» быстро ликвидировалось. Были учреждены местные комитеты из туземцев же, которые уже без разрушений и карательных экспедиций производили набор. Однако, для сохранения «престижа» власти все же был учрежден цлый ряд военно-полевых судов для наказания «зачинщиков».

Надо знать природную миролюбивость сартов для того, чтобы понять всю нелепость такой квалификации, как «восстание» и «зачинщики». Куропаткин повел дело весьма «дипломатично». Он произносил речи—такие, какие подобает произносить в этих случаях: уверял туземцев в своей благосклонности к ним и т. д. Военно-полевые же суды, вынесшие десятками смертные приговоры и ссылки в каторгу, на деле обратились в учреждения, выполнявшие лишь формально свои функции. Генерал-губернатор, как главнокомандующий, облеченный чрезвычайными правами, чаще всего совершенно освобождал приговоренных в порядке генерал-губернаторской милости. Эта милость нередко принимала характер курьеза: каторга заменялась двухнедельным арестом, смертная казнь — месяцем тюрьмы и т. д.

Правда, «престиж власти» все же не подвергался опасности: для «науки» из каждой партии кого-нибудь да вешали.

В это самое время В. Чайкиным в «Туркестанском Голосе» была помещена статья под заглавием: «Торг со смертниками». Существо дела коротко сводилось к следующему: военно-полевым судом были приговорены к смертной казни восемь туземцев. Последние обратились к своим защитникам, пяти ташкентским присяжным поверенным, с просьбой составить для них кассационную телеграмму на имя выехавшего из Ташкента генерал-губернатора. Срок кассации уже истекал. Адвокаты за составление такой телеграммы потребовали огромную сумму в несколько тысяч рублей. «Смертники», не будучи в состоянии выплатить этой суммы, сначала стали просить, а затем умолять «адвокатов» согласиться на меньшую сумму. Последние на это, однако, не соглашались, требуя немедленной уплаты

Жены приговоренных и дети их на коленях умоляли спасти их мужей и отцов от смерти, целовали им ноги, рвали на себе волосы; адвокаты оставались глухи и неумолимы. Тогда родственники приговоренных все разбрелись по городу и собрали здесь и там требуемую адвокатами сумму.

Появление статьи в газете «Туркестанский Голос» и одновременно во всех столичных газетах телеграммы об этом деле—вызвало целую бурю.

Когда В. А. Чайкин, проездом в Россию, остановился в Ташкенте, его вызвал к себе генерал-губернатор Туркестанского края генерал А. Н. Куропаткин и предложил ему тот же вопрос, который был предложен ему другим генералом—Томсоном, фактически считающим себя генерал-губернатором Закавказья. На предложение генерала Куропаткина представить доказательства, подтверждающие виновность пяти ташкентских присяжных поверенных, В. А. Чайкин категорически отказал ему в этом, мотивируя тем, что он доказательства может представить либо судебным властям, либо же органу общественному. Куропаткин был удивлен этим; логика В. А. Чайкина ему была непонятна, и он предположил, что возражение В. А. Чайкина об'ясняется отсутствием улик против «пяти».

Проводя аналогию с делом о 26 казненных бакинских комиссаров, поражаешься единомыслию русского и английского генералов: генеральская сословная логика, повидимому, не зависит ни от времени, ни от места, ни даже от национальности—«единое интернациональное генеральское классовое мышление».

Вопрос о «смертниках» разбирался в сословном суде присяжных поверенных Туркестана в Ташкенте, и все пятеро были общественно-сословным судом признаны виновными.

—«Я вполне сознательно,—сказал в заключении тов. Степанянц,—так подробно и долго останавливаюсь на общественной деятельности В. А. Чайкина, и вот почему: на горизонте Закавказья Чайкин—новое лицо. Обвинение, пред'явленное им, носит широко общественный характер. Позиция, занятая в этом вопросе генералом Томсоном, выдвигает вопрос о доверии к личности автора и обвинителя—В. А. Чайкина. Между тем, весь характер его прошлой деятельности, прошедший на моих глазах, исключает возможность постановки вопроса о том, имеются ли у В. А. Чайкина «доказательства виновности», как это сделал генерал Томсон.

Я долго работал с В. А. Чайкиным и с полной уверенностью заявляю, что, выступая с подобного рода обвинениями, он достаточно учитывал, как тяжесть обвинения, так и полноту ответственности. Таким я его знал за всё время совместной с ним работы и убежден, что ничто не могло измениться с тех пор, как мы расстались.

Опыт русского генерала Куропаткина должен был бы послужить наглядным уроком английскому—генералу Томсону.

ПРИЛОЖЕНИЕ 18 *).

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Б. БАЙКОВА.

В 73 № газеты «Единая Россия», от 6-го апреля т. г., появилась за подписью «В. Байков», со ссылкой на члена совета присяжных поверенных округа ташкентской судебной палаты Агапьева статья, озаглавленная — «О г. Чайкине». В этой статье заключаются утверждения, до такой степени ложные и бессмысленные, что у меня не хватает решимости возложить за них моральную ответственность на целый состав редакции «Единой России», как бы я ни относился к политическому направлению и общей физиономии этой газеты. Поэтому, об'ясняя появление указанной статьи заблуждением редакции относительно сообщаемых В. Байковым сведений, ограничиваюсь напечатанием настоящего опровержения.

По утверждению автора статьи «О г. Чайкине», «к раскрытию этой истории (о торге ташкентских присяжных поверенных Арсеньева, Вебера, Иванова, Костко и Шермана с той-тюбинскими смертниками) г-н Чайкин имеет такое же отношение, как и богдыхан китайский»... И далее: «Никакого участия г-на Чайкина во всей этой истории для пролития на нее надлежащего света не требовалось. Генерал-ад'ютанту А. Н. Куропаткину совершенно незачем было требовать представления каких-либо доказательств, подтверждающих его обвинения против ташкентских адвокатов, ибо А. Н. Куропаткину, если он заинтересовался поводами к обвинению означенных адвокатов, надо было обращаться не к г-ну Чайкину, а к ташкентскому совету присяжных поверенных, который судил адвокатов и осудил. Поэтому самая беседа г-на Чайкина с генерал-губернатором А. Н. Куропаткиным, представляется нам чистейшим апокрифом».

Поразительная наглость этой тирады, редкая по своей беззастенчивости и безоглядочности, станет ясна из нижеследующего.

В половине сентября 1916 года, в качестве специального корреспондента «Русских Ведомостей», я посетил ташкентский военно-окружный суд, где только что кончилось слушанием и смертным приговором дело о восьми жителях селения Той-Тюбе по обвинению их в вооруженном восстании.

Здесь вместе с известным общественным деятелем Туркестана, младосартом У. А. Ходжаевым, я был свидетелем потрясающей сцены торга со смертниками пяти ташкентских адвокатов, фамилии которых приведены выше. Мне нет необходимости передавать эту сцену. Достаточно сказать, что торг о многотысячном гонораре за «40 минут работы» (речь шла о написании А. Н. Куропаткину телеграммы о помиловании) производился в целях «морального воздействия» сознательно в присутствии родственников приговоренных к смерти и вызвал во всем Туркестане и даже Европейской России бурю

*) [illegible] ... Трудам, № 88 (252), 29 IV 19 г.

негодования. Многим должна быть памятна написанная с необыкновенной силой статья о «вытрясателях денег из саванов» известного журналиста — Александра Яблоновского (в «Киевской Мысли»), перепечатанная впоследствии большею частью столичных и провинциальных газет.

Тут же, во дворе окружного суда, где в присутствии конвоя происходила вся сцена, я предложил своему спутнику, У. А. Ходжаеву, отправиться в совет присяжных поверенных и сделать там соответствующее официальное заявление. *Председателя совета, лично мне известного Н. Н. Закаменного, в это время в Ташкенте не было,* и так как его заместитель, прис. пов. Иванов, имел ближайшее соприкосновение со смертниками (и впоследствии был советом осужден за это), то мы посетили члена совета присяжного поверенного Парадоксова, которому и изложили официально всю кошмарную историю, предложив начать по делу немедленное расследование. Член совета Парадоксов, *впервые узнавший от меня и У. А. Ходжаева о торге со смертниками, заслушал мое заявление и дал обязательство в тот же день сообщить ему формальное движение.*

Возвратившись через несколько дней в Андижан (Ферганской области), я поместил в «Туркестанском Голосе» статью «Торг со смертниками», которая немедленно вызвала следующую знаменательную реакцию: в ташкентской газете «Туркестанский Курьер» было помещено пятью обвиненными адвокатами «письмо в редакцию», безоговорочно отрицающее всю сцену торга и выражающее изумление тому, «какими побуждениями вызвана выходка г. Чайкина «против пяти представителей местной присяжной адвокатуры». Однако, несмотря на столь категорическую позицию «оклеветанных» адвокатов, туркестанский совет присяжных поверенных счел себя вынужденным приступить к производству следствия. Придавая огромное значение оздоровлению нравов туркестанской адвокатуры и зная, как далеко идут эти нравы, я, естественно, не мог считать туркестанский совет присяжных поверенных, товарищ председателя которого сам оказался участником позорного факта (прис. пов. Иванов), способным на об'ективные и суровые меры в отношении пяти преступных членов сословия. Поэтому, в связи с другими неотложными общественными делами Туркестана, редакционная коллегия «Туркестанского Голоса» постановила командировать меня, как члена ее, в Петроград для осведомления оппозиционных депутатов Государственной думы о всех подробностях торга со смертниками и о неотложных мерах, способных помочь организованному общественному мнению Туркестана в его борьбе с злоупотреблениями и преступлениями части туркестанской адвокатуры.

По дороге в Петроград я остановился в Ташкенте; здесь, в гостиницу «Националь», ко мне обратился по телефону генерал для поручений при тогдашнем наместнике края А. Н. Куропаткине — Мельников и от имени Куропаткина, «который, по словам Мельникова, близко заинтересовался этой ужасной историей и посвященной ей статьей «Туркестанского Голоса» «Торг со смертниками», просил меня дать по этому [illegible]

При этом генерал Мельников выразил по телефону готовность немедленно прибыть ко мне в «Националь», так как А. Н. Куропаткин очень торопит его с этим делом, и даже предлагал несколько дней назад выехать для получения от меня показаний в Андижан. В тот же день, около 5 час. вечера, в доме, по Пушкинской улице, состоялось мое свидание с генералом Мельниковым. Ссылаясь вновь на готовность Куропаткина «всеми доступными ему мерами» бороться с адвокатскими злоупотреблениями, генерал Мельников дал мне понять, что не исключена возможность высылки всех пяти обвиненных адвокатов из Туркестана в административном порядке, властью начальника края. Выслушав об'яснения генерала Мельникова, я заявил ему буквально следующее: «Передайте уполномочившему вас на переговоры генерал-ад'ютанту Куропаткину, что никаких показаний я ему давать не считаю возможным по принципиальным соображениям. Генерал-ад'ютант Куропаткин, начиная административное дознание по делу об антиэтичном профессиональном поступке пяти адвокатов, вторгается в сферу компетенции их сословного суда. Показания будут даны мною только совету присяжных поверенных округа ташкентской судебной палаты,—хотя я жестоко осуждаю этих адвокатов и буду бороться с ними всеми доступными мне *«легитимными»* средствами». По предложению генерала Мельникова, я отказался от показаний, со ссылкой на совет присяжных поверенных, в письменной форме, после чего им была сказана мне сакраментальная фраза: «Это может иметь для вас *обратное* последствие», т.-е., что из края могут выслать не адвокатов, а меня.

Поздно вечером того же дня, с 10-ти часов, я давал показания созванному экстренно по телеграфу в квартире только что возвратившегося из Петрограда Н. И. Закаменного трукестанскому совету присяжных поверенных. Дача показаний происходила в присутствии всех пяти обвиняемых и длилась до 2½ час. ночи. Утром, за час до отхода поезда, мой номер в «Национал'е» посетил для подписания протокола показаний Н. И. Закаменный, и тогда же мною было отослано А. Н. Куропаткину письменное заявление с уведомлением его о том, что сведения, в которых было отказано генералу Мельникову, даны мною совету присяжных поверенных.

Приехав в Петроград, я сообщил о положении дел в Туркестане и о случае с той-тюбинскими смертниками ряду депутатов оппозиции—прогрессистам Ржевскому, князю Мансыреву и другим.

Результатом переговоров *было официальное согласие депутата Мансырева собрать 33 необходимых подписи членов Государственной Думы под запросом министру юстиции, как генерал-прокурору, о положении дел в среде туркестанской адвокатуры вообще и в совете присяжных поверенных в частности.* Всякому, кто помнит отношение думской оппозиции к министру юстиции Щегловитому, будет понятно, насколько тяжким и безысходным почиталось положение с юридической помощью населению Туркестана, если такие депутаты, как Ржевский и Мансырев, шли на открытую борьбу с со-

словным органом туркестанской адвокутуры путем думского запроса тогдашнему министру юстиции.

Возвратившись в Ташкент, я узнал, что совет *присяжных поверенных разобрал дело Арсеньева, Вебера, Иванова, Костко и Шермана, признал всех их виновными в торге со смертниками и, не индивидуализируя вины, приговорил каждого к лишению на полгода практики. Однако, по протесту прокурора, дело было перенесено в ташкентскую палату, которая двух адвокатов удалила из сословия навсегда, двум повысила наказание до одного года и одному понизила до 2 месяцев.*

Таков был финал моего официального заявления члену совета Парадоксову и статьи «Туркестанского голоса»—«Торг со смертниками», на которые обвиняемые адвокаты реагировали вначале письмом с выражением недоумения, «какими побуждениями вызвана выходка г. Чайкина», и заявлением о полной невиновности их в торге с той-тюбинскими смертниками.

Узнав в Тифлисе 7 апреля о появлении в «Знамени Труда» статьи тов. И. В. Степанянца, посвященной моей борьбе с преступной частью туркестанской адвокатуры, я отнесся с некоторым осуждением к его инициативе, так как далек от мысли обосновывать свои обвинения против капитана Тиг-Джонса (по делу об убийстве 26-ти бакинских комиссаров) ссылками на свои прошлые анологичные выступления. Для изобличения капитана Тиг-Джонса и его соратников мною переданы в распоряжение социалистических организаций Закавказья положительные, твердые доказательства, и я убежден, что не за горами то время, когда эти доказательства станут достоянием гласности.

Печатая настоящее опровержение, я преследую иную цель, показать, до какого нравственного одичания могут доходит «писатели» известного лагеря, когда они обуреваемы, несмотря на весь свой ура-патриотизм, суетливым желанием угодить «иностранному генералу». Ибо, только человек без совести и чести, после всего рассказанного мною выше и о чем знает весь Туркестан, способен печатать черным по белому, что «г-н Чайкин имеет (к делу о торге адвокатов со смертниками) такое же отношение, как и богдыхан китайский» и что «самая беседа (?) г-на Чайкина с генерал-губернатором А. Н. Куропаткиным (?) представляется нам чистейшим апокрифом».

Не обинуясь, должен сказать, что считаю начатие и доведение мною до конца кошмарного дела «о пяти ташкентских адвокатах и восьми той-тюбинских смертниках, одною из наиболее почтенных страниц своего общественного прошлого, и не господам «Байковым» вымарать эту страницу своими бессмысленно-лживыми писаниями.

Обращаясь к редакции «Единой России», я предлагаю ей, на ряду с напечатанием настоящего опровержения, найти в себе достаточно гражданского мужества для помещения заявления «от редакции» о злостно-лживом и искательном характере статьи Б. Байкова «О г-не Чайкине».

Юридическую экскурсию г. Байкова в область достаточности ...

достаточности моих заявлений властям об убийстве 26 бакинских комиссаров я оставляю без возражения, так как она основана на явном непонимании автором статьи смысла ответа генералу Томсону: речь шла не о достаточности улик против капитана Тиг-Джонса, а о достаточности сообщения достоверного сведения об уголовном преступлении (убийстве на перегоне «Перевал»—«Акча-Куйма» 26 человек) для начатия расследования об их исчезновении.

В. Чайкин.

Тифлис.
11 апреля 1919 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 14.

«ИЗ ДЕЛА КОНТР-РАЗВЕДОЧНОЙ КОМАНДЫ БИЧЕРАХОВА. *)

1) 1918 года марта, через Тер-Погосова, эс-эра, и Наджарова, эс-эра, Бичерахов привел в исполнение заговор против бакинских большевиков. Им было отпущено на агитационные цели против большевиков 100,000 руб.

2) 26 и 27 июня в гостинице «Метрополь» в № 46 обсуждался и был решен вопрос ареста Шаумяна и других комиссаров. Со стороны эс-эр'ов участвовали Велунц, Тер-Оганов и Наджаров, что и было выполнено.

3) 14 сентября 1918 года Сако Саакян и Наджаров пред'явили в Петровске требование Бичерахову немедленно телеграфировать Стачкому в Красноводск, чтобы бакинские комиссары были расстреляны. Но Бичерахов отказался исполнить их требование и, по предложению одного дашнака, просил Стачком освободить большевиков.

4) 15 сентября 1918 года, когда по приказанию Джантьяна из Старо-Переяной (?) военное судно вернуло бежавших из Петровска эс-эра Сако Саакяна и меньшевика Садовского, последние дали обязательство работать на пользу отряда и с 25 сентября содержались за счет отряда Бичерахова (на обороте написано Начальник Военно-полевого отряда).

5) Через Тер-Погосова в декабре 1918 года было отпущено эс-эр'ам из сумм Бичераховского отряда 25.000 рублей, а затем через ликвидационную комиссию более 1.000.000 рублей.

6) В феврале 1919 года меньшевик Георгий Бичерахов получил 1.000,000 рублей, а Мерхелев—200.000 рублей, для работы в Терской области и Кубани в сотрудничестве с Деникиным.

7) В феврале 1919 года Сако Саакяну отпущено для основания органов печати и агитационных целей несколько сот тысяч рублей для агитации в Армении и в Тифлисе за Единую Россию.

8) 18 декабря 1918 года на квартире Бичерахова Сако Саакян на совещании заявил: «Отряду следует идти против большевиков в Терской

*) Приводится без всяких комментарий и с сохранением стиля «оригинала».

области». Когда ему возразили, что придется подчиниться Деникину, он заявил: «Против большевиков хоть с Деникиным, нужно единство России, хотя бы это стоило подданства Деникину».

9) 26 октября 1918 года меньшевики и эс-'эры из Петровска командировали в Омск для связи с Колчаковской армией Вл. Минорского.

10) В октябре 1918 года Моздокский офицерский отряд сообщил, что Сако Саакян приезжал в Моздок для переговоров с Георгием Бичераховым»

ПРИЛОЖЕНИЕ № 15.

ГОСПОДИНУ СУДЕБНОМУ СЛЕДОВАТЕЛЮ АСХАБАДСКОГО ОКРУЖНОГО СУДА ТОГО УЧАСТКА, В РАЙОН КОТОРОГО ВХОДИТ ПЕРЕГОН МЕЖДУ СТАНЦИЯМИ «ПЕРЕВАЛ» И «АХЧА -КУЙМА» СРЕДНЕ АЗИАТСКОЙ Ж. Д.

Вадима Афанасьевича ЧАЙКИНА, члена Всероссийского Учредительного Собрания от Ферганской об

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Второго марта текущего года член комитета общественого спасения и министр иностранных дел правительства Закаспийской области Лев Александрович Зимин, в бытность мою в Асхабаде, в ответ на заданный мною вопрос, что ему известно относительно исчезновения двадцати шести прибывших из Баку в Красноводск комиссаров, раз'яснил в присутствии члена Всеросийского Учредительного Собрания Мустафы Чокаева следующее.

После того, как в Асхабаде стало известно, что бакинские комиссары из Красноводска куда-то увезены, Л. А. Зимин обратился вследствие телеграфного запроса из Мешеда представителя Закаспийского правительства Дохова с вопросом об участи комиссаров к представителю великобританской военной миссии в Асхабаде капитану Реджинальду Федоровичу Тиг-Джонсу. Капитан Тиг-Джонс раз'яснил Зимину, что бакинские комиссары расстреляны и что великобританская миссия считает это действие правильным. О факте убийства бакинских комиссаров сообщил Зимину также председатель закаспийского розыскного бюро Семен Львович Дружкин, при чем из рассказа Дружкина Зимин заключил, что тот и... в этом убийстве участие, хотя по своему положению главы закаспийского розыска имел полную возможность противодействовать этому, в ... чего Дружкин сказал, что представитель великобританской военной мисси

упомянутый капитан Тиг-Джонс, обязался выдать ему, Дружкину, на всех убитых комиссаров официальные удостоверения великобританских властей Мешеда и Индии об естественной смерти комиссаров от болезни, «в чем может быть получено какое угодно медицинское свидетельство».

С другой стороны, явившийся в президиум рабочей конференции города Баку, бывший начальник красноводской милиции Ф. Алания показал членам президиума (в конце марта этого года), что он был очевидцем увоза убитых впоследствии комиссаров из красноводской тюрьмы, произведенного *Филатовым, Худоложкиным, Петровичем, Седых* и друг.

Основываясь на сказанном, прошу г. судебного следователя начать следствие об убийстве утром, на рассвете, 20 сентября 1918 года, на 207-й версте, между станциями «Перевал» и «Ахча-Куйма», приблизительно в 30 саженях от полота железной дороги, прибывших из Баку комиссаров: 1) Б. Авакяна, 2) Мешади Азизбекова, 3) Арсена Амиряна, 4) Татевоса Амиряна, 5) Басина, 6) А. Богданова, 7) С. Богданова, 8) Берга, 9) Арменака Боряна, 10) Везирова, 11) Габышева, 12) Алексея Джапаридзе, 13) Павла Зевина, 14)М. Коганова, 15) Григория Корганова, 16) Костандяна, 17) Ивана Малыгина, 18) Метакса, 19) Мишне, 20) Николашвили, 21) Сурена Осенянца, 22) Павлухина, 23) Петрова, 24) Солнцева, 25) Ивана Фиолетова и 26) Степана Шаумяна.

Мой постоянный адрес: Тифлис, Католическая улица, дом № 8, присяжному поверенному Николаю Александровичу Тарханову для В. А. Чайкина.

Приложение: 1) номер газеты «Народное Знамя», от 15 марта 1919 года, со статьей «Казнь 26 комиссаров»; 2) номер газеты «Народное Знамя», от 28 марта 1919 года, с показанием Ф. Алания: «К расстрелу двадцати шести».

ПРИЛОЖЕНИЕ № 16.

Министру юстиции Закаспийского правительства.

Заявление.

Прилагаю копию моего заявления от 4 апреля с. г. на имя г. судебного следователя при асхабадском окружном суде, обращаюсь к вам, как к генерал-прокурору с просьбой принять зависящие меры к скорейшему и наиболее тщательному производству следствия по делу об убийстве 26 перечисленных в указанном заявлении лиц.

В. Чайкин.

Тифлис, 4 апреля 1919 г.

Мой адрес...

ПРИЛОЖЕНИЕ № 17

Президиуму рабочей конференции гор. Баку.

В. А. Чайкин, прилагая копию заявления на имя судебного следователя асхабадского окружного суда, просит товарищей, входящих в состав президиума Бакинской рабочей конференции, принять меры к непременному производству и последующему ускорению следствия по делу об убитых бакинских комиссарах. 4 апреля 1919 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 18 *).

«К расстрелу 26 комиссаров.

Редакцией «Народного Знамени» получены совершенно достоверные сведения о том, что в Индию, по ордеру великобританского военного командования, увезены фактически, кроме отправленных туда фиктивно 26 убитых комиссаров, еще 65 человек. Все эти лица, в числе которых было несколько деятелей Советской власти, отправлены из Красноводска в Индию,—через Мамедабад—6 человек, в начале сентября прошлого года и через Мешед—59 человек в конце сентября.

Судьба этих лиц ни в Туркестане, ни в Закавказьи никому в точности не известна».

---

*) Цитируется из тифлисской с.-р. газеты «Народное Знамя», № 41, 16/III—19 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 19.

ПАМЯТИ
Бакинскихъ Коммунаровъ

разстрѣлянныхъ 20 сентября 1918 года.

Ихъ имена:

СТЕПАНЪ ШАУМЯНЪ — членъ Центр. Ком. Росс. Комм. Партіи, Чрезвычайный Комиссаръ Кавказа, Предсѣдатель Бакинскаго Совнаркома и Комиссаръ Иностр. Дѣлъ.

АЛЕША ДЖАПАРИДЗЕ — Предсѣдатель Бакинскаго Совдепа, Комиссаръ Внутр. Дѣлъ и Продовольствія, членъ Кавк. Кр. Комитета большевиковъ.

ГРИГОРІЙ КОРГАНОВЪ — Предсѣдатель Революціоннаго Совѣта Кавк. арміи, Военный Комиссаръ Бакинскаго Совнаркома, главнокомандующій Кавказской красной арміей. Коммунистъ.

ПЕТРОВЪ — Представитель Центр. власти въ Баку, командиръ Московского отряда. Лѣвый с.-р.

АРСЕНЪ АМИРЯНЪ — редакторъ орг. бак. комитета коммунистовъ „Бакинск. Рабочій".

ТАТЕВОСЪ АМИРЯНЪ — командиръ совѣтскаго кавалерійскаго отряда.

ВАНЯ ФІОЛЕТОВЪ — предсѣдатель Бакинскаго Совѣта Нар. Хозяйства, членъ Кавк. Кр. Комитета большевиковъ.

ПАВЕЛЪ ЗЕВИНЪ — Комиссаръ Труда. Коммунистъ.

ВЕЗИРОВЪ — Комиссаръ земледѣлія. Лѣвый с.-р.

А. БОГДАНОВЪ — Совѣтскій работникъ. Коммунистъ.

С. БОГДАНОВЪ — Совѣтскій работникъ. Коммунистъ.

БАСИНЪ — Совѣтскій работникъ. Коммунистъ.

Б. АВАКЯНЪ — Комендантъ г. Баку. Коммунистъ.

СОЛНЦЕВЪ — Совѣтскій работникъ. Коммунистъ.

АРМЕНАКЪ БОРЯНЪ — Совѣтскій работникъ. Коммунистъ.

КОСТАНДЯНЪ — товарищъ комиссара продовольствія. Коммунистъ.

НИКОЛАЙШВИЛИ — Совѣтскій работникъ. Коммунистъ.

МЕТАКСА — Совѣтскій работникъ. Коммунистъ.

ПАВЛУХИНЪ — Совѣтскій работникъ. Матросъ. Коммунистъ.

БЕРГЪ — Совѣтскій работникъ. Матросъ. Коммунистъ.

МЕШАДИ АЗИЗБЕКОВЪ — Губернскій комиссаръ. Коммунистъ.

СУРЕНЪ ОСЕПЯНЦЪ — редакторъ «Изв. Бакинск. Совѣта». Коммунистъ.

ИВАНЪ МАЛЫГИНЪ — членъ Военнаго Совѣта. Коммунистъ.

М. КОГАНОВЪ — Совѣтскій работникъ. Коммунистъ.

ГАБЫШЕВЪ — Бригадный комиссаръ. Коммунистъ.

МИШНЕ — Совѣтскій работникъ. Коммунистъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 20.

Депеша агента британского командования, председателя Красноводского «стачкома» — В. И. Куна.

Средне-Азiатская Казенная Железная Дорога.

16 12 26

Принята с аппарата: час 3 м. по полу со станцiи 66 по проводу катушка № по ряду

Принялъ Миронов

Куда Баку

изъ Красноводскъ 287

Телеграмма №

Отправлена по адресу час. ч. м. по полу

Отправилъ

к передаче далѣе час. ч. м. по полу на станцiю по проводу катушка № по ряду

Передалъ

Разрядъ	Счетъ словъ	Подана				Служебныя отмѣтки
О.Д.	8 т. оп. ш.	16	12	3 ч	по полу	

Рабочим Красного Городу.

Делегаты выехали обратно в Баку положение в Красноводске [illegible] удовлетворительно.

№ 27 Кун.

электропеч. Т. Д. Жаврова.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 21.

Адрес на конверте с «дипломатической» почтой министра иностранных дел Закаспийского правительства (Л. А. Зимина) на имя генерала В. М. Томсона — в Баку.

Совершенно доверительно

Генералу Томсону

Представителю Великобританского Правительства
в Баку

От Министра иностранных дел
Закаспийского Правительства.
№ 356.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 22.

Показание—признание Ф. Фунтикова и Седых.

Товарищу } Чайкину В. А.

Я, нижепод. Председатель бывш. Исп. Ком. Закаспийской Обл. удостоверяю следующее:

1) Приблизительно в 20 чис. Сентября мне стало известно, что вследствие побега прибывших в Красновод. из Баку комиссаров были приняты меры предосторожности. Друшкиным, подчиненным Предс. разных коми бюро со вниманием с представителями Английской миссии Тиг-Джонсом к вывозу из Красноводска в Индию (через Мешед) этих комиссаров в количестве 26 чел. Об этом мне говорили лично Друшкин, Тиг-Джонс, Курылев. — Друшкин назвал себя квартиру, Тиг-Джонс и Курылев на квартиру Дорера. Друшкин объяснил необходимость отправки комиссаров в Индию совершенно твердо и определенно заявил мне, что ~~(упоминая положение)~~ ему было заявлено Английской миссией о необходимости для Английского командования комиссаров в Индии. Позднее Друшкин заявил мне, что помимо него от Тиг-Джонса, отделения Английской миссии, депутации в которой заключалось требование

Англійской миссіи о томъ, что выве-
зенные изъ Баку въ Красноводскъ
(26) комиссаровъ здѣсь подъ усилен-
ной охраной Англійскихъ властей
въ Индіи.

2) Въ дѣйствительности-же указанные комис-
сары не были приведены въ Индію, а по дорогѣ между
станціями Красноводскъ–Ашхабадъ были сопро-
вождающей стражей изъ русскихъ и Тур-
кменъ разстрѣляны по предваритель-
ному соглашенію между Друшкинымъ и Тиг-
Джонсомъ и Курылевымъ, причемъ я тоже
предварительно объ этомъ предстоящемъ
дѣлѣ былъ освѣдомленъ, но не считалъ
возможнымъ помѣшать этому ввиду
исключительности положенія и осо-
бой жестокости предъ этимъ про-
явленной комиссаромъ Фроловымъ во отно-
шеніи нашихъ парламентеровъ (членовъ
Кизилъ-Арватскихъ делегацій изъ рабо-
чихъ, посланныхъ къ Фролову для пере-
говоровъ были истязаны и уби-
ты лично Фроловымъ и его Красно-
армейцами). Этотъ предвари-
тельный разстрѣлъ по настоя-
нію Англійской миссіи долженъ былъ
быть объявленъ для населенія офиціаль-
ными документами о ссылкѣ комиссаровъ
Англичанами въ Индію. Я безусловно
былъ убѣжденъ въ томъ, что у Друш-
кина этими документами [illegible]
о чемъ уже были [illegible] три раза
въ печати [illegible] вопросы
объ [illegible] не представленіи документовъ

своей забывчивостью.

3) Лица, большинство безпартійныя, которые выезжали въ Красноводскъ для выполненія приговора о комиссарахъ решеній, я даже для свиданія партійныхъ людей не считалъ возможнымъ отпускать, именно потому, что считалъ бы это по отношенію къ нимъ, безъ ихъ ведома и согласія, не корректнымъ.

4) Представитель Англійской миссіи въ Асхабаде Тигъ-Джонсъ (глава миссіи и одинъ здесь) говорилъ мне лично до разстрела комиссаровъ и другимъ о необходимости разстрела, а после разстрела выражалъ удовлетвореніе, что разстрелъ въ соответствіи съ видами Англійской миссіи произведенъ.

5) Мне известно, что после разстрела и погребенія комиссаровъ, все ихъ вещи были сожжены.

Федоръ Фунтиковъ.

Город Ашхабад, 1919 г. марта 2 дня 3 ч. 35 м. дня.
Я как во время работы в Закаспийской области и как член Исполнительного Комитета подтверждаю точность и правдивость вышеизложенных показаний. [illegible]

[illegible]

ПРИЛОЖЕНИЕ № 23.

Показания Л. А. Зимина.

В. А. Чайкину

М. Г.

На Вашъ вопросъ о томъ, что мнѣ извѣстно по дѣлу о 26 бакинскихъ комиссарахъ, могу отвѣтить слѣдующее. Вскорѣ послѣ того, какъ стало извѣстно о задержаніи въ Красноводскѣ комиссаровъ, бѣжавшихъ изъ Баку, я былъ запрашенъ по прямому проводу изъ Мешеда Доховымъ о ихъ судьбѣ. Я спросилъ тогда предсѣдателя Исполнительнаго Комитета Фунтикова и начальника развѣдочнаго бюро Дружкина о судьбѣ комиссаровъ, на что получилъ отвѣтъ, что они разстрѣляны. Объ этомъ мною было сообщено шифромъ Дохову.
(капитана Тиг-Джонса)
Когда я спрашивалъ о томъ, извѣстна (ему) ли судьба комиссаровъ, онъ мнѣ

отвѣтилъ, что извѣстна и что Великобританская Миссія считаетъ это дѣйствіе правильнымъ. По чьему распоряженію разстрѣляны Комиссары мнѣ неизвѣстно. Подробности этого дѣла я не старался узнать, такъ какъ считалъ тяжело было чувствовать, что и я несу извѣстную моральную отвѣтственность за это дѣло. Помню точно, что спросилъ однажды Друзкина, какъ онъ думаетъ оправдаться въ этомъ дѣлѣ, если у него когда-нибудь потребуютъ отвѣта. Вѣдь онъ, стоявшій во главѣ политическаго розыска, имѣлъ возможность предотвратить случившееся. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что Капитанъ Тигъ-Джонсъ обѣщалъ ему дать удостовѣреніе объ отправкѣ всѣхъ разстрѣлянныхъ въ Индію и тѣмъ

смерти такова, а чемъ можетъ быть представлено какое угодно медицинское свидетельство.

Больше ничего по этому вопросу Вамъ сообщить не могу.

Готовый къ услугамъ

П. Зиминъ.

2 марта 1919 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 24.

Два обращения генерала В. М. Томсона к В. А. Чайкину.

INTELLIGENCE SECTION
Advan. I. G. H. Q
BRITFORCE
No. I/1205
Date 20/3/19.

Господину А.В.ЧАЙКИНУ

Имѣю честь спросить Васъ, когда Вы можете придти въ нашъ ШТАБЪ, находящійся на Сергіевской улицѣ, въ домѣ № 9, для переговоровъ. Если это для Васъ окажется неудобнымъ, можно командировать офицера къ Вамъ.-

[signature]
Капитанъ Англійской Службы
Британскаго Генеральнаго Штаба

20-го Марта 1919 г.
Гор. Тифлисъ.

On His Majesty's Service.

ГОСПОДИНУ

Вадиму Афанасьевичу

Чайкину.

"22" МАРТА 1919г.

ТИФЛИСЪ.

ГОСПОДИНУ

Вадиму Афанасьевичу ЧАЙКИНУ.

Имѣемъ честь сообщить, что Генералъ ТОМСОНЪ приметъ Васъ въ II часовъ утра 23 Марта. Автомобиль будетъ присланъ за Вами въ 10часовъ 45 минутъ.

Капитанъ Англійской Службы

Британского Генерал Штаба

ПРИЛОЖЕНИЕ № 25.
Показания В. Н. Ревонатовой.

[illegible] 23-го Августа 1918 года в Москве на Николаевском вокзале меня познакомили с Семеном Львовичем Друженштейн. Он обещал меня провести без всяких затруднений до Бухары. От Москвы до Саратова мы ехали на поезде, от Саратова до Астрахани на пароходе и т. п. При чем во время езды и на поезде и на пароходе его ни разу не обыскивали и его вещи не осматривали, в то время как вещи других пассажиров, в том числе и мои, буквально беспрерывно, днем и ночью, перерывались и осматривались. Во время путешествия ему оказывали крупное содействие: на пароходах так и в вагонах он получал отдельные купе и каюты, тогда когда я и другие пассажиры платили по 500 и 800 руб. Все эти услуги объяснялись тем, что у него были документы Терского Совдепа, как члена Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией и саботажем. Документ этот видела сама при следующих обстоятельствах: ночью пароход „Казанец", на котором мы ехали по Волге

[Мы] остановились недалеко от
станции „Дубовки". Вскоре
на „Дарогой" начались обыс[ки],
аресты и мобилизация офице-
ров. У всех смотрели вещи
по нескольку раз, у С.Л.
Эфрускина по приказу когда
приходили осматривать в его
каюту, он вынимал сверху
[illegible] и показывал как-
ие-то документы. Какие
я не знаю, но после про-
смотра этих документов
перед ним извинялись и
вещи его оставались нетрону-
тыми. После этого я заинте-
ресовалась документами и
попросила показать их. С.Л.
Эфрускин один из них показал:
это был тот упомянутый
много выше документ.
Раньше это я боялась сооб-
щить [illegible], потому что
за мной С.Л. Эфрускин
установил слежку и грозил
заключить под стражу.
Вера Николаевна
Левакатова —
слушательн. Моск. Высш. Жен.
курсов историко-филос.
факультета, филологич.
отделения.

7 31 [illegible] 1919 г.

200

Удостоверение.

Предъявител сего гражд. Фуражкину С. П. с семьей

Исполнительн. Комитетом Пермского Окружного Совета Раб., Кр. и Арм. Депутатов разрешен проезд по ж. д.

до ст. Андижан ч/з Москву, Оренбург, Асхабад и Красноводск

удостоверяется.

«13» VIII 1918 г.

№ 10752

Председатель Отдела Управления Исполнит. Комитета [signature]

Секретарь [signature]

Типография 1918 г. зак. № 2722